

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
СИБИРИ
ПЕРИОДА
КАПИТАЛИЗМА**

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. В. КУЙБЫШЕВА

1-601374

ВОПРОСЫ
ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
СИБИРИ
ПЕРИОДА
КАПИТАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1985

Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма/Отв. ред. В. П. Зиновьев. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. — 216 с. — 1 р. 70 к. 500 экз. 0505010000.

Сборник подготовлен сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского университета, преподавателями и аспирантами исторических кафедр вузов Западной Сибири.

Рассматривается широкий круг вопросов историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. В ряде статей дается оценка изученности различных отраслей экономики края, процесса классовобразования в них. Анализу известных и выявленных вновь источников, выработке методики их использования посвящена другая часть статей. Еще один раздел сборника составляют материалы к хронике рабочего движения в Сибири.

Для специалистов-историков, студентов исторических факультетов вузов.

2уч 1,5кб

Рецензент — д-р ист. наук А. А. Говорков
Редакционная коллегия: проф. А. П. Бородавкин,
проф. З. Я. Бояршинова, канд. ист. наук В. П. Зиновьев (отв. ред.), О. Н. Разумов

В $\frac{0505010000}{177(012)-85}$ 18-85

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом специальном сборнике работ по вопросам историографии и источниковедения Сибири периода капитализма, подготовленном научными сотрудниками Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, преподавателями и аспирантами исторических кафедр Томского университета, вузов Томска, Москвы, Новосибирска, Барнаула, Омска, рассматриваются вопросы историографии, источниковедения, методики исследования истории. Статьи тематически составляют два основных раздела.

В первый раздел включены статьи по историографии и источниковедению истории промышленности, пролетариата, буржуазии Сибири, формированию капиталистических отношений в городах и сельском хозяйстве региона.

Второй раздел включает статьи социально-политического характера. Здесь помещена методика составления хроники рабочего движения в Сибири. На ее основе в настоящее время подготавливается к публикации «Хроника рабочего движения в Сибири». Работа ведется историками Томска, Москвы, Омска, Барнаула, Новокузнецка и координируется группой по изучению истории Сибири периода капитализма Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете. В этот раздел включены и материалы к хронике рабочего движения — хроника создания рабочих организаций в Западной Сибири во второй половине XIX в. — 1907 г., статьи, посвященные историографическим аспектам общественного движения в Сибири в начале XX в.

В раздел библиографии помещен список трудов известного исследователя истории капиталистической Сибири профессора Томского университета Г. Х. Рабиновича (1934—1981 гг.).

Редакционная коллегия выражает надежду, что публикация сборника внесет свой вклад в разработку вопросов историографии и источниковедения Сибири периода капитализма и вызовет интерес у специалистов-историков, студентов, преподавателей истории.

Зиновьев В. П.

И. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Г. Х. РАБИНОВИЧ

В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ О СИБИРСКИХ РАБОЧИХ 60-х гг. XIX в.

В. В. Берви-Флеровский — один из видных представителей разночинского этапа освободительного движения в России. Его знаменитые труды «Положение рабочего класса в России» и «Азбука социальных наук» занимают достойное место в демократическом направлении русской историографии. В свое время они сыграли большую роль в воспитании нескольких поколений революционеров, борцов против самодержавия.

Философские, экономические, общественно-политические и исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского уже анализировались в советской литературе¹. Тем не менее они изучены еще недостаточно полно. Одним из малоисследованных аспектов является освещение ученым социально-экономического положения пореформенной Сибири, условий труда и быта населения этого региона. В данной статье делается попытка в общих чертах охарактеризовать взгляды В. В. Берви-Флеровского на положение сибирских рабочих.

¹ Подоров Г. Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. М., 1952, 236 с.; Рязанцев Т. С. Философские взгляды В. В. Берви-Флеровского. — Уч. зап./Коми пед. ин-т, 1960, вып. 9; Он же. Социально-политические взгляды В. В. Берви-Флеровского. — В кн.: Некоторые вопросы истории и теории общественного сознания. М., 1976; Михайлов Б. Г. В. В. Берви-Флеровский о пореформенной деревне Севера Европейской России. — В кн.: Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970, с. 465—474; Дружинин Н. М. Исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского. — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971, с. 312—329; Рабинович Г. Х. Сибирское крестьянство 60-х гг. XIX в. в трудах В. В. Берви-Флеровского. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1982, вып. 11, с. 65—71.

Всё творчество В. В. Берви-Флеровского было пронизано стремлением служить своему народу, делу освобождения его от феодально-крепостнического и капиталистического гнета. Это и предопределило интерес ученого к острой социально-экономической проблематике и прежде всего к положению народных масс — крестьянства и пролетариата. Этой важной теме он посвятил свой главный труд «Положение рабочего класса в России»².

Мысль о написании книги родилась у В. В. Берви-Флеровского в сибирской ссылке, во время пребывания в Томске³. В поисках средств к существованию он вынужден был занимать место служащего в предприятии томского капиталиста, купца 1-й гильдии Б. Л. Хотимского. Приходилось выполнять обязанности и адвоката, и бухгалтера, и приказчика. Жалование эта служба давала небольшое, но зато она предоставляла В. В. Берви право проезда по всей Сибири, что для него, ученого-революционера, означало возможность непосредственного общения с народом, ведения революционной пропаганды. Личные наблюдения и беседы с рабочими и крестьянами послужили главным источником фактического материала, на основе которого была написана книга «Положение рабочего класса в России». В ней критически использован широкий круг опубликованных источников — законодательные материалы, статистические сборники. Автор добросовестно изучил и многие работы по истории Сибири XIX в. Поэтому книга В. В. Берви-Флеровского в значительной мере написана на сибирском материале. Из 16 ее глав четыре непосредственно посвящены Сибири.

Не имея подлинно научных критериев для изучения классовой структуры капиталистического общества, В. В. Берви-Флеровский относил к рабочему классу не только собственно пролетариат, но всех работников физического труда, и прежде всего крестьянство, составлявшее большую часть населения.

Флеровский дает в книге большой материал о сибирском рынке рабочей силы, об источниках формирования пролетариата в пореформенный период. Он верно подметил такое

² Первое издание книги вышло в 1869 г. под псевдонимом Н. Флеровский. Второе, дополненное издание в 1872 г. было уничтожено царской цензурой.

³ См.: Плакида М. М. Бесстрашный труженик. Сталино, 1960, с. 65. В сибирской ссылке В. В. Берви-Флеровский был вместе с семьей в 1864—1866 гг.

массовое явление, как разорение, пауперизация крестьянства. В главе «Работник-бродяга» нарисована яркая картина положения бродяг, нищих, существовавших случайными заработками.

Пауперы служили резервом рабочей силы. Голод, бесправие, безысходность и преследования властей вынуждали их наниматься работать на самых кабальных условиях. Этим пользовались сибирские капиталисты, особенно в золотопромышленности. Флеровский отмечает, что золотопромышленник «ведет дело, нанимая на работы почти исключительно бродяг и беглых, — дело рисковое и более или менее отчаянное. При наемке рабочих он может сократить, таким образом, первоначальные свои издержки наполовину... Беспаспортный примет все, он возьмет половину, третью часть задатка...»⁴

Автор указывал и на более широкие источники формирования пролетариата в Сибири. Это — крестьяне-переселенцы из Европейской России («русская бедность, переехавшая бедовать в Сибирь»)⁵, ссыльно-поселенцы, разорившиеся сибирские крестьяне. Флеровский подчеркивал, что главным источником формирования рабочих Сибири было местное население. «Наниматься на промыслы нередко приходят люди из России, но главная наемка производится в Сибири»...⁶ Из местных крестьян была значительная часть рабочих речного транспорта. «Работники на пароходах, — писал Флеровский, — набирались из селений, расположенных в самых глухих местах тайги, они были в полной власти своих хозяев...»⁷

Флеровский подробно характеризовал различные отраслевые группы рабочих (на золотых приисках, в судоходстве, обрабатывающей промышленности, городском ремесле и т. д.). Он подмечает сезонный характер производства во многих отраслях сибирской экономики. «Огромное число рабочих, — пишет он, — имеют одну летнюю работу в качестве судорабочих, рыболовов, крючников, носильщиков на пристанях и пр., все земляные работы прекращаются зимой»⁸. Сезонные работы характерны также для золотых

⁴ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения. М., 1958, т. 1, с. 41.

⁵ Там же, с. 115.

⁶ Там же, с. 379.

⁷ Там же, с. 135.

⁸ Там же, с. 549.

присков и для некоторых отраслей обрабатывающей промышленности.

Особенности положения различных отраслевых групп рабочих связываются исследователем с характером производства в каждой отрасли.

Особенно тяжелым было положение рабочих на мелких предприятиях, в «кустарной промышленности» и ремесле, где они были буквально задавлены кабалой, продолжительным рабочим днем. Здесь широко использовался детский труд. В 60-х гг. XIX в. раннекапиталистические формы производства были широко представлены во всех сибирских городах. В таких производствах рабочие страдали не только от капитализма, но и от недостаточного его развития.

С гневом и болью описывает Флеровский условия труда и жизни рабочих-ремесленников Томска. «Я вхожу в низкую с двумя окнами комнату: мебели никакой, в углу три доски положены на козлы грубой работы, и на них лежат две неимоверно грязные подушки. На двух обрубках бревна вместо стульев сидят мужчина и женщина. Она работает башмаки, а он сапоги. Все ее имущество состоит из одного платъа и из одной рубашки... Его имущество также невелико... Он встает каждое утро в четыре часа и будит свою жену, затем он работает, почти не сходя с места до десяти часов вечера»⁹.

Тяжелыми были условия труда и в более крупных заведениях обрабатывающей промышленности.

Флеровский приводит сведения о номинальной (денежной) и реальной заработной плате сибирских рабочих. По его мнению, в Сибири средняя заработная плата была от 3 до 5 р. в месяц. Однако в различных отраслях производства эта зарплата сильно колебалась. «Из числа работников на пароходах и баржах, — отмечал он, — только лоцманы получали достаточное содержание — от шестидесяти до ста двадцати рублей за лето, заработная плата других рабочих — ниже даже той, которую получают годовые работники. В Томске годовой работник, который работает работу, не требующую знания и искусства, получает от пяти до шести рублей в месяц на хозяйском содержании, такова заработная плата кучеров, дворников, караульщиков и пр. Искусный кучер, надежный караульщик получает десять рублей в месяц. На пароходе обыкновенный работник по-

⁹ Там же, с. 98.

лучает тридцать пять рублей в лето, кочегар сорок пять рублей; они работают шесть с половиной месяцев, значит кочегарам приходится получать в месяц по семи рублей, а обыкновенному работнику — по пяти рублей с четвертью; первый получает три рубля меньше возвышенной, а второй — семьдесят пять копеек меньше обыкновенной заработной платы; кроме того, они получают все предметы своего потребления не деньгами, а натурою и переплачивают по пяти—десяти копеек на рубль»¹⁰.

Исследователь сопоставлял денежную заработную плату рабочих с ценами на необходимые им товары. Он указывал на дороговизну жизни в Сибири. По его данным, цены на хлеб и другие продукты здесь, вопреки распространенным обыденным представлениям, в среднем выше, чем в Европейской России¹¹.

Реальная заработная плата сильно понижалась вследствие расплаты с рабочими натурою. Флеровский писал, что «в Сибири, так и в России работники принуждаются вместо заработной платы брать от хозяина все, что им нужно, натурою. Эта система относительно работника есть чистый и иногда весьма губительный для него обман. Работник обыкновенно соглашается на такую низкую плату, что заработком своим он не может обеспечить жизни своего семейства...»¹². По мнению автора, натуральная оплата понижала заработок рабочих в среднем на 50%.

Особенно тяжело отражалась натуральная оплата труда на сезонных рабочих. Флеровский писал: «Во всех подобных работах, как-то: на золотых промыслах, на пароходах, заработная плата выше обыкновенной, точно так же в ремеслах плотника, печника и т. д. В то время как обыкновенная заработная плата простирается от 3 до 5 рублей в месяц, в подобных работах она восходит до десяти рублей и более. Это совершенно необходимо, потому что работник упустил все полевые работы и должен обеспечить себя от голода и нужды в течение зимы, но вот он вдруг получает вместо денег вещи натурою по возвышенным ценам; все его расчеты уничтожаются таким образом, и дело обыкновенно кончается тем, что ему зимою нечего есть»¹³.

¹⁰ Там же, с. 136.

¹¹ Там же, с. 35—36.

¹² Там же, с. 135.

¹³ Там же, с. 135—136.

Флеровский первым из исследователей попытался исчислить приблизительный бюджет сибирского рабочего. Этот расчет сделан на примере приискового рабочего, занятого по общему контракту. По материалам Флеровского, рабочий-приискатель за операцию в 5 месяцев (с 15 апреля по 10 сентября) зарабатывал «на урочных и старательских работах», находясь «на хозяйском содержании», от 10 до 15 р. в месяц¹⁴.

Подробнейший подсчет годовых расходов рабочего показал, что дорога до промысла и обратно в среднем обходилась приблизительно 30 р., уплата податей 30 р., одежда—12 р., питание — 7 р. 50 к., содержание двух детей — 53 р. 60 к. Итог расходов — 133 р. Фактически же заработок в среднем за операцию вместе с задатком, не превышал 100 р. Таким образом, бюджет рабочего имел дефицит — 33 р.¹⁵

Из этого изображения видно, — делает общий вывод В. В. Берви-Флеровский, — что приисковому рабочему не хватит его заработка даже на то, чтобы прокормить с нуждой себя, о семействе и говорить нечего»¹⁶.

И далее он пишет: «Как бы ни изменились условия, в которых находится промысел, одно условие остается неизменным: работник получает так мало, что он не в состоянии содержать даже с нуждой себя и свое семейство»¹⁷.

На многочисленных примерах Флеровский ярко показал полное бесправие рабочих Сибири. Он обращает внимание на ряд пунктов Горного устава, закрепившего всевластие золотопромышленников над личностью рабочего (право «наказывать» рабочих розгами, расплачиваться товарами по произвольным ценам и т. д.) и делает вывод, что «положение рабочего на золотых промыслах есть хотя и временное, но зато полное и безусловное рабство»¹⁸.

Флеровский внимательно изучал и ярко описал в своей книге настроения сибирских рабочих — настроения острого недовольства своим положением и ненависти к угнетателям. Эти настроения он наблюдал и на золотых приисках, где «собирается масса рабочих, недовольных и ожесточенных»¹⁹,

¹⁴ Там же, с. 379.

¹⁵ Там же, с. 379—381.

¹⁶ Там же, с. 381.

¹⁷ Там же, с. 383.

¹⁸ Там же, с. 382.

¹⁹ Там же.

и в городе Т. (Томске. — Г. Р.), где у рабочих, уволенных с завода, «злоба кипела в сердце, у каждого злые мысли вертелись на уме...»²⁰, и на алтайских горных заводах.

В. В. Берви-Флеровский отмечал в своей книге факты борьбы рабочих против произвола царской администрации и капиталистической эксплуатации. Эта борьба велась в 60-х гг. XIX в. преимущественно в пассивных формах (побеги, подача жалоб), но нередко выливалась в формы поджогов промышленных заведений, хозяйских домов, убийств ненавистных служащих и т. д.

Исследователь писал о горнорабочих Алтая: «Уверяют, что ненависть, которую питают рабочие к горному начальству, иногда не имеет пределов, уверяют, что эта ненависть служит главной причиной частых пожаров и поджогов в горных городах; осматривая острог в одном из городов, лежащих в пределах горного ведомства, я нашел, что четвертая часть арестантов состояла из зачинщиков в возмущениях²¹. Он указывал, что наиболее активной силой в выступлениях рабочих Сибири были выходцы из промышленных губерний Европейской России²².

Рабочее движение жестоко подавлялось. Флеровский пишет: «Лишь только рабочий начнет говорить в толпе, что нарушаются их права, его тотчас объявляют подстрекателем к бунту и секут без всякого милосердия»²³.

В трактовке общих процессов социально-экономического развития России в пореформенный период В. В. Берви-Флеровский разделял многие народнические представления. Идеализируя крестьянство, он не понял в полной мере социальную природу рабочего класса и не смог оценить его историческую роль. Но весь фактический материал его книги свидетельствовал не только о глубочайших социальных противоречиях и об ожесточенной классовой борьбе в пореформенной России, но и о неизбежности революции. Предчувствие этой революции явственно слышится в словах учено-революционера: «Туча растет, поднимается, густо чернеет, зловеще волнуется, злобно и грозно сверкают молнии, грохочет отдаленный гром. Буря может разразиться каждое мгновение нежданно-негаданно, встряхнется земля и от

²⁰ Там же, с. 63.

²¹ Там же, с. 384.

²² Там же, с. 462.

²³ Там же, с. 382.

гордых дворцов останутся одни обломки²⁴. Не случайно К. Маркс писал о книге В. В. Берви-Флеровского 5 марта 1870 г.: «После изучения его труда приходишь к глубокому убеждению, что в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция...»²⁵

Большая достоверность фактического материала делает книгу В. В. Берви-Флеровского не только ценнейшим исследованием, но и важным источником для изучения истории России и Сибири 60-х гг. XIX в.

²⁴ Цит. по: Плакида М. М. Указ. соч., 54—55.

²⁵ Маркс К., Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т. 32, с. 549.

Б. К. АНДРЮЩЕНКО

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ И ЕЕ КАДРОВ (1861—1895 гг.)

В исторической литературе нет специальных исследований по дореволюционной историографии обрабатывающей промышленности Сибири и ее кадров периода 1861—1895 гг. Эта тематика частично получила освещение в обобщающих исследованиях, статьях и монографиях по социально-экономической истории Сибири периода капитализма¹. Несколько полнее тема отражена в исследованиях Н. В. Блинова². Однако обобщенный подход в них к проблемам дореволюционной историографии рабочего класса в Сибири, акцентирование внимания на формировании различных классово-политических концепций исключали подробную характеристику литературы об обрабатывающей промышленности и ее кадрах в пореформенный период. Поэтому обращение к дореволюционной историографии этой отрасли сибирского хо-

¹ См.: История Сибири, т. 3. Л., 1968, 532 с.; Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв). Красноярск, 1973, 400 с.; Бочанова Г. А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX — начало XX вв. Новосибирск, 1978, с. 5—15; Она же. Обрабатывающая промышленность и мелкие промыслы в Сибири конца XIX — начала XX вв. Историография вопроса. — В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (13—15 октября 1981 г.). Новосибирск, 1981, вып. 1, с. 114—115; Андриященко Б. К. Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. — В кн.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980, с. 32—33; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981, с. 6—18; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, с. 10—14.

² Блинов Н. В. Дореволюционная историография о положении рабочих в Сибири. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1972, вып. 4, с. 156—175; Он же. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск, 1974, 159 с.

зяйства остается актуальным. В данной статье дается анализ исторических воззрений дореволюционных авторов на характер и уровень развития обрабатывающей промышленности Сибири в 60—90-е гг. XIX в., а также их представлений по рабочему вопросу.

Незначительная роль обрабатывающей промышленности в хозяйственной жизни региона и страны в целом, неразвитость ее экономических форм обусловили характер и качество информации в дореволюционной литературе. Большинство работ — краткие заметки в журналах, газетах, статьи в брошюрах, сборниках или небольшие специальные издания, написанные на основе сведений по истории отдельных фабрик, наиболее развитых производств того или иного района Сибири. В ряде публикаций материал о промышленности служил аргументацией в дискуссии о судьбах капитализма в Сибири. Многие работы, содержащие непосредственные наблюдения авторов или написанные на статистическом материале при незначительной обработке и анализе, могут быть отнесены скорее к числу источников, хотя в них в большей или меньшей степени прослеживается авторская позиция в оценке развития промышленности³.

Следует отметить еще два обстоятельства, определивших специфическую особенность дореволюционной литературы этого периода.

Во-первых, авторами практически всех работ, содержащих сведения об обрабатывающей промышленности Сибири 60—90-х гг. XIX в., были современники. В более поздних эта тема не находила непосредственного отражения, в лучшем случае — в виде ретроспективных упоминаний о низком уровне промышленности. Объясняется это представлением об обрабатывающей промышленности данного периода как о чем-то застывшем в своем развитии. Все дальнейшие изменения в ней связывались исключительно с социально-экономическими процессами в России и Сибири конца XIX — начала XX вв. (строительством Транссибирской железнодорожной магистрали, переселением и т. д.). Так, М. Соболев в сборнике статей за 1908 г. писал, что обрабатывающая промышленность Сибири «находится в начальных стадиях своего развития и вырабатывает товары не-

³ См. напр.: Юшков И. Н. Краткий очерк промышленности и торговли в Тобольской губернии. Тобольск, 1876, 7 с.; Киттары М. Карта кожевенного производства в России. СПб., 1875, 109 с.; Путицев Н. Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892, 134 с.

сложной техники...»⁴ Даже для 90-х гг. XIX в. подобная оценка не отражала действительный уровень развития отрасли, где к этому времени фабричное производство было уже реальным фактом.

Во-вторых, эти работы, за редким исключением, не были специальными исследованиями по истории обрабатывающей промышленности, а сами авторы не имели необходимой подготовки и не являлись исследователями в строго научном смысле слова. Оценивая дореволюционную литературу о сибирских рабочих, Н. В. Блинов писал, что этот «...тип литературы... (этнографические эскизы, очерки быта, статистико-экономические обзоры, заметки публицистов и т. д.) не требовал глубоких объяснений наблюдаемых фактов, выяснения их происхождения и исторического содержания»⁵. Это характерно и для дореволюционных авторов, которые писали об обрабатывающей промышленности и ее кадрах. В их работах подчеркивался низкий уровень промышленности, примитивная технология производства. Подобная точка зрения сформировалась и получила распространение прежде всего в изданиях официального характера: губернаторских отчетах, обзорах центрального и местных губернских статистических комитетов, в статистико-экономических трудах Министерства финансов, Департамента торговли и мануфактур, изданиях Всероссийских торгово-промышленных выставок и т. п.⁶ Объем производства как ничтожный оценивался в сопоставлении с золотопромышленностью Сибири или с фабрично-заводским производством России. Причем, если сравнение с золотопромышленностью иллюстрировалось статистическими данными, то второе приводилось как аксиома.

В литературе официального направления обрабатывающая промышленность в целом рассматривалась как однородная экономическая форма производства, хотя терминологически она именовалась по-разному: ремесленная, кустарная, полукустарная, мануфактурная, фабрично-заводская. Четких различий между понятиями не существовало.

⁴ Соболев М. Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908, с. 141.

⁵ Блинов Н. В. Очерки..., с. 72.

⁶ См. напр.: Ежегодник Министерства финансов на 1869 год. СПб., вып. 1, 1869; Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882, XI, 422 с. Забайкалье. Иркутск, 1891, VI, 21 с.; Сибирь на Всероссийской выставке 1896 года. Томск, 1897, V, 64 с. и др.

Так например, чисто ремесленные заведения считались заводами только потому, что их хозяева не были приписаны к цеху⁸.

Практически во всех работах официального характера отмечались причины неудовлетворительного развития обрабатывающей промышленности: бездорожье, большая территориальная протяженность и малонаселенность Сибири, суровый климат, конкуренция со стороны золотопромышленности, недостаток капиталов, отсутствие технически грамотных людей и т. п.

Многие авторы указывали на значительные природные ресурсы Сибири, которые могли способствовать развитию обрабатывающей промышленности, приводились пространственные рассуждения о неудачных попытках правительства и частных лиц «насадить» крупную промышленность⁹. Вместе с тем в некоторых официальных изданиях имеются замечания, позволяющие судить о реальном подходе к процессу развития обрабатывающей промышленности, о прямом или косвенном признании наличия в Сибири капиталистического производства. Так, в отношении ряда заводов Тобольской губернии отмечались «явные следы» перехода от кустарного производства к фабричному¹⁰.

Рабочий вопрос в официальных материалах не рассматривался. Тезис о зародышевом состоянии сибирской фабрично-заводской промышленности уже сам по себе снимал вопросы о рабочих кадрах. Местная администрация отрицала наличие в Сибири профессиональных рабочих, постоянно подчеркивая отсутствие или нехватку «искусных рук», технически обученных рабочих¹¹. Поэтому не случайно в промышленной статистике региона сведения о рабочих до конца XIX в. почти не фиксировались. Исключение составляют немногие работы локального характера, где имеются дан-

⁷ Термин «кустарный» В. И. Ленин считал ненаучным, поскольку под ним понималась вся промышленность как «нечто экономически однородное». (Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 451).

⁸ Ежегодник..., с. 138.

⁹ См. напр.: Сибирь и Великая Сибирская железная дорога. СПб., 1893, с. 229.

¹⁰ Тарасов И. Т. Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 г. в г. Екатеринбурге. СПб., 1888, с. 25.

¹¹ Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1881, с. 181.

ные об их половозрастном, квалификационном составе, грамотности, заработной плате и т. п.¹²

В литературе либерально-буржуазного направления значительно расширен круг вопросов по истории обрабатывающей промышленности, в большем объеме привлечен статистический материал. Примером может служить работа М. Соболева «Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири», в которой анализируется структура обрабатывающей отрасли, отдельных производств, рассматриваются причины, препятствующие росту численности предприятий. Однако и здесь проводится официальная точка зрения на обрабатывающую промышленность как слаборазвитую, с господствующим ремесленным типом производства¹³.

Либерально-буржуазная историография в Сибири имела областническую окраску. Выдвинутые областниками тезисы «Сибирь — экономическая колония» и «Сибирь — самообитный крестьянский край» служили, в частности, оправданными пунктами в их понимании процесса промышленного развития сибирского региона. Так, в печати подчеркивалось, что «...обильная и богатая страна (имеется в виду Сибирь.—Б. А.) с древнейших времен сделалась предметом усердного расхищения и несет на себе следы этого растлевающего влияния»¹⁴. В работах Н. М. Ядринцева, П. М. Головачева, Н. Н. Козьмина, М. Рылова¹⁵ и др. указывалось на громадные богатства Сибири и возможные перспективы развития кустарных производств, много внимания уделялось критике крупного капиталистического производства и тем отрицательным последствиям, которые оно несло рабочим людям и всему населению Сибири. Представители либерально-буржуазной историографии всячески старались

¹² Опыт статистического обзора заводских и фабричных производств города Иркутска. Иркутск, 1868, 56 с.; Ларионов Д. Д. Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Иркутск, 1870, VI, 379 с.; Юшков И. Н. Указ. соч. и др.

¹³ Соболев М. Указ. соч., с. 141, 155.

¹⁴ Сибирская газета, 1881, 1 марта.

¹⁵ См.: Ядринцев Н. Нужды и условия жизни рабочего населения Сибири. — Отечественные записки. 1876. т. 229, № 12, с. 210—247; Он же. Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884, 32 с.; Головачев П. В промышленных центрах Минусинского края (впечатления туриста). — Енисейский листок, 1892, 23 авг.; Он же. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902, 300 с.; Он же. Экономическая география Сибири. М., 1914, 183 с.; Козьмин Н. Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии. Иркутск, 1904, 53 с.; Рылов М. Кожевенное дело в Сибири и его будущее. — Восточное обозрение, 1885, 25 апр.

преуменьшить степень экономического развития региона, показать беспочвенность капитализма на сибирской земле, тем самым отрицали возможность формирования сибирского отряда профессиональных рабочих.

Однако теоретические построения областников вступали в противоречия с фактами реальной действительности, поэтому в ряде своих работ они были вынуждены признать, прямо или косвенно, наличие капиталистических предприятий с наемными рабочими, падение кустарных «народных» промыслов под давлением капиталистических фабрик. Так, Н. М. Ядринцев, считая, что для края значительно полезнее кустарное производство, чем капиталистическое¹⁶, высоко оценил «замечательную техническую обстановку» на алтайских заводах Пранга и Функа¹⁷. Н. Н. Козьмин в работе «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии» подчеркивал выгодность для страны кустарной формы производства, при которой весь доход остается в руках кустаря, т. е. народа, а при фабрично-заводской промышленности часть прибыли идет предпринимателю. Но, анализируя данные опросных программ, разосланных в 1899 и 1901 гг. по предприятиям губернии, он сделал вывод, что кустарной промышленности в губернии не существует¹⁸. П. Головачев отмечал, что некоторые отрасли кустарной промышленности «обнаруживают склонность к упадку». Это, по его мнению, происходило под влиянием их замены крупной заводской промышленностью или от вытеснения с рынка местных изделий привозными¹⁹. Наблюдая промышленные предприятия Минусинского округа, П. Головачев писал: «Надворных строений, огородов, домашнего скота — вообще всего, что характеризует сибирскую деревню, здесь заметно мало; видно вообще, что жизнь населения связана исключительно с заводским трудом»²⁰. Убедительный материал о разрушении ремесленного производства и замене его капиталистической мануфактурой на примере тобольских сапожников приведен в работе П. Суханова²¹.

¹⁶ Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири, с. 26.

¹⁷ Он же. Поезда по Западной Сибири и в горный Алтайский округ. — Записки ЗСОРГО, кн. 2. Омск, 1880, с. 96.

¹⁸ Козьмин Н. Н. Указ, соч., с. 2, 28.

¹⁹ Головачев П. Сибирь..., с. 237.

²⁰ Он же. В промышленных центрах Минусинского края...

²¹ См.: Суханов П. Тобольский сапожник. — Сибирский листок (Тобольск), 1896, 10, 13, 17, 31 окт., 21, 24, 28 нояб., 1, 5, 8 дек.

Среди работ революционных демократов наибольший интерес представляют труды Н. В. Шелгунова. Анализируя кожевенное производство Тюмени (по своему типу — расseyнная мануфактура), автор указывает, что прибыль, получаемая подрядчиками-купцами, могла бы достаться рабочим при условии организации ими артели. Однако здесь же он замечает, что, несмотря на уверения русских писателей артель еще чужда рабочему и «при всей своей печальной экономической зависимости рабочий не идет дальше простого понимания, что ему худо; он не дорос еще до обсуждения средств выйти из этого положения»²².

В работах других представителей революционной демократии А. П. Шапова и В. В. Берви-Флеровского также рассматривается рабочий вопрос. Однако, в отличие от Н. В. Шелгунова, они в понятие «рабочий народ» включали не только работающих в промышленности, а всех занятых трудом²³. Считая целесообразной для Сибири колонизацию «свободным русским народом, крестьянством, ремесленниками или фабрично-заводскими мастерами и рабочими...», а не колонизацию ссыльными преступниками, А. П. Шапов обосновал целую программу организации «артельно-кооперативного труда» и быта сибирского работника.

К истории развития сибирской промышленности нередко обращались народники. Это были чаще всего политические ссыльные, группировавшиеся вокруг либеральных газет, сибирских отделов и подотделов Русского географического общества. Несмотря на локальность и узкие хронологические рамки, их статьи и заметки представляют ценный источниковый материал, не имеющий часто аналога²⁴. Народническую точку зрения на пути развития обрабатывающей промышленности Сибири наиболее четко высказал И. И. По-

²² Шелгунов Н. В. Сочинения. СПб., 1871, т. 1, с. 225, 226.

²³ См.: Шапов А. П. Что такое рабочий народ в Сибири. — Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905—1908 гг. Иркутск, 1937, с. 315—325; Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России. — Избранные экономические произведения в двух томах. М., 1958, т. 1, 620 с.

²⁴ См. напр.: Фарфоровое и фаянсовое производство в Сибири. — Сибирская газета, 1888, 21 февр.; Левитов И. Сибирская писчебумажная фабрика. — Сибирская газета, 1886, 12 окт.; Тельминская фабрика в ее прошлом и настоящем. — Восточное обозрение, 1892, 19 янв.; Заводская и фабричная промышленность Томска. — Томский справочный листок, 1894, 28 авг.; 2, 13 сент.; Промышленность и торговля. — Жизнь в Восточной окраине, 1895, 6 дек.; Шнее И. Краткие исторические очерки фабрично-заводской промышленности. Иркутск, 1896.

пов. В полемике с Л. Б. Красиным он на основании статистических данных об обрабатывающей промышленности доказывал слабость развития в ней капиталистических отношений, противопоставив по сути дела капиталистическому производству кустарное. Произвольно применив статистические подсчеты, И. И. Попов констатировал, что «говорить о каком бы то ни было торжестве «капитализма» слишком преждевременно»²⁵. Обосновав таким образом тезис о господствующем положении в обрабатывающей промышленности докапиталистических форм производства, И. И. Попов отрицал наличие среди рабочих постоянных кадров. Он подчеркивал, что «громадное большинство этих рабочих работают на фабриках и в мастерских спорадически, не прерывая связи с землей» и «...капитализм является бессильным изменить эволюцию народного хозяйства в желательную для себя сторону»²⁶.

Несмотря на попытки представителей мелкобуржуазной историографии отрицать наличие в сибирской обрабатывающей промышленности слоя постоянных рабочих кадров, в ряде их работ этот момент был зафиксирован. Так, в одной из заметок, где говорилось о свеклосахарном заводе Гусева, автором был подмечен «процесс прикрепления людей к заводу»²⁷. О «чистокровных представителях заводского пролетариата» на Алтае писал ссыльный народник С. П. Швецов²⁸.

В дореволюционной марксистской историографии вопрос о развитии обрабатывающей промышленности Сибири 60—90-х гг. XIX в. не получил широкого освещения. Тем не менее в ряде публицистических работ есть обращение к данной теме. Л. Б. Красин, впервые применивший при характеристике сибирской промышленности марксистско-ленинский анализ стадий и форм эволюции капитализма в производстве, отмечал, что «фабрично-заводская промышленность Сибири, состоящая уже и теперь из одних капиталистических предприятий, в будущем не может получить иного движения как то, какое ей указывается законами развития капитализ-

²⁵ Попов И. И. Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л. Б. Кр-ну) — Восточное обозрение, 1896, 3, 6, 8, 10 нояб.

²⁶ См.: Сибирь, 1877, 26 июня, 4 сент.

²⁷ Петропавловский Н. По Ишиму и Тоболу. — Записки ЗСОРГО. кн. V, Омск, 1886, вып. 1—2, с. 70, 76.

²⁸ Швецов С. П. Положение труда на частных заводах Алтайского округа. — Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897, т. 7, с. 135.

ма»²⁹. На интенсивный рост промышленных заведений в Томске, улучшение технической стороны производства обращал внимание представитель экономизма в марксистском направлении В. Е. Воложанин. Оценивая положение рабочих как неудовлетворительное, он высказывался за «коренную реформу», за скорейшее возникновение в Сибири фабричной инспекции, «которая могла бы хоть сколько-нибудь гарантировать рабочих от крайних случаев эксплуатации»³⁰.

В целом досоветская историография обрабатывающей промышленности Сибири пореформенного периода не поднялась до уровня обобщающих исследований. Для большинства авторов было характерно принижение уровня развития капитализма в промышленности, непонимание общих закономерностей развития европейской и азиатской частей России, неумение найти научное объяснение социально-экономическим процессам, происходившим в Сибири. Вместе с тем дореволюционная литература дала значительный фактический материал, и в этом ее основная ценность.

²⁹ См.: Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири. — Восточное обозрение, 1896, 13, 16, 18 окт.

³⁰ Valana. Положение труда в промышленных заведениях г. Томска. — Восточное обозрение, 1900, 9 марта.

П. С. КОНОВАЛОВ

СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ СИБИРИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

(К историографии вопроса)

На общесоюзных и региональных конференциях неоднократно отмечалось, что одним из малоисследованных крупных профессионально-производственных подразделений наемного труда являются строители¹.

В данной статье предпринята попытка анализа литературы, касающейся процесса формирования строительных рабочих Сибири периода капитализма. Дореволюционных авторов мало интересовал этот вопрос. От его изучения отталкивала фактическая полузапретность рабочей тематики, жесткие цензурные регламентации, ограничения в допуске к архивным материалам и т. п.

Подлинно научному и всестороннему изучению темы мешали также общие для российской историографии тех лет ошибочные методологические установки. Для дореволюционных исследователей был характерен взгляд на строителей как на крестьян-сезонников, еще не выработавших социальных черт рабочих. По этой причине строители, в отличие от фабрично-заводского пролетариата, так и не стали в домарксистской исторической литературе объектом самостоятельно-го изучения.

В Сибири, где не было профессиональных историков, о строителях до революции писали преимущественно юристы, инженеры, врачи и публицисты. Взгляды большинства из них не выходили за пределы дворянско-октябристского мировоззрения. Являясь официальными лицами, они в своих

¹ Иванова Н. А., Полевой Ю. З., Шелохаев В. В. Проблема формирования пролетариата капиталистической России и советской историографии за последние двадцать лет. — В кн.: Рабочий класс России в период империализма. М., 1981, с. 3—26; Лавричев В. Я., Пушкарева И. М. О некоторых проблемах истории рабочего класса России в период империализма. — В кн.: Рабочий класс центра страны и Сибири (конец XIX—начало XX в.). Новосибирск, 1981, с. 7—31 и др.

трудах (отчетах, обзорах) ограничивались лишь добросовестным изложением фактического материала, полученного при выполнении служебных поручений. Публиковались такие работы в официальных периодических выпусках Главного переселенческого управления, Комитета по заселению Дальнего Востока и прочих правительственных учреждений. В изданном плане эти работы относятся главным образом к источниковой литературе, поскольку анализ собранной информации в них либо сведен до минимума, либо отсутствует совершенно.

Лишь немногие официальные авторы пытались научно систематизировать имевшийся в их распоряжении материал, который характеризовал экономическое развитие Сибири². Строительный рабочий попадал в их поле зрения лишь тогда, когда речь шла о местном рынке наемного труда. И это не было следствием узости исторической эрудиции дворянско-октябристских исследователей, а вытекало из несостоятельности их методологических взглядов. Они считали, что на стройках Сибири трудились лишь мигранты из Европейской России. Исходя из этого ложного тезиса, большая часть официальных исследователей отказывала сибирским строителям в праве на собственную историю. Вместе с тем фактический материал, собранный ими, представляет значительную ценность.

В отличие от своих оппонентов из дворянско-октябристского лагеря, либерально-буржуазные авторы признавали значительный приток сибиряков в строительство. Но ими этот процесс виделся лишь односторонне, поскольку местные жители были заняты в отрасли, по их мнению, главным образом в качестве неквалифицированных рабочих. Квалифицированные же операции относились на долю пришлых рабочих из-за Урала. В наиболее общем виде подобная версия была изложена В. В. Громаном, писавшим в 1912 г. о существенном преобладании уроженцев Европейской России среди сибирских городских строителей³. Еще более категоричен В. Монтвид. Анализируя состояние строительства Забайкалья кануна первой мировой войны, он

² Саблер С. В., Сосновский И. В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. — 451 с.; Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы / Сост. А. А. Панов. СПб., 1911, 136 с.

³ Громан В. В. Обзор строительной деятельности в России. СПб., 1912, с. 41—42.

прямо писал, что «...почти вся масса квалифицированного труда выполняется здесь пришлыми (из Европейской России. — П. К.) элементами...»⁴

Буржуазная сибирская пресса посвящала свои материалы всем наиболее значительным сибирским стройкам. Свыше десятка крупных статей и корреспонденций рассказывали о сооружении Обь-Енисейского канала, много больше — строительстве Транссибирской магистрали. Существенное внимание в них отводилось рабочему вопросу. При его трактовке большинство буржуазных публицистов было настроено либо либерально, либо демократично с изрядной долей областничества.

Либерально-буржуазные исследователи оставили ряд верных наблюдений об экономическом положении сибирских строителей, повсеместно отмечая их низкий жизненный уровень. При этом дальше простого сочувствия либералы не шли, поскольку не видели истинных причин подобного положения. В лучшем случае авторы мотивировали недостаточную материальную обеспеченность сибирских строителей, как, впрочем, и рабочих других отраслей, высокими ценами на предметы первой необходимости и нерасторопностью царской бюрократии⁵. Ни в одном произведении либералов подрядчики не фигурируют как виновники бедственного положения рабочих. Подобный вывод вполне укладывался в общую концепцию либералов о бесклассовости сибирского общества.

Мелкобуржуазные авторы также отмечали бедственное положение сибирских строителей, причем каждый перекладывал вину за это либо на царскую администрацию, либо на подрядчиков. Первая критиковалась за слабость патерналистской политики, вторые — за отдельные злоупотребления. Развернутых статей по этим вопросам было мало; самая значительная — Н. Арефьева⁶. В ней он рассматривает административно-правовой статус рабочих на строительстве Транссибирской магистрали. Проанализировав заключаемые между рабочими и предпринимателями статьи контрактов, автор пришел к выводу, что в них «...наблюда-

⁴ Монтвид В. Рабочий рынок Забайкалья. — Вопросы колонизации, 1915, № 17, с. 124.

⁵ Омич. Заработки в Омске. — Сибирь, 1876, 10 окт.; На прокопе. — Восточное обозрение, 1889, 29 нояб. и др.

⁶ Арефьев Н. Рабочие на Сибирской железной дороге. — Северный вестник, 1895, №№ 10—11.

ется старая и вечно новая история: интересы подрядчика-работодателя во всех подробностях предусмотрены и гарантированы, а интересы рабочих настолько игнорированы, что их как-то не замечаешь»⁷. Но, выдвигая совершенно справедливый тезис о полукрепостнической зависимости рабочих от предпринимателя, Н. Арефьев оставался типичным представителем своего класса. Источник бесправия рабочих он видел, как и остальные мелкобуржуазные авторы, не в самой природе капиталистической эксплуатации, а лишь в нарушении подрядчиками условий договоров. У хороших хозяев, по его мнению, на участках всегда царил покойствие. Только в случае несоблюдения предпринимателями статей договоров возникали бунты рабочих. Мелкобуржуазные исследователи считали, что для торжества социального мира необходимо лишь усилить контроль со стороны администрации за действиями подрядчиков и юридически усовершенствовать систему контрактов.

При всех различиях в трактовке отдельных вопросов работы дореволюционных авторов имели много общего. Все они не преследовали исторических целей. Общей точкой зрения домарксистской литературы было утверждение об отсутствии в Сибири сколько-нибудь значительного отряда строительных рабочих. Но при всей методологической несостоятельности и политической тенденциозности работы немарксистских авторов не должны оцениваться только негативно. Выявив значительный по объему статистический материал и частично его обработав, дореволюционные исследователи внесли свой вклад в изучение истории сибирских строителей, а фактические их данные о заработной плате и миграциях рабочих не потеряли научной ценности до сих пор.

При освещении истории сибирских строителей выделялись исследования марксистов. Их отличали методологическая и концепционная завершенность, четкость в выводах. В своей статье «Уроки кризиса» В. И. Ленин писал, что строительство Транссибирской магистрали открывало Сибирь для капитализма и указывал на безмерную капиталистическую эксплуатацию соорудивших ее рабочих⁸.

Принципиальную оценку развития сибирской строительной промышленности дал Л. Б. Красин. По его мнению, уже

⁷ Там же, № 11, с. 328.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82—83.

в конце XIX в. она носила атрибуты капиталистического производства, поскольку все «...сколько-нибудь значительные...» постройки велись «...или арестантским трудом, или подрядным способом». «Что касается... постройки железной дороги...» — продолжал далее автор, — то она «оказывается одним из могучих рычагов «первоначального накопления» капитала в Сибири»⁹.

В Воложанин в своих публикациях показал незавидное положение рабочих на строительстве Обь-Енисейского канала и Томской ветки Транссибирской дороги¹⁰.

Существенно активизировалось изучение истории строительных рабочих уже в первые послеоктябрьские годы. Это было отражением той важной роли, которую они играли в восстановлении разрушенного гражданской войной и иностранной интервенцией хозяйства.

В исследовательской литературе 20—30-х гг. существовало две точки зрения на историю дореволюционных строителей. Большинство авторов продолжали считать их преимущественно крестьянами на заработках. Такого взгляда придерживался, например, С. Сарыгин. Он опубликовал в декабре 1917 г. в журнале «Строитель» очерк, где писал, что подавляющую массу российских строительных рабочих «...составляет обнищавшая деревенская беднота, которую голод вышибает из отощавшей деревни в большие города, чтобы там приработать на подати, на поправку хозяйства, а то и просто на хлеб для семьи на зиму...»¹¹. Еще более определенное высказывался Н. Богданов (Федосов), утверждавший в 1919 г., что: «русский строитель на 9/10 пришел из деревни, типичный представитель беднейшего крестьянства. Безземельный, безлошадный и т. д. является в город «гостем» на время летнего сезона»¹². В Сибирской советской энциклопедии строительные рабочие края также считались крестьянами-сезонниками¹³.

На распространенность подобной теории оказывал влияние целый комплекс факторов. В массе своей авторы еще не

⁹ Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири. Восточное обозрение, 1896, 16 окт.

¹⁰ Восточное обозрение, 1900, 12, 19 авг.

¹¹ Сарыгин С. Из истории движения строительных рабочих России. — Строитель, № 1, с. 3.

¹² Богданов (Федосов) Н. Организация строительных рабочих России и других стран. М., 1919, с. 58.

¹³ Сибирская советская энциклопедия, т. 4, 1932, с. 500.

были знакомы с ленинской концепцией строителей как формирующегося отряда промышленных рабочих. При написании своих трудов они пользовались весьма узким кругом источников, а недостаток документальных материалов пытались компенсировать личными наблюдениями. На их глазах постоянно прибывали массы людей из деревень на заработки. В этих условиях, сложившийся еще у дореволюционных авторов стереотип строителей как крестьян-сезонников, сохранился на страницах исследовательской литературы.

Но уже в середине 20-х гг. предпринимались и попытки взглянуть на проблему с марксистских позиций. В частности, высоко была оценена современниками брошюра Т. Тамма, где популяризировались взгляды В. И. Ленина на развитие российской строительной промышленности и формирование отряда занятых в ней рабочих¹⁴.

Наметившаяся переоценка устаревших концепций, однако, не получила широкого развития. С середины 30-х и вплоть до конца 50-х гг. в советской историографии по ряду причин, прежде всего субъективного порядка, очень мало исследовался процесс формирования рабочего класса страны. Единственным значительным трудом по этой проблеме была монография А. Г. Рашина¹⁵. Задуманная автором как серия статистико-экономических очерков, книга привлекает прежде всего тщательной разработкой методики обработки и приведением обильного цифрового фактологического материала. Хотя монография посвящена главным образом численности рабочих кадров в фабрично-заводской промышленности, в ней отведено значительное место анализу численности и источников формирования строительных рабочих страны, в том числе и сибирских. А. Г. Рашин аргументированно показал, что главным поставщиком рабочей силы в строительную промышленность, как и в остальные отрасли производства, являлось российское крестьянство. К сожалению, недостаток источников не позволил автору столь же подробно охарактеризовать процесс складывания кадров профессиональных строительных рабочих и удельный вес среди них потомственных строительных рабочих.

¹⁴ Тамм А. Ленин о строителях и строительной промышленности. М., 1927, 61 с.

¹⁵ Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., Соцэкгиз, 1940. — 462 с.

В 1947 г. была опубликована также небольшая статья Г. К. Цветкова. Показывая в ней главным образом ход строительства первой колен Транссибирской магистрали, он касается и численности занятых в нем некоторых категорий рабочих. К сожалению, автор не подтвердил документально ряд приводимых им данных. В частности, не ясно, на чем основано утверждение Г. К. Цветкова о работе в 1896—1900 гг. на линии Челябинск—Иркутск 25 тыс. ссыльно-поселенцев¹⁶.

Существенное изменение условий изучения истории российского рабочего класса, в том числе и на ее восточных окраинах, произошло в конце 50—начале 60-х гг. «Наряду с переменами в общественной обстановке, с увеличением интереса у историков к Сибири, — подчеркивает Н. В. Блинов, — сказались и действие факторов более локального порядка. За 50-е гг. в Сибири в несколько раз увеличилась система высшего образования, а вместе с нею и контингент профессиональных историков, началась организаторская и творческая работа над многотомной «Историей Сибири», намного увеличилась публикация документов, а также архивные изыскания историков. Комплекс этих обстоятельств, наряду с общими потребностями развития научно-исторической мысли, сыграли роль очень сильного толчка, дали начало новому этапу в разработке экономической и социальной истории Сибири»¹⁷.

Возрос интерес ученых к истории сибирских строителей, однако внимание исследователей привлекали преимущественно строители железных дорог¹⁸. Это произошло не толь-

¹⁶ Цветков Г. К. Ход строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. — Вестник Московск. гос. ун-та, № 2, 1947, с. 138.

¹⁷ Блинов Н. В. Вопросы социально-исторических предпосылок рабочего движения в Сибири в советской историографии. — В кн.: Рабочие Сибири в период империализма. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1976, с. 12.

¹⁸ Борзунов В. Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 97—108; Он же. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. (По материалам строительства Транссибирской магистрали, 1891—1904 гг.). М.: Наука, 1965, 198 с.; Соловьева А. М. К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны. Исторические записки, 1956, № 55, с. 173—209; Макаревич В. И. Рабочая сила на Алтайской железной дороге (1913—1917 гг.) — Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава. Усть-Каменогорск, 1974,

ко потому, что железнодорожное строительство является яркой страницей в развитии капиталистической Сибири, но и в связи с тем, что о нем сохранились значительные материалы. Корреспонденции и заметки с железнодорожных участков часто публиковались в местной периодической печати. Неплохо сохранились и фонды управлений и комитетов по сооружению железных дорог. Частное же городское строительство мало оставило после себя документальных свидетельств.

Самой значительной из работ, посвященных сибирским строителям, является монография В. Ф. Борзунова¹⁹. На широкой источниковой основе в ней рассматриваются численность, состав, условия труда и быта, правовое положение и борьба строителей транссибирской магистрали, которые были в основном крестьянами-отходниками из сибирских и российских губерний.

О профессиональных квалифицированных строителях в исследовательской литературе в 60-е — начале 70-х гг. писалось очень редко. В одной из своих статей В. А. Кадейкин утверждал о наличии среди сибирских строителей в канун Октября половины кадровых рабочих, но этот тезис не подтвердил документальными данными²⁰. Пользуясь профсоюзными сведениями, В. П. Сафронов, а вслед за ним Г. В. Волкова, определили численность профессиональных строителей, однако их подсчеты касаются лишь нескольких городов края²¹. В целом обращения авторов к истории квалифицированных строителей базировались на скудном источниковом материале, нося оценочный характер. И это нашло отражение в «Истории Сибири»²². Единственный сюжет, который более или менее был рассмотрен применительно ко

с. 91—97; Боголепова И. Н. Финансовый капитал в железнодорожном строительстве России накануне Первой мировой войны. Вопросы истории, 1979, № 9, с. 52—60 и др.

¹⁹ Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири...

²⁰ Кадейкин В. А. К вопросу об уровне промышленного развития и состава рабочих Сибири в период пролетарской революции. — В кн.: Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, с. 35.

²¹ Сафронов В. П. Октябрь в Сибири. Красноярск. Кн. изд-во, 1962, с. 51; Волкова Г. К. К вопросу о численности и составе промышленного пролетариата Западной Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции.—Вестник Ленинградск. гос. ун-та, 1965, № 88, вып. 2, с. 35.

²² История Сибири. Третий том. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968, с. 560.

всем строителям региона, — их участие в рабочем движении.²³

Исследование истории сибирских строителей стало более детальным при подготовке «Истории рабочего класса Сибири». Вышли три специальные статьи на эту тему, которые касаются численности, источников формирования и состава строителей края в эпоху капитализма²⁴. Их участие в рабочем движении нашло довольно полное отражение в хронике рабочего движения в Сибири²⁵. В I томе «Истории рабочего класса Сибири» строительным рабочим отведено немало места. Прослежена динамика их численности за весь период капитализма, показана история формирования, отражена их роль в стачечной борьбе. На основе реальной заработной платы строителей авторы тома судили об уровне жизни всех сибирских рабочих.

Изучение истории профессионально-производственных подразделений Сибири продолжается. Не до конца еще изучены социальная структура строителей и процесс формирования среди них профессиональных рабочих, нет полной картины их участия в рабочем движении. Практически не исследована деятельность социал-демократов среди строителей края. Необходимо специальное монографическое исследование.

²³ Берсенев Л. Ф. Стаечное движение рабочих Забайкалья в 1907—1910 гг. — Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969, № 3, с. 59—68; Он же. Хронология стачек в Забайкалье (июль 1907—февраль 1917 гг.). — Забайкальский краеведческий ежегодник, Чита, 1971, с. 27—42; Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861—1917 гг.), М.: Мысль, 1972, 336 с. и др.

²⁴ Коновалов П. С. Ведомости о среднесправочных ценах на строительные работы как источник по социально-экономической истории Сибири второй половины XIX — начале XX вв. — В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980, с. 85—87; Он же. Динамика численности строительных рабочих в Сибири в 1897—1917 годах. — В кн.: Рабочие Сибири в конце XIX — начале XX вв. Томск, 1980, с. 114—133; Он же. Рынок рабочей силы, источники формирования и состав строительных рабочих Сибири в эпоху капитализма. — В кн.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980, с. 106—130.

²⁵ Блиннов Н. В., Зольников Д. М., Плотников А. Е. и др. Стаечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. — 320 с.

МАТЕРИАЛЫ САНИТАРНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ СУДОВЫХ КОМАНД КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАБОЧИХ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ

(На примере данных по бассейну Енисея за 1913—1916 гг.)

История рабочих речного транспорта в дореволюционной России изучена к настоящему времени недостаточно, хотя интерес к ней в советской историографии отмечался уже в начале 20-х гг.¹, а проблема рынка рабочей силы в этой отрасли была четко сформулирована в ряде работ, начиная с 50-х гг.²

В немалой степени причина подобного положения заключается в недостаточной разработанности источниковой базы: слабо используются опубликованные статистические сведения, редко вводятся в научный оборот первичные, архивные материалы о рабочих речного транспорта. Характеристике одного типа таких источников и подчинена цель данной статьи.

В Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) в фонде санитарного врача Обь-Енисейского участка Томского округа путей сообщения хранится дело, содержащее свыше трехсот карточек-анкет медицинского осмотра речников Енисея, проводившегося в 1913—1914 и 1916 гг.³

Как следует из приказа управляющего Томским округом путей сообщения от 9 июня 1903 г., санитарный надзор на водных путях Сибири был введен в 1903 г. в соответствии с приказом министра путей сообщения от 15 апреля того же года⁴. На основании этого в Сибири были созданы и действовали санитарно-врачебные пункты в Тюмени, Омске, Се-

¹ См.: Родин Н. Ф. Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. М., 1975, с. 5.

² См.: Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982, с. 10.

³ ГАКК, ф. 643, оп. 1, д. 4, л. 1—475.

⁴ ГАТО, ф. 134, оп. 1, д. 25, л. 42—43.

мипалатинске, Новониколаевске, Томске, Барнауле, Красноярске⁵.

Единой формы отчетности до 1907 г. выработано не было; с 1907 же года для плавающего состава использовалась форма карточки индивидуального освидетельствования, заимствованная у санитарно-врачебной службы Волжско-Камского бассейна⁶. Последнее обстоятельство дает основание для предположения о массовости характеризуемого источника, что обуславливает необходимость его выявления в архивохранилищах и вовлечения в научный оборот.

В статье ставятся две задачи: характеристика источника как такового с точки зрения раскрытия его информативных возможностей и одновременно получение максимума этой информации в отношении речников Енисея по выработанной методике.

Обследованию на Енисее (в Красноярске и Минусинске) в 1913—1914 и 1916 гг. подверглись практически только речники плавающего состава самоходных судов. Сведения записывались в бланки четырех форм: бланк № 9 — «карточка осмотра буфетной и кухонной прислуги», бланк № 10. — «машинная команда», бланк № 11 — «карточка осмотра служащего МПС», бланк № 12 — «карточка осмотра судорабочего».

Круг вопросов в перечисленных бланках неодинаков. Всего шире он в анкетах, предназначенных для судорабочих, т. е. палубной команды. Здесь помимо вопросов медицинского характера содержатся вопросы о сословии рабочего, его возрасте, семейном положении, месте приписки, грамотности, стаже работы в судоходстве, должности, размере заработка, расходах на жизнь, условиях труда и др. Анкеты, предназначенные для служащих, заполнялись в большинстве случаев сведениями о рабочих палубных и машинных команд. В бланках трех первых из перечисленных форм круг вопросов уже.

Ответы записывались со слов рабочих. Наряду с тщательно заполненными анкетами встречаются заполненные небрежно, фрагментарно. Некоторые вопросы оставлены без ответа. Отдельные карточки не датированы. Материал в результате некоторых недочетов потребовал детального анализа. В ряде случаев была возможной ретроспективная

⁵ Там же, д. 25, л. 44—45; д. 61, л. 14; д. 98, л. 143—144.

⁶ Там же, д. 58, л. 132—134.

корректировка данных. Например, отсутствующие даты в карточках некоторых рабочих можно было установить по известному времени заполнения карточек других рабочих этого же судна (в том большинстве случаев, когда экипаж судна обследовался в 1913—1916 гг. только однажды). Использовались и другие косвенные данные: размер взноса на артельное питание (определенный на каждом судне) и т. д.

На речном транспорте этого времени преобладал сезонный труд. Тем не менее наряду с навигационными рабочими имелся штат постоянных, более квалифицированных специалистов, готовивших зимой суда к новой навигации. В анкетах указан характер зимних занятий не всех постоянных (годовых) рабочих. Однако в ряде случаев его можно было установить, основываясь на показаниях о зарплате. Наличие у рабочих наряду с летней заработной платой еще и зимней свидетельствует зачастую об их круглогодичной работе в судоходстве. Это отражено в карточках. Корректировка данных проводилась и в некоторых других случаях.

Анкеты 1913 и 1914 гг. нами объединены, поскольку обследование 1913 г. проводилось в августе—октябре, а 1914 г. — в мае—июне, следовательно, разрыв во времени составил менее года. И к тому же обследование 1914 г. проходило в предвоенный период; чрезвычайных событий, могущих резко повлиять на состав судовых команд, за это время не произошло. Рабочие, попавшие в обследование и в 1913, и в 1914 гг. (несколько случаев — результат текучести кадров, перемещения и т. п.), берутся в расчет один раз. На 1913—1914 гг. выделена 161 и на 1916 г.—151 анкета судорабочих.

В 1913—1914 гг. обследовались экипажи судов, составлявших треть самоходного флота Енисея: казенных пароходов Томского округа путей сообщения — «Обь», «Енисейск», «Лена», «Стрела», «Первенец»; землечерпалок или дноуглубительных снарядов — «Сибирская-2», «Сибирская-3», «Сибирская-10»; катеров «Иркутск», № 5, лихтера № 8; пароходов «Отважный» братьев Баландиных, «Сибиряк» Акционерного общества пароходства по р. Енисею⁷. В обследование 1916 г. попали пароходы Акционерно-

⁷ На 1 января 1914 г. в бассейне Енисея насчитывалось 41 паровое судно (См.: Список паровых и непаровых судов, плавающих по рекам, состоящим в ведении Томского округа путей сообщения. Составлен по сведениям на 1 янв. 1914 г. Томск (1914), с. 38—43.

го общества пароходства по р. Енисею: «Россия», «Св. Николай», «Дедушка», «Сибиряк», «Иноходец», «Сокол».

Приводя материал, сведенный в таблицы, необходимо дать ряд сопутствующих комментариев, пояснений. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие среди обследованных речников капитанов или командиров и их помощников, а также значительной части машинистов (табл. 1). Это является своеобразным отражением привилегированности их положения (в особенности на крупных пассажирских и буксирных судах).

Наиболее массовыми категориями судорабочих являлись матросы и кочегары. Попавшая в обследование небольшая группа рабочих-металлистов на дноуглубительных снарядах выполняла, по всей вероятности, ремонтные работы и была редкой среди судорабочих. Очевидно, эта категория рабочих, наряду с некоторыми другими, относилась в переписях личного состава к разряду «прочих должностей»⁸.

На судах, осуществлявших пассажирские перевозки, была довольно заметной группа буфетно-кухонной и иной прислуги. Штат ее состоял из поваров, буфетчиков, официантов и горничных I—III классов, посудниц и прачек. На крупных судах штат этой прислуги был довольно многочисленным. Так, на пароходе «Россия» в 1916 г. весь экипаж насчитывал 48 чел., в том числе штат прислуги состоял из 11 чел.

Табл. 1, отражающая состав судовых экипажей на Енисее в 1913—1914 гг., показывает, что в сословном отношении обследованная группа речников на 85% состояла из крестьян, на 13% из мещан и лишь на 2% из привилегированных сословий. Таким образом, основным источником поступления рабочей силы в судоходство являлась деревня. Однако материалы, представленные в табл. 2, показывают, что в действительном социальном отношении состав речников был далеко не крестьянским. Более половины речников работали только в судоходстве три и более навигаций (52,3%). По окончании навигации 82,2% судорабочих оставались в сфере несельскохозяйственного труда, в том чис-

⁸ См.: Служащие на паровых и непаровых речных судах Европейской России и бассейнов рек Оби и Амура. По переписи 1901 года. СПб., 1904.

Состав речников на Енисее в 1913—1914 гг.

Специальности, должности	Сословная принадлеж.			Возраст			Семейное положение			Место приписки			Грамотность				
	Учено	Крестьяне	Мещане	До 17 лет	От 18 до 40 лет	Свыше 40 лет	Средний возраст	Не состоявшие в браке	Состоявшие в браке	Сред. размер семьи состоявших в браке	Енисейская губ.	Другие губернии		Грамотные	Полуграмотные	Неграмотные	
												Азиатской России	Европейск. России				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1. Командир (катера)	1	1			1	1	27			1	2			1	1		
2. Лоцманы	4	3	1		2	1	37,0			4	5,0	1	1	2	3		1
3. Боцманы	3	2	1		3		34,0			3	4,3	2		1	2	1	
4. Рулевые	4	4			4		29,5			3	1,3	4			3		1
5. Штурвалъные	5	3	2		3	2	39,8			4	4,2	4		1	1	2	2
6. Пом. штурвалъных	2	2			2		29,0			1	1,0			2	1	1	
7. Пом. багермейстера	1	1			1	1	48			нет сведений				1	1		
8. Пом. старшины	1	1			1		26			1	2			нет сведений	1		
9. Магросы	66	63	3		59	6	27,3			36	4,4	33	5	28	28	16	22

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
10. Машинисты	6	4	1	1		5	1	34,3		2	3,0	1		5	6		
11. Пом. машинистов	5	4	1			5		30,8	нет сведений*			2	1	2	4	1	
12. Масленщики	12	9	3			12		25,8	3	1	3	9	1	2	10	2	
13. Кочегары	32	24	6	2		31	1	25,1	10	3	2,0	24	2	6	18	3	11
14. Токари	1	1				1		35				1			1		
15. Кузнецы	2	2				2		32,5	нет сведений			2			2		
16. Молотобойцы	2		2			2		19,0				2			2		
17. Буфетно-кухонная и др. прислуга	14	14			1	12	1	27,5	8	6	3,1	9	1	4	4	3	7
Всего	161	137	21	3	1	145	13	28,0	62	57	4,1	94	11	55	88	26	47

* По остальным должностям машинной команды (машинисты, масленщики и кочегары) сведения о семейном положении неполны.

Состав речников по стажу и характеру занятий в 1913—1914 гг.

Специальности, должности	Продолжительность работы в судоходстве		Срок найма		Число пока-заний занятий	Занятия после навигации				
	До 3-х навигаций	3 и более навигаций	Годовой	На время навигации		в судоходстве	В том числе			
							в судогосударстве	в дру-гих от-раслях	всех по найму (выясненных)	Сельско-хозяйст-венными и домашн. работами
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1. Командир (катера)		1	1	/	1	1		1		
2. Лоцманы		4	1	3	4	1	3	1		
3. Боцманы		3	3		3	3		3		
4. Рулевые	1	3	4		4	4		4		
5. Штурвалыне		5	4	1	5	4		4	1	
6. Пом. штурвалыных		2		2	2				2	
7. Пом. багермейстера		1	1		1	1		1		
8. Пом. старшины		1	1		1	1		1		
9. Матросы	27	27	8	58	53	10	24	30	19	
10. Машинисты		6	6		6	6		6		
11. Пом. машинистов	1	4	5		5	5		5		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
12. Масленщики	6	6	6	6	12	6	6	12	
13. Кочегары	21	11	8	24	32	8	22	30	2
14. Токари	1			1	1	1		1	
15. Кузнецы	1	1	1	1	2	1	1	2	
16. Молотобойцы	1	1	1	1	1	1		1	
17. Буфетно-кухонная и др. прислуга	12	2		14	13		11	10	2
Всего	71	78	50	111	146	53	67	112	26

ле 36,3% работали в судоходстве постоянно, в течение всего года⁹.

К сожалению, не всегда можно доподлинно установить, оставался рабочий после навигации в сфере наемного труда или нет. Например, некоторые рабочие машинной команды показывали, что в зимний период работали слесарями, кузнецами, но не указывали при этом, самостоятельно или от предпринимателя. В таких случаях остается неизвестной и отрасль приложения труда. Рабочие специальностей, связанных с обработкой металлов, как и некоторых иных, требовались во многих отраслях хозяйства, в том числе и на речном транспорте при ремонте судов в затоках: В этой связи необходимо отметить, что удельный вес рабочих, занятых на речном транспорте в течение всего года, был несколько выше, чем это следует из табл. 2. Отмеченный недостаток имеющихся данных отчасти устраняется их сверкой со сведениями о сроке найма: годовой срок найма ясно указывает на постоянный характер работы в судоходстве.

Даже по неполным данным, абсолютное большинство обследованных речников (76,7%) оставались после навигации в сфере наемного труда, что свидетельствует в пользу преобладания в отрасли профессиональных наемных рабочих.

Помимо вопроса о занятиях рабочих по окончании навигации в анкетах присутствуют другие, которые по своей направленности могли бы раскрыть степень связи рабочих с их предшествующим социальным состоянием: 1) чем занимается семья, 2) чем занимался рабочий до прихода на речной транспорт? На вопрос о занятиях семьи в 1913—1914 гг. был получен 61 ответ. Как правило, они стереотипны: из 35 ответов следует, что семьи занимались «хлебопашеством», из 21 — «домашними работами». Предельно общий характер ответов не дает необходимого представления

⁹ В отношении срока найма необходимо отметить следующее. В анкетах имеется графа «продолжительность работы в судоходстве» с подразделением на «лет» и «навигаций». Однако этот вопрос понимался обследуемыми, очевидно, по-разному. Поэтому в вопросе о стаже мы решили обойтись данными по «навигациям». В вопросе же о постоянстве работы в судоходстве (т. е. при определении удельного веса работавших в судоходстве и после окончания навигации) мы использовали данные о сроке найма.

Существовали сроки найма сразу на год, на все время навигации и помесячно. Последний применялся в отношении членов машинной команды в качестве испытательного периода.

ни о степени связи членов семей рабочих с сельским хозяйством (хотя наличие такой связи несомненно), ни о характере «домашних работ».

Однако есть основания полагать, что своеобразная кооперация семьи в добывании средств к существованию или обращение части ее членов к неземледельческим заработкам начиналось во многих случаях задолго до рассматриваемого времени. Так, по переписи плавсостава на реках России, проведенной Министерством путей сообщения в 1901 г., выяснено, что в ближайшем Обь-Иртышском бассейне, например, у 32,3% судорабочих (770 из 2382) старшее поколение также занималось судоходством¹⁰.

Сведения о занятиях семей судорабочих не включены в таблицу; из-за незначительного числа ответов (39) не представилось целесообразным помещать в таблицу и данные о занятиях рабочих до прихода их в судоходство. Здесь достаточно отметить, что предшествующая трудовая деятельность большинства судорабочих (28 чел.) начиналась в сфере несельскохозяйственных занятий. В том числе 9 чел. указали, что с самого начала работали в судоходстве; остальные — чернорабочими, прислужой, плотниками, на железной дороге, на приисках и т. д.

О достаточно высокой степени сформированности речников плавсостава в профессиональном отношении свидетельствует также их территориальный (по местам выхода) состав: 58,7% обследованной группы рабочих накануне первой мировой войны были приписаны к Енисейской губернии (табл. 1). Это указывает на значительную стабильность рынка рабочей силы на речном транспорте в данном районе Сибири. Остальные губернии Азиатской России дали 6,9% речников для Енисея, Европейская Россия — 34,4%. Последние цифры свидетельствуют о том, что по распространению дальнего отхода населения на заработки Сибирь далеко уступала европейской части страны. Интересно также отметить лидирующее в этом отношении положение Вятской губернии. На ее долю приходилось 20% обследованной группы речников на Енисее и 58,2% среди приписанных к губерниям Европейской России. Роль Вятской губернии как значительного поставщика судорабочих прояв-

¹⁰ См.: Большаков В. Н. К вопросу о формировании и численности речников в Сибири (1895—1917 гг.) — В кн.: Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976, с. 134.

лялась и в бассейнах других рек, например в Обь-Иртышском¹¹.

Что представляли собой речники плавсостава на Енисее в других отношениях? В подавляющем большинстве это были молодые мужчины. Их средний возраст в целом составлял в 1913—1914 гг. 28 лет. Соответственно более половины (52,1%) были неженаты. Семья состоявших в браке насчитывала в среднем 4 человека. Судорабочие отличались сравнительно высоким, по тому времени, уровнем грамотности: совершенно неграмотные составляли лишь 29,2% (табл. 1).

Как уже отмечалось, характеризуемый источник содержит сведения о материальном положении и условиях труда речников. В табл. 3 показан бюджет. По заработной плате данные обследования 1913—1914 гг. достаточно представительны лишь в отношении наиболее массовых категорий речников плавсостава: матросов и кочегаров, отчасти — масленщиков. Следует также отметить, что общий показатель средней заработной платы (летом—32,6 р. и зимой—36,65 р.) в действительности был выше, поскольку оказались вне обследования капитаны судов и их помощники, часть машинистов, т. е. наиболее высокооплачиваемые речники. В период навигации средняя месячная зарплата по всем категориям плавсостава составляла ориентировочно 40 р. С другой стороны, показатель, отраженный в табл. 3, более соответствует средней зарплате собственно судорабочих, так как капитаны, их помощники и машинисты являлись по своему положению служащими.

Значительные колебания в размерах зарплаты по тем или иным специальностям обусловлены тем, что на некоторых судах, осуществлявших пассажирские перевозки, судорабочие имели дополнительный заработок. Он состоял из «дровяных» и «чаевых», т. е. за погрузку дров и услуги пассажирам. Владельцам судов этот заработок давал возможность дополнительной эксплуатации судорабочих, так как основная зарплата данной части рабочих была ниже, чем на других судах. Например, на пассажирском пароходе «Сибиряк», где были распространены дополнительные заработки, основная зарплата матросов составляла в среднем 20 р. в месяц. В то же время на буксирном пароходе «Отважный» она равнялась 30 р.

¹¹ См.: Большаков В. Н. Указ. соч., с. 131—132.

Бюджет речников плавсостава на Енисее в 1913—1914 гг.

Специальности, должности	Заработная плата (р. в мес)				Расходы (р. в месяц в период навигации)									
	летом		зимой		на питание				на одждку (из частных судах)	на личную гигиену (баню и др)	на «удовольствия»			
	минимум	средняя	минимум	средняя	артельное		отдельное							
	2	3	4	5	число показаний	средний размер взноса	число показаний	средний размер расходов	хозяйское (число показаний)	10	11	12	13	
1. Командир (катера)	55	55,00	59	59,00				1	15,00					нет сведений
2. Лоцманы	65—100	85,00	75	75,00				4	12,25					7,15 0,60 6,35
3. Боцманы	40—46	44,00	40—40	40,00				3	10,35					1,00
4. Рулевые	35—41	36,75	22—35	29,00				2	10,00					нет сведений
5. Штурвальные	36—40	38,40	25—30	28,25				4	8,00					5,50 0,85 2,75
6. Пом. штурвальных	25—25	25,00						2	7,50					5,70 0,30 1,75
7. Пом. багермейстера	60	60,00												нет сведений
8. Пом. старшин	41	41,00	35	35,00				1	10,00					нет сведений
9. Матросы	18—31	25,75	18—29	22,00	58	8,20	6	10,00	2,95	0,35	1,20			нет сведений
10. Машинисты	41—100	71,50	35—100	67,50	1	8,00	1	20,00						нет сведений

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
11. Пом. машинис- тов	40—60	52,00	40—50	46,65				нет сведений				
12. Масленники	25—41	35,80	35—40	36,20	2	9,00	2	9,00				
13. Кочегары	25—36	29,70	18—35	28,30	5	7,80	8	9,70				
14. Токари	30	30,00										
15. Кузнецы	45	45,00	нет сведений									
16. Мологобойцы	25—30	27,50	25	25,00								
17. Буфетно-ку- хонная и др. прислуга	5—90	22,30					2		12	2,10	0,40	2,20
Всего	5—100	32,60	18—75	36,65	74	8,20	30	10,70	12	3,50	0,40	1,75

Главную статью расходов судорабочих составляли затраты на питание. В навигацию питание речников осуществлялось в основном в трех формах: артельно, отдельно и «на хозяйских харчах». В материалах обследования за 1913 — 1914 гг. содержится 119 показаний на этот счет. В 74 анкетах (62,2%) указано артельное питание, в 30 (25,2%) — отдельное, в 12 (10,1%) — на хозяйских харчах; остальные речники питались с семьями.

Размеры денежного взноса на артельное питание различались иногда на одном и том же судне, что было обусловлено, очевидно, наличием нескольких артелей. Артели объединяли главным образом матросов. Боцманы, лоцманы и некоторые другие предпочитали отдельное питание. Оно обходилось в большинстве случаев дороже. Преобладала естественная тенденция: чем выше заработок, тем больше расходы на питание. Хозяйским питанием пользовалась только буфетная, кухонная и другая прислуга. Как следует из сравнения заработной платы прислуги, состоявшей на «хозяйском питании», и той ее части, которая питалась отдельно, стоимость питания при буфете или кухне входила фактически в счет заработка. Поэтому с учетом среднего расхода на питание по другим категориям рабочих, пусть даже на уровне отдельного, средний заработок прислуги в денежном выражении составлял примерно $\frac{3}{4}$ от среднего заработка по всем остальным категориям плавсостава. Разумеется, существовала разница в заработках среди самой прислуги: повар высокой квалификации получал (с учетом стоимости питания) в 5—6 раз больше посудницы или прачки.

Расходы на одежду, личную гигиену (баню и др.) и «удовольствия» отмечены по небольшой группе (37 чел.) тех речников, сведения о которых заносились в анкеты, предназначенные для судорабочих. В анкетах для машинной команды, служащих, буфетной и кухонной прислуги подобная информация не предусматривалась, а судорабочие казенной флотилии должны были обеспечиваться спецодеждой. Сразу же следует отметить, что расходы на одежду определялись приблизительно. Отчасти это заметно уже из округленности проставленных в анкетах сумм¹². Существенная разница указанных судорабочими затрат по данной

¹² В основном указывались расходы за весь период навигации. В статье сделан пересчет на среднемесячные расходы.

статье расходов: от 8—10 до 30, а иногда и 50 р. в навигацию (например, у матросов) говорит о том, что указывались конкретные, а не среднегодовые затраты. Они несколько нивелируются при исчислении средних затрат.

Требуется также пояснения по расходам судорабочих «на удовольствия». Эта статья затрат в анкетах не расшифровывается. За исключением сугубо необходимых расходов на питание, одежду и гигиену, сюда входили, по-видимому, все остальные: на развлечения, табак, вино и др. По рассматриваемым категориям плавсостава среднемесячный расход «на удовольствия» составлял 1,75 р. Большие расходы в этом отношении позволяли себе в основном высокооплачиваемые, по сравнению с другими, речники, в том числе и среди прислуги.

В табл. 3 не включены данные о расходах судорабочих на квартиру, поскольку их бюджет определяется на период навигации, а указанные расходы имели место в зимний период, в течение 5—6 месяцев. Квартирные расходы отмечались лишь речниками, занятыми в судоходстве весь год. Месячная плата за жилье составляла 4—6 р. Получали же квартирные в размере 4 р. только постоянные речники казенной флотилии.

Не представилось также необходимым рассматривать по статье расходов отсылку судорабочими денег домой. Сведения на этот счет имеются в отношении все тех же 37 рабочих, но они не дают полной картины в данном вопросе. Часть денег, помимо отсылки, рабочие могли привозить домой сами после окончания навигации.

Как следует из табл. 3, средний месячный заработок матросов составлял 25,75 р., затраты на жизнь при артельном питании — 12,7 р.; следовательно, в течение 6—7 месяцев навигации чистый заработок матросов составлял (круглым числом) 80—90 р.

Этот заработок предназначался для содержания семьи, а в зимний период и для самого судорабочего. Для некоторой части речников, не занятых в судоходстве постоянно и не имевших какого-либо иного заработка в межнавигационный период, сбереженные деньги служили дополнением к семейному бюджету. Отсутствие семьи у холостых судорабочих зачастую не исключало наличия иждивенцев, так как почти все холостые, о ком имеются сведения, посылали деньги домой.

Обеспечение спецодеждой, как уже отмечалось, практиковалось только в отношении речников казенной флотилии.

Сведения по этому вопросу в 1913—1914 гг. были получены в отношении 78 чел. В анкетах для машинной команды данный вопрос отсутствует. Тем не менее имеющийся материал показывает крайне неудовлетворительное обеспечение плавсостава спецодеждой. Так, например, из 45 матросов лишь 2 имели полный набор спецодежды, 12 не имели ее совсем, обеспечивались фуражками или шляпами — 23 человека; бушлатами, тужурками или пиджаками — 8; дождевиками или кожанам — 26; рубахами или тельниками — 26; брюками — 22; рабочими костюмами — 7; сапогами — 11; рукавицами — 14.

К сожалению, не известен перечень вещей, входивших в комплект спецодежды. Возможно, что существовала их взаимозаменяемость, например, при выдаче рубах и брюк не полагались рабочие костюмы и наоборот. Возможно также, что пользование некоторыми вещами было совместным, например, дождевиками при заступлении на вахту. Все эти моменты должны прояснить другие, дополнительные материалы. Тем не менее неудовлетворительность обеспечения судорабочих спецодеждой очевидна.

Продолжительность рабочего дня речников плавсостава зависела от типа и назначения судна, характера обязанностей, исполняемых теми или иными членами экипажа. На крупных пассажирских и буксирных пароходах рабочий день подавляющей части команды, состоявшей из двух смен, при исполнении прямых обязанностей не мог быть больше или меньше 12 часов, разделявшихся, как правило, на две шестичасовые вахты.

В 1913—1914 гг. 12-часовой день имели 57,5% опрошенной группы судорабочих. Наиболее короткий рабочий день отмечался у машинной команды, где были тяжелейшие условия труда: почти у половины этой категории рабочих (48% показаний) он состоял из двух, реже трех вахт общей продолжительностью — 8—9 часов. Очевидна эксплуатация и другой части экипажа — буфетно-кухонной и иной прислуги. Продолжительность рабочего дня составляла здесь в среднем 17,3 часа. В целом среди всей группы опрошенных речников более чем 12-часовой рабочий день отмечался у 22%.

В отношении продолжительности рабочего дня в источнике не обнаруживаются принципиальных различий между судорабочими казенной и частной флотилий. Так, например, и на пароходе «Лена» срочного казенного пароходства и на

пароходе «Сибиряк» Акционерного общества пароходства по р. Енисею рабочий день кочегаров составлял 12 часов. На катере «Иркутск», принадлежавшим Томскому округу путей сообщения, рабочий день всего экипажа, включая командира, достигал 17 часов.

При чрезмерно продолжительном рабочем дне у значительной части речников суточных отдыхов почти не было. Ночные вахты через день отмечались примерно у $\frac{2}{3}$ судорабочих, а у $\frac{1}{3}$ они были ежедневными.

В анкетах для машинной команды есть вопрос о наличии страхования. Во всех 85 анкетах за 1913—1916 гг. не отмечено ни одного случая страхования. Многие речники на Енисее не получали даже расчетные книжки. По имеющимся данным (в 1913—1916 гг. этот вопрос выяснялся в отношении 82 чел.), они были лишь у 58,5% плавсостава.

В годы первой мировой войны в составе речников на Енисее, в их материальном положении и условиях труда произошли определенные сдвиги. Здесь необходимо охарактеризовать важнейшие из них. Более полно эти изменения отражены в табл. 4, 5, 6. Следует, однако, отметить, что в 1916 г. анкеты заполнялись небрежнее, чем в предвоенный период. Так, осталась невыясненной принадлежность части рабочих, возраст и др. Сведения о сроке найма не могут служить, как раньше, показателем непрерывности стажа. Условия военного времени, уменьшение объема перевозок, общая неустойчивость промышленно-экономической конъюнктуры заставили владельцев сократить до минимума число постоянных рабочих.

В период войны изменился возрастной состав рабочих. Если до войны удельный вес крайних возрастных групп (до 17 и старше 40 лет) составлял 8,8% то в 1916 г. 19,3%, т. е. более чем удвоился. Соответственно увеличился средний возраст судовых экипажей, больше стало семейных рабочих и меньше постоянных. Вместе с тем уровень квалифицированных рабочих не снизился: удельный вес речников, работавших в судоходстве три и более навигаций, даже несколько поднялся (с 52,3% до 56%). Это могло быть результатом специальных мер: отсрочек от мобилизаций, вербовки, контрактации рабочих в районах развитого судоходства. В последнем свидетельствует повышение удельного веса рабочих, приписанных к губерниям Европейской России. В

Состав речников на Енисее в 1916 г.

Специальности, должности	Сословная принадлежность			Возраст				Семейное положение			Место приписки					Грамотность			
	Учено	3 Крестьяне	4 Мещане	5 Др. сословия	6 До 17 лет	7 От 18 до 40	8 Свыше 40 лет	9 Средний возраст	10 Не состоявшие в браке	11 Состоявшие в браке	12 Средн. размер семьи состоявших в браке	13 Енисейская губ.	Другие губернии		15 Европейск. России	Грамотные		18 Неграмотные	
													14 Азиатской России	15 Европейск. России		16 Грамотные	17 Полуграмотные		
1. Командир	2	1				1		30		1	3				1			1	
2. Пом. командира	1	1				1		36		1	5				1			1	
3. Лоцманы	6	3	1			2	2	42,0		3	3,0	2			2			2	2
4. Штурвальные	9	9				7	2	34,9	1	8	3,4	1			8			6	1
5. Пом. штурвальных	5	4				5		28,4	2	3	2,3	2			3			4	1
6. Магросы	59	49	3		1	49	2	29,8	15	37	3,3	19			2	31	30	6	17
7. Машинисты	3	2				2		35,0							1	1		3	
8. Пом. машинистов	4	2	1			3		30,7			нет сведений	2			1			3	
9. Масленщики	5	2				2		19,0				1			1			1	
10. Кочегары	30	23	3	1	2	18	8	33,9				16			11			16	11

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----	----	----	----	----	----	----

11. Буфетно-ку-
хонная и др.
прислуга

28	17	5	4	19	5	27,5	21	7	3,4	16	2	6	11	1	13		
Всего	151	111	15	1	7	109	19	30,8	39	60	3,3	59	7	64	78	9	44

Состав речников по стажу и характеру занятий в 1916 г.

Специальности, должности	Продолжительность работы в судоходстве		Срок найма		Число показаний	Занятия после навигации			Сельско-хозяйственными работами и домами.
	до 3-х навигаций	3 и более навигаций	Годовой	На время навигации		в судоходстве	В том числе		
					в судостроительных раслах		в других отраслях	всех по найму (выясненных)	
1. Командир	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2. Пом. командира	1	1	1	1	1	1	1	1	1
3. Лоцманы	4	4	2	2	1	1	1	1	1
4. Штурвалыные	8	8	2	2	2	2	2	2	2
5. Пом. штурвалыных	2	4	1	1	7	2	3	4	2
6. Матросы	22	29	2	8	2	2	2	2	2
7. Машинисты	2	2	2	1	2	2	2	2	2
8. Пом. машинистов	3	3	2	2	3	3	3	3	3
9. Масленщики	2	2	5	5	1	1	1	1	1
10. Конюгары	12	16	30	30	10	10	10	8	8
11. Буфетно-кухонная и др. прислуга	20	8	нет сведений	нет сведений	13	12	12	11	1
Всего	59	75	8	51	41	10	25	31	6

К характеристике бюджета речников плавостава на Енисее в 1916 г.

Специальности, должности	Заработная плата (р. в мес)			Расходы в период навигации (р. в мес)				На хозяй- ском питании (число показаний)
	Летом		Сред- няя	На артельное питание		На отдельное питание		
	Мини- мум — макси- мум	Сред- няя		Мини- мум — макси- мум	Сред- няя	число пока- заний	средн. размер расходов	
1. Лоцманы	100—120	108,00	нет сведений	4	20,25	4	20,25	
2. Штурвалыные	40—45	44,45						
3. Пом. штурвалыных	30	30,00	23	23,00	5	15,00	15,00	
4. Матросы	25—30	25,35	23	23,00	52	14,10	14,10	
5. Машинисты	80—110	95,00	80—110	95,00				
6. Пом. машинистов	70—85	80,00	55—70	62,50				
7. Масленщики	40	40,00	нет сведений					
8. Кочегары	30—35	34,70	нет сведений					
9. Буфетно-кухонная и др. прислуга	7—100	19,75			1			27
ВСЕГО:	7—120	33,30			73	14,65	14,65	27

1916 г. их доля в группе обследованных рабочих составила 47,8% (в 1913—1914 гг. — 34,4%).

Здесь же следует отметить, что труд военнопленных среди плавсостава на Енисее не использовался, а труд рабочих из сопредельных дальневосточных стран составлял всего 3%.

В силу отмеченных недостатков характеризуемого материала за 1916 г. нельзя показать бюджеты речников в той мере, в какой это было сделано для предвоенного времени. Так, совсем нет сведений о расходах речников на одежду, личную гигиену и «удовольствия». Обследование 1916 г. не охватило экипажи казенных судов, поэтому нельзя выяснить вопрос об обеспечении спецодеждой. Тем не менее имеющиеся данные показывают ухудшение материального положения судорабочих (табл. 6).

В частности, несколько возросшая номинальная заработная плата (с 32, 60 р. в мес в 1913—1914 гг. до 33, 30 р. в месяц в 1916 г. по всем категориям плавсостава) отнюдь не компенсировала возросшей дороговизны жизни. О дефиците продуктов можно судить хотя бы потому, что в 1916 г. уже совершенно не существовало артельной формы питания. Расходы на отдельное питание летом 1913—1914 гг. составляли по всем категориям плавсостава в среднем 10,70 р., или 32,8% среднемесячного заработка, а в 1916 г. 14,65 р., или 44%¹³.

Вероятно, возросла длительность рабочего дня, поскольку типичными ответами на этот вопрос были: «весь день» или «неопределенный».

Приведенный анализ показывает, что санитарные обследования речников России — один из наиболее информационно насыщенных источников даже среди врачебных обследований, заслуженно широко используемых в исследовательской литературе. Настоящей публикацией авторы надеются привлечь внимание историков рабочего класса к новому источнику.

¹³ ГАКК, ф. 643, оп. 1, д. 4, л. 1—475. Подсчет.

В. П. БОЙКО

СИБИРСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Ценность периодической печати как исторического источника не вызывает сомнений. Однако привлекается он в конкретно-исторических исследованиях довольно редко. Цель данной работы состоит в выявлении информативной значимости сибирской периодической печати в изучении истории формирования и деятельности западносибирской крупной буржуазии во второй половине XIX в.

В литературе сибирская периодическая печать почти не исследовалась. Весьма ценными публикациями являются статьи в «Сибирской советской энциклопедии», посвященные характеристикам как отдельных изданий, так и всей сибирской печати в целом. Здесь впервые приводятся обобщенные данные о количестве сибирских газет и журналов, составе их редакций и их общественно-политических направлениях.

Однако после выхода в свет «Сибирской советской энциклопедии» (1929—1933) сибирская периодическая печать на долгие годы выходит из поля зрения историков и рассматривается только в работах обобщающего характера. В силу слабой изученности проблемы глава о сибирской печати в 3-м томе «Истории Сибири» отличается небольшим объемом и неполнотой, хотя общие тенденции развития периодической печати в Сибири даны в ней верно¹.

Информативные возможности сибирской периодической печати рассматривались Г. Х. Рабиновичем, который считал, что общественно-политические газеты освещали преимущественно вопросы политической и культурной жизни Сибири, а социально-экономическую историю освещали га-

¹ История Сибири. Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968, т. 3, с. 390—399.

зеты, специализирующиеся на обслуживании торгово-промышленных кругов². Думается, что эта оценка справедлива применительно к эпохе империализма, когда в Сибири вышло довольно много торгово-промышленных изданий. До второй половины 90-х гг. XIX в. таковых практически не было, и вся периодическая печать Сибири довольно много внимания уделяла освещению процесса социально-экономического развития Сибири и роли в нем местной буржуазии.

Отмечая ограниченность буржуазной периодической печати Сибири, Н. В. Блинов справедливо писал, что в ней «преобладала констатация возмутительных фактов без объяснения их исторической и социально-экономической природы, возмущение дикими нравами на приисках Сибири, сопровождаемые сетованиями на бескультурье и хищничество предпринимателей»³. На наш взгляд наибольший интерес представляет именно эта «констатация фактов» капиталистической действительности, в них и заключалась ценность периферийной печати. В 1902 г. В. И. Ленин, объясняя трудности получения российской информации для газеты «Искра», писал, что «материал для экономического отдела, сколько-нибудь приличествующего «газете», т. е. сколько-нибудь живого, злободневного, интересующего и читателя и писателя, — такой материал разбросан именно по мелким местным газеткам и специальным изданиям...»⁴

Для анализа сибирской периодической печати были привлечены 21 газета и 3 журнала, кроме специальных изданий. К последним мы относим «Губернские ведомости» Томской и Томской губерний и Акмолинской области, «Епархиальные ведомости» этих же административных единиц, издания городских дум и Томского университета. Применительно к нашей теме из этих изданий представляют интерес только «Губернские ведомости» в первое десятилетие с момента своего зарождения (с 1857 г.). В них существовали неофициальные отделы, сотрудники которых, часто политические ссыльные и областники, довольно полно освещали социально-экономическую жизнь края. Впоследствии, с появлением частной периодики, «Губернские ведомости» превращаются в сводки казенных сообщений.

² Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975, с. 42.

³ Блинов Н. В. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск, 1974, с. 140.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 280.

К изданиям, которые не дают или почти не дают сведений по поставленной проблеме, мы относим газеты, издававшиеся в Иркутске: «Амур» (1860—1861), «Сибирский вестник» (1864—1865); в Кяхте—«Кяхтинский листок» (1867); в Красноярске — «Енисейский справочный листок» (1889—1893), «Енисейский листок» (1893—1894), «Енисей» (1894—1904); в Чите — «Байкал» (1897—1901), «Жизнь на восточной окраине» (1895—1897); в Ирбите — «Ирбитский ярмарочный листок» (издавался нерегулярно с 1872 г.)

В круг привлеченных в качестве основных источников изданий входят газеты: «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Томский справочный листок», «Томский листок», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Степной листок», «Степной край», «Сибирская торгово-промышленная газета» и журналы: «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще» (издавался в Томске (1897—1903), «Сибирский сборник», «Алтайский сборник», выходявшие нерегулярно в Иркутске и Барнауле.

В большинстве из этих изданий, по мнению Ф. А. Кудрявцева, преобладало влияние областников и народников⁵. В первую очередь это относится к трем газетам («Сибирь», «Восточное обозрение» и «Сибирская газета»), которые объединены общим направлением. Материалы, не допущенные цензурой в одном месте, печатались иногда в другом.

В 1875—1878 гг. «Сибирь», издававшаяся с 1873 г. в Иркутске, пережила свои лучшие годы: здесь сотрудничали А. П. Шапов, М. В. Загоскин и другие видные публицисты. Газета подверглась нападкам как правительственных органов, так и частных лиц. Известный иркутский миллионер М. В. Бутин говорил, что «не пожалеет 25 тысяч рублей, чтобы только не было газеты»⁶.

Газета «Восточное обозрение» издавалась с 1882 г. в Петербурге, с 1887 г. — в Иркутске. Видное место здесь занимали статьи ее основателя и первого редактора Н. М. Ядринцева, содержащие материал для обоснования областнических концепций. В них прослеживается сложное отношение областников к буржуазии. С одной стороны, они пытались привлечь ее на свою сторону, а с другой — и это было главное, — областники отмечали хищническую сущность капиталистического накопления, видели слабость местной буржуазии.

⁵ История Сибири. Л., 1968, т. 3, с. 393.

⁶ Сибирский вестник, 1889, 29 дек.

С начала 90-х гг., вероятно, в связи с кризисом областничества и тем обстоятельством, что редактором газеты стал либеральный народник И. И. Попов, «Восточное обозрение» меняет свое направление и характер подборки информации. Чуть ли не половину объема газет начинают занимать реклама и коммерческие объявления, интересы газеты ограничиваются регионом Восточной Сибири. Тем не менее именно в этой газете появилась в 1896 г. статья Л. Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири», где он впервые в сибирской печати с марксистских позиций показал, что в Сибири, как и в центре страны, развивается капитализм и проявляются его социальные последствия.

Заметный след в книго- и газетоиздательстве Сибири оставил П. И. Макушин, деятельность которого в этой области сосредоточивалось преимущественно в Томске. В 1881 г. он начал издавать здесь «Сибирскую газету», привлекая для работы в ее редакции политических ссыльных. В числе их оказались Ф. В. Волховский, Д. А. Клеменц, С. Л. Чудновский и др. Их участие определяло характер газеты, обуславливало частые стычки с местной администрацией и частными лицами, принадлежащими большей частью к крупной буржуазии. «Сибирская газета» была интересна тем, что старалась вскрыть темные дела сибирских капиталистов. Это обусловило короткий век газеты: издание ее неоднократно прерывалось, и в 1888 г. она прекратила свое существование, а ее издатель долгое время находился под негласным надзором полиции.

Только в апреле 1894 г. П. И. Макушину удалось получить разрешение на издание «Томского справочного листка», который через год был переименован в «Томский листок», а с сентября 1897 г. — в «Сибирскую жизнь»⁷. Если первые две газеты, имея более справочный характер, сохранили либерально-народническую ориентацию, то «Сибирская жизнь» эволюционировала в сторону буржуазного либерализма. Этот процесс для всей сибирской периодической печати, по мнению Н. В. Блинова, начался в конце 90 — начале 900-х гг. и не завершился к Первой русской революции⁸. Тенденция к обуржуазиванию «Сибирской жизни»

⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 3, д. 3275, лл. 2, 14, 42.

⁸ Блинов Н. В. Очерки дореволюционной историографии..., с. 140.

подчеркивается огромным объемом рекламы и коммерческих объявлений.

В 90-х гг. XIX в. кроме Томска в Западной Сибири выходили следующие частные газеты: в Тобольске с 1890 г. — «Сибирский листок», в Омске с 1893 г. — «Степной край», в Тюмени с 1897 г. — «Сибирская торговая газета».

На характер «Сибирского листка» наложило свой отпечаток то обстоятельство, что его редактором-издателем был А. А. Сыромятников, крупнейший в Тобольском крае хлеборотовец. Его хорошая осведомленность в местных торгово-промышленных делах отражалась и в материалах газеты: здесь регулярно печатались пространные экономические обзоры края.

«Степной край», издававшийся в другом крупном административном центре Западной Сибири, в Омске, по содержанию был сходен с «Сибирским листком», отличаясь от последнего обилием очерков и фельетонов и обширной информацией о жизни сибирских чиновников.

Одной из первых газет, специализировавшихся на обслуживании деловых интересов торгово-промышленных кругов, стала ежедневная «Сибирская торговая газета». Здесь публиковались конъюнктурные обзоры состояния рынков Сибири, сведения о ходе торговли, о новых предприятиях, о банкротствах, биографии предпринимателей и т. д. В этой газете содержится богатый материал по истории буржуазии Сибири.

Более широкому распространению частной периодической печати в Западной Сибири препятствовала администрация края. Так, томскому мещанину М. Цейнеру в 1898 г. было отказано издавать в Томске еженедельную газету «Сибиряк»⁹.

В 1882 г. в Томске по инициативе губернатора И. И. Красовского была создана газета «Сибирский вестник», которая должна была противостоять прогрессивной сибирской печати. Издавал ее адвокат В. П. Картамышев, а идейными вдохновителями были бывший народоволец Е. В. Корш и П. М. Полянский, сосланные в Сибирь за уголовные преступления. «Сибирский вестник» пользовался сначала многими льготами у томской администрации. Это сказывалось на большей частоте выхода номеров газеты, на ее объеме,

⁹ ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 4184, л. 5.

цензурных послаблениях и пр.¹⁰ Однако вскоре произошло перерождение «Сибирского вестника» в орган, выступавший апологетом буржуазии, что особенно четко проявилось во время стачки томских винозаводчиков в 1888 г., когда цензура вынуждена была вымарывать статьи в защиту отданных под суд монополистов¹¹. Следует отметить большую информированность этой газеты в политических и экономических вопросах сибирской жизни, так как она была тесно связана с крупнейшими сибирскими чиновниками и предпринимателями и, более того, щедро финансировалась последними.

Информативная ценность материалов газет как источников по изучению западносибирской буржуазии кроме их политической направленности определялась также и местом их издания. Если восточносибирские газеты особенно интересны своими корреспонденциями из Западной Сибири и только во вторую очередь местной хроникой, то западносибирские издания выделялись прежде всего своими статьями, очерками, фельетонами; затем по информативности идут корреспонденции с мест и местная хроника.

В истории крупной буржуазии Западной Сибири необходимо выделить ряд существенных моментов, определявших ее социально-экономическую и политическую сущность. Прежде всего это источники ее формирования, формы и методы накопления капиталов; затем численность, сфера приложения капиталов, социальная характеристика. Все эти черты в большей или меньшей степени отражались в сибирской периодике второй половины XIX в.

В освещении форм и методов накопления капиталов сибирская пресса почти единодушна в своей негативной оценке. Так, корреспондент «Сибири» из Омска писала, что выход в предприниматели из крестьян заключался в возможности захватить «мелкий подряд по поставке хлеба или дров, а затем скупке их у своих земляков крестьян по самой низкой цене...»¹²

Почти все сибирские газеты писали об ограблении коренных народностей Западной Сибири. На Тобольском севере распространенным способом обогащения была скупка рыбы и мехов. Скупщики являлись в стойбища местных рыболовов и охотников и путем обмана «скупали все по самой

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 16, л. 15.

¹¹ ГАТО, ф. 3, оп. 49, д. 6, л. 49.

¹² Сибирь, 1876, 25 янв.

ничтожной цене»¹³. «Сибирский листок» находит даже характерную черту такого обогащения: «Ни для кого не секрет, что торговля с инородцами считается самым выгодным делом, причем эта выгода всегда увеличивается обратно пропорционально степени культурности инородцев... Это своего рода закон инородческой торговли»¹⁴. «Сибирская газета» главную роль в торговом ограблении сибирских аборигенов отводит предпринимателям, начинавшим свое дело практически без капиталов. В корреспонденции из Нарымского края сообщается, что «сплошь и рядом встречаются здесь весьма значительные капиталисты, которые лет десять назад были простыми рабочими..., и все подобные случаи наживы происходили единственно благодаря беспощадной эксплуатации малоразвитых остяков»¹⁵.

«Восточное обозрение» также обращала свое внимание на несправедливый товарообмен между сибирскими аборигенами и торговцами, причем видела главную причину зла в том, что «торговля исключительно меновая, что является главным источником злоупотреблений торговцев, т. к. нет никакой установленной нормы стоимости промениваемого товара и существуют лишь произвольные цены, налагаемые торговцами»¹⁶.

Из других видов первоначального накопления капиталов газеты называют ростовщичество, золотопромышленность, торговлю, промыслы. На чудовищный ростовщический процент указывает «Сибирская газета»: «В Барнауле, оставляя под залог ценные вещи у ростовщиков, можно получить ссуду в 10—15% с рубля за месяц»¹⁷. На юге Западной Сибири обыкновенный торговый кредит «составляет 50—60% на рубль годовых, но он встречается довольно редко, т. к. обыкновенно требуют 10 к. на рубль в месяц, т. е. 120%, а в экстраординарных случаях он доходит до 365 на 100. Едва ли такой процент известен и самым злейшим ростовщикам», — восклицает газета¹⁸.

Золотопромышленность, по мнению областнической печати, лишь отвлекала местные капиталы от более полезных дел. Золотопромышленность, «внося дух погони за быстрою

¹³ Там же.

¹⁴ Сибирский листок, 1893, 21 янв.

¹⁵ Сибирская газета, 1881, 28 июня.

¹⁶ Восточное обозрение, 1887, 5 февр.

¹⁷ Сибирская газета, 1887, 31 марта.

¹⁸ Восточное обозрение, 1885, 25 июля.

наживую и захватывает местные капиталы», — писал Н. М. Ядринцев в одной из своих статей¹⁹.

В целом в промышленности складывалась следующая картина: «Фабрик и заводов в Сибири чрезвычайно мало; они далеко не соответствуют местным потребностям..., а предприниматель закапывает свой капитал в землю в напрасных поисках золота»²⁰. По мнению газет, для развития промышленности в Сибири не хватало не только капиталов, но и предпринимательской энергии. Дело же, разумеется, было в том, что предпринимательство в обрабатывающей промышленности уступало по прибыльности торговле и золотодобыче.

Исключением в этом плане являлось винокурение. Газеты отмечали выгоды этого производства и трудность проникновения в него новых лиц. Эти трудности неизмеримо возросли во второй половине 80-х гг., когда западносибирские винозаводчики заключали между собой соглашения (входили в стачки), регламентирующие производство и сбыт своей продукции. Прогрессивная сибирская периодика обличала начало монополизации в сибирской промышленности (винокурение), на транспорте (стачка западносибирских пароходоладельцев в 1886—1888 и в 1892—1893 гг.), в торговле (стачка сибирских мясоторговцев в конце 80-х гг. XIX в.) и т. д. Однако к концу XIX в., когда монополизация стала обыденным явлением, периодическая печать более лояльно смотрит на этот процесс, что объясняется также усилением в ней буржуазно-либеральных тенденций.

Начало обличительной характеристики сибирской буржуазии было положено Н. М. Ядринцевым, который писал, что «все будущее Сибири в руках «чумазаго»..., ничто не в силах бороться с ним. Он теперь установитель цен на все: на хлеб, на мясо, на водку, соль, честность и добродетель, на правосудие и даже на молитвы»²¹. Н. М. Ядринцев указывал также на основные сферы предпринимательства сибирской буржуазии, что являлось одним из определяющих моментов ее социально-экономической характеристики: «увлекаясь выгодами торговли и золотопромышленности, наши большие и малые капиталисты мало обращают внимание на обработку местных сырых произведений; они со-

¹⁹ Восточное обозрение, 1888, 10 июля.

²⁰ Восточное обозрение, 1888, 25 сент.

²¹ Сибирь, 1881, 29 марта.

вершенно игнорируют заводское и фабричное дело»²². Торговля определяла и первые экономические требования западносибирской буржуазии, в числе которых было требование провести железную дорогу до Ирбита, так как это было прежде всего в интересах торгового капитала и обосновалось тем, что «торговля — самый консервативный элемент в государстве»²³.

Развитие капитализма в Западной Сибири влекло за собой промышленное развитие края, которое основывалось преимущественно на торгово-ростовщических капиталах. В конце XIX в. указывалось, что «современному промышленному капитализму предшествовал капитализм торговый... и торговое сословие самое влиятельное в Сибири. Торговый капитализм придает экономической жизни Сибири характерную окраску, причем тоже обнаруживает стремление перейти в капитализм промышленный»²⁴. Прошлое промышленного капитализма определенным образом оказывало свое влияние на формы и методы накопления здесь капиталов. «Идеал большинства нашего промышленника, — писала «Сибирская газета» накануне своего закрытия в 1888 г. — легкая нажива при посредстве всевозможных монополий, стачек, наложения пошлин на потребителя, исключительных привилегий и т. д.»²⁵.

Замечено было проникновение иностранного капитала в экономику Западной Сибири и методы эксплуатации им сибирских рабочих. В корреспонденции из Тюмени сообщалось, что в д. Жернаково, Тюменского округа британские подданные братья Вардроппер занимаются постройкой барж для пароходовладельцев. «Тут же они имеют свою торговлю, причем так умно продают своим рабочим товар, что, вероятно, получают чистого барыша в 5—6 раз больше, чем затратили денег»²⁶.

Если глубинная социальная характеристика западносибирской крупной буржуазии в сибирской прессе носит фрагментарный характер, то черты ее социально-психологического облика отражены с гораздо большей полнотой. Так, газеты фиксируют у представителей буржуазии региона преобладание материальных интересов над всеми другими.

²² Восточное обозрение, 1882, 27 июня.

²³ Ирбитский ярмарочный листок, 1875, 19 февр.

²⁴ Сибирский листок, 1893, 9 мая.

²⁵ Сибирская газета, 1888, 14 апр.

²⁶ Степной край, 1894, 18 сент.

«Одна общая черта была на всех лицах, — писала «Сибирская газета», — то была печать «чумазого», ясно говорившая, что кроме «алтына и его судеб», у этих людей нет ничего ни сзади, ни спереди»²⁷. Буржуазия не была бы сама собой, если бы не стремилась к максимальной прибыли, к расширению своего дела. Это стремление заставляло ее поддерживать «купеческую честь», т. е. стремиться к роскоши, доказывая этим всем окружающим прочность и доходность своего дела — «в противном случае невозможно получить кредит ни в банке, ни у частных лиц»²⁸.

В некоторых случаях представители западносибирской буржуазии вели торговлю за границей Российской империи — в Монголии и Китае, что, по свидетельству газеты, благотворно влияло на интеллектуальный уровень купцов: нужно было кроме иностранных языков знать потребности края, выработать новые методы купли и продажи и т. д.²⁹.

В целом же, газеты предпочитали говорить о негативных чертах духовных интересов предпринимателя. «Излишек денег и недостаток нравственности, научных, художественных и политических интересов раздражают грубейшие инстинкты, развивают стремление к разнообразию в разврате», — писала о крупной буржуазии Западной Сибири «Сибирская газета»³⁰. «Средний круг» и самая среда купечества отличаются замечательным равнодушием, холодностью, тупостью», — вторит ей «Восточное обозрение»³¹. Эта газета с наибольшей остротой реагирует на бездуховность интересов западносибирской буржуазии: «Игра здесь (в Томске — В. Б.) развита до крайних пределов, расход на карты огромный, немного менее, чем на вино. При отсутствии умственной жизни карты единственное наслаждение...»³² Здесь же приводятся примеры поклонения в Томске юродивым и веры в различные слухи: «Томск напоминает сибирскую Москву, купечество отразило здесь те же москов-

²⁷ Сибирская газета, 1888, 29 июня.

²⁸ Восточное обозрение, 1882, 6 мая.

²⁹ Там же, 1886, 8 мая. Этому справедливому замечанию мы находим подтверждение в нашей современной литературе. — См.: Даревская Б. Н. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии. — В кн.: Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1973, вып. 1, с. 29—37.

³⁰ Сибирская газета, 1883, 20 февр.

³¹ Восточное обозрение, 1882, 29 марта.

³² Там же, 1885, 25 июля.

ские качества любви к блажененьким и мистическое суеверие рядом с любостыжательством»³³.

Таким образом, судя по материалам сибирской периодической печати, в области материальных интересов в среде западносибирской буржуазии преобладало стремление к извлечению максимальных прибылей, а в области духовных — тяга к чувственным низкопробным удовольствиям или, говоря словами Н. М. Ядринцева, «пузатые Кондраты местного купечества заняты высчитыванием выручки и отращиванием брюха творожными шаньгами»³⁴.

Опыт специального анализа сибирской периодической печати показал, что основная часть материалов по истории западносибирской крупной буржуазии содержится в крупных газетах, прежде всего в «Сибирской газете» и в «Восточном обозрении». Информационные возможности сибирских газет по поставленным проблемам находятся в зависимости не только от их политической ориентации, но и от места их издания.

В характеристике западносибирской крупной буржуазии, данной сибирскими газетами, преобладали социально-экономические моменты ее деятельности. Периодика довольно полно осветила процесс первоначального накопления местных капиталов, его грубые, подчас варварские формы и методы. Газеты определили преимущественные области приложения капиталов, постепенный их переход из торговли и ростовщичества в промышленность и влияние этого процесса на формирование крупной буржуазии региона. В целом обзор сибирской периодической печати показывает, что она является ценным и незаменимым источником по истории сибирской буржуазии второй половины XIX в.

³³ Там же.

³⁴ Там же, 1887, 18 июня.

А. В. СТАРЦЕВ

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ПУШНОГО ДЕЛА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Малоизученным в истории Сибири периода капитализма является вопрос о состоянии и развитии добывающих промыслов. Он самым тесным образом связан с проблемами социально-экономического развития народов Сибири, для которых добывающие промыслы являлись важным хозяйственным занятием до 1917 г. В советской историографии были рассмотрены основные проблемы исторического развития коренного сибирского населения: экономика, общественный строй, характер социальных отношений, вопросы быта и культуры¹. Все эти исследования содержат значительный фактический материал по истории добывающих промыслов. Однако работу нельзя считать завершённой. До сих пор нет специальных трудов, посвящённых сибирскому пушному промыслу, рыболовству, требуют детальной разработки вопросы о деятельности торгово-ростовщического капитала, о роли добывающих промыслов в процессе формирования сибирской буржуазии и т. д.

Одним из важнейших добывающих промыслов являлась охота на пушного зверя. Стоимость ежегодной добычи пушнины в Сибири составляла миллионы рублей и была важной статьёй российского экспорта. До сих пор в литературе этот вопрос не был предметом специального рассмотрения. Одна из причин — относительная узость источниковой базы и её недостаточная изученность. В настоящей статье автором предпринята попытка дать общую характеристику основных источников по истории пушного дела (промысла и торговли) в Сибири. Исходя из общепринятой видовой

¹ Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири. Омск, 1952, 187 с.; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, 444 с.; Народы Сибири. Этнографические очерки. М.—Л., 1956, 1083 с.; История Сибири. Л., 1968, т. 3, 529 с.

классификации письменных источников², их можно разделить на следующие основные группы: 1) законодательные акты, касающиеся промысла и торговли, правовые и административные регламенты; 2) материалы государственного и частнокапиталистического делопроизводства; 3) статистические и справочно-статистические издания; 4) периодическая печать.

Такая классификация охватывает источники по истории пушного промысла и пушной торговли лишь в наиболее общем виде. За ее пределами остаются некоторые важные источники (дневники и воспоминания современников и др.). В известном смысле в качестве источников можно рассматривать и некоторые исследования дореволюционных авторов, в которых содержится обширный фактический материал, ныне утраченный³. Использование всего комплекса источников дает возможность проследить общие закономерности развития промысла, уточнить детали производства охоты, ее организации, сбыта продукции и т. д.

К первой группе источников отнесены правительственные законодательные акты, а также акты различных государственных учреждений на местах, которые имели обязательную силу для тех лиц, чьи действия они регламентировали. Некоторые законодательные акты нельзя в буквальном смысле принимать за источники по правовому регулированию пушного промысла. Например, «Положение об инородцах» ставило основной своей целью узаконить сложившуюся ранее систему взаимоотношений царских властей с местной родо-племенной верхушкой, упрочить положение местной администрации, регламентировать вопросы суда, управления и податной политики⁴. Но без учета этого «Положения» невозможно представить себе условий, в которых осуществлялся промысел зверя коренным населением.

Правовые нормы, непосредственно касавшиеся охоты, были крайне немногочисленными и не представляли единой системы законодательных мер, охватывающих все вопросы промысла зверя и сбыта продуктов охотничьего хозяйства. Отдельные интересующие нас вопросы были освещены в

² Источниковедение истории СССР. Изд. 2. М., 1981, с. 12.

³ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. ч. II. СПб., 1854, 697, VI. Пс.; Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898, 637 с.; Паас К. Краткий обзор пушного дела в России. М., 1915, 272 с. и др.

⁴ Положение об инородцах. СПб., 1892, т. 2, 121 с.

«Уставе лесном» и «Уставе сельского хозяйства»⁵. Но в общем за всю историю промысла в стране не было выработано единых правил об охоте, а закон 3 февраля 1892 г. на Сибирь не распространялся.

В 1897 г. была предпринята попытка создания общего закона для всех местностей России, включая окраины. По «высочайшему повелению» царя учреждалась «Особая комиссия по пересмотру закона об охоте 3 февраля 1892 года». Однако многолетняя деятельность ее не увенчалась успехом, и проект закона не был утвержден. Несмотря на это, подготовительные материалы комиссии представляют большой интерес. Значительное количество этих документов сконцентрировано в Центральном государственном историческом архиве СССР.

Эти данные дают возможность представить основные принципы, которыми руководствовались члены комиссии при выработке нового закона. Несмотря на настоятельную потребность регулирования промысловой охоты, этот вопрос так и не стал центральным. По словам товарища председателя комиссии М. В. Андриевского, главное внимание уделялось мерам «...к поднятию нашего скорняжного дела и упорядочения тарифных ставок на пушной товар»⁶. Особая ценность этих источников заключается не столько в том, что они отражали проблемы и споры, возникавшие в процессе выработки статей проекта будущего закона, сколько в том, что они содержат фактический материал, характеризующий состояние охоты в стране в конце XIX в. В многочисленных «Записках» членов комиссии имеются данные о количестве и стоимости добываемой пушнины, рассматриваются условия экспорта пушного товара, оценивается деятельность торговцев и скупщиков пушнины.

Официальный характер этих источников снимает вопрос об их подлинности и происхождении, так же как вопрос о достоверности их содержания. Иначе обстоит дело с отражением ими исторической действительности. Названные акты и регламенты отражали позицию правительства в отношении промысловой охоты. Конечно, эти документы не освещают действительно сложившиеся правовые отношения

⁵ Устав лесной. СПб., 1893, т. VIII, ч. 1, 225 с.; Устав сельского хозяйства. СПб., 1893, т. XII, ч. 2, 158 с.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 390, оп. 1, д. 39, л. 7.

в пушном промысле, однако они раскрывают направление и содержание политики по отношению к сибирским народам, попытки регулирования отношений, складывавшихся в производственной деятельности коренного населения.

Большой интерес представляют материалы государственных учреждений и частнокапиталистических предприятий. К первой группе следует отнести документы податной инспекции, губернских казенных палат, губернских управлений, губернские и министерские отчеты, текущую переписку. Эти источники весьма разнообразны по форме, содержанию и целевому назначению. Относительная немногочисленность сведений об охоте в этих документах объясняется той ролью, которую она играла в хозяйстве России во второй половине XIX — начале XX вв. Как известно, в пореформенный период в Сибири особенно бурное развитие получило земледелие, которое приобретало товарный характер и занимало важное место в снабжении продовольствием и сырьем не только Сибири, но и России. Расширение посевных площадей, сокращение лесных массивов, развитие обрабатывающей промышленности — все это не могло не оказать влияние на уменьшение удельного веса пушного промысла в хозяйстве Сибири.

Важным источником, характеризующим состояние пушного промысла, являются материалы анкеты, рассылавшейся в 1896 г. департаментом земледелия начальникам губерний и областей и чинам корпуса лесничих. В этой анкете, состоявшей из 14 вопросов, содержались сведения о развитии пушного промысла в различных местностях империи, выяснялась роль охоты для местных жителей, указывалось количество ежегодно добываемой пушнины, ее стоимость, доходы от промысла и т. д. (ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 63, д. 19954). К сожалению, в фондах департамента земледелия итоговых материалов анкеты не сохранилось. В местных же архивах ответы на вопросы анкеты касаются только отдельных округов, и свести их воедино не представляется возможным.

Более многочисленная группа документов посвящена деятельности предпринимателей, занимавшихся пушной торговлей. Важные сведения содержатся в материалах сибирской податной инспекции. Здесь имеются данные о числе торговых предприятий, о размерах торговых оборотов, о прибылях, получаемых от сбыта пушнины. Большой интерес представляет журнал Томского губернского раскладочного при-

существования по промысловому налогу, в котором указывается процент прибыли, получаемой предпринимателями от торговли пушниной.

В Западной Сибири действовала особая группа пушно-торговцев, которая получила название «чуйцев». Особенностью этой группы предпринимателей было то, что они вывозили пушнину из Монголии, доставляя ее по Чуйскому торговому пути сначала в Бийск, а затем на Ирбитскую ярмарку. Для характеристики деятельности этой группы купечества большое значение имеют документы, которые хранятся в фондах Бийского податного инспектора (ф. 192) и Бийской городской управы (ф. 174) Государственного архива Алтайского края, Томского губернского управления (ф. 3) Государственного архива Томской области и департамента таможенных сборов министерства финансов (ф. 21) ЦГИА СССР. Эти документы содержат сведения о численности торговцев, проходивших через Кош-Агачский таможенный пункт, об их социальном составе, о количестве вывозимой пушнины и пр. Значительное место среди материалов, характеризующих русско-монгольскую торговлю по Чуйскому тракту, занимают данные Онгудайской таможи, доставленные в податную инспекцию. Однако достоверность цифр, доставляемых таможей, нельзя признать полностью соответствующей действительности. Несмотря на то, что в советской исторической науке достоверность таможенной статистики считается достаточно высокой⁷, мы можем говорить лишь о приблизительных данных. Это объясняется тем, что торговля с Монголией была беспощлиной, и у таможенников не было оснований требовать от предпринимателей точных сведений о количестве и стоимости провозимых товаров. Купечество же, напротив, было заинтересовано в занижении этих показателей, так как материалы таможи направлялись в податную инспекцию и на их основе определялся налог, взимаемый с предпринимателей. Управляющий Онгудайской таможей отмечал, что «эти данные «...при указанном порядке... не будут иметь не только исчерпывающего, но и даже приблизительного значения»⁸. Таким образом, данные о вывозе сырья и пушнины из Монголии следует считать преуменьшенными.

⁷ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 375.

⁸ ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 94, л. 1.

Очень интересны источники, характеризующие деятельность торгово-ростовщической буржуазии в пушном промысле. Основная часть этих материалов находится в фондах губернских правлений и окружных полицейских управлений. Несмотря на тенденциозный характер этих документов, они вскрывали многие, самые беззастенчивые приемы эксплуатации торговцами промыслового населения, указывали на «идиллические» способы первоначального накопления капитала — неэквивалентный обмен, спаввание и т. д. Значительная часть документов такого содержания находится в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области.

Документы частнокапиталистического делопроизводства немногочисленны. Как отмечалось исследователями, фондов предприятий сибирских пушноторговцев почти не сохранилось⁹. В нашем распоряжении имеются отдельные документы, освещающие деятельность «Русско-монгольского товарищества», которое было официально зарегистрировано в 1904 г. в Бийске и занималось доставкой из Монголии значительных партий шерсти и пушнины и реализацией их на Ирбитской ярмарке. Эти документы находятся в фонде Барнаульского отделения Русского для внешней торговли банка в Государственном архиве Алтайского края и содержат инструкции членов правления своим служащим, торговые отчеты, переписку между членами—распорядителями товарищества. Несомненный интерес представляют хранящиеся здесь же письма, адресованные одному из членов правления бийскому купцу 2-й гильдии А. Д. Васеневу от исследователя Монголии, профессора Петербургского университета Позднеева, членов Русского географического общества, ученых и общественных деятелей Д. А. Клеменца, Г. Н. Потанина.

Следующую группу источников составляют статистические издания. Дореволюционная статистика пушного дела страдала большими пробелами и неточностями. Регулярного статистического учета количества добываемой пушнины и ее стоимости практически не существовало. Особенно это было характерно для 50—70-х гг. XIX в. Основными статистическими источниками являются данные губернской статистики и отчеты ярмарочных комитетов.

⁹ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975, с. 37.

Данные губернских статистических комитетов не отличались высокой достоверностью, на что неоднократно указывалось исследователями. А. Ф. Плотников писал, что данные о количестве добываемой пушнины, доставляемые волостными правлениями губернскому начальству, «совершенно не заслуживают доверия»¹⁰. Подробную критику губернской статистики дал исследователь пушного промысла в Якутии М. Константинов. Он писал, что «инородческие» управы, сообщая в губернское правление сведения о добыче пушнины, намеренно занижали их, опасаясь увеличения налогов, взысканий и пр. Поэтому статистические данные, показывающие количество добываемого зверя «...отличаются полнейшей недостоверностью и оказываются совершенно непригодными для изучения пушного дела...»¹¹. Таким образом, цифровые данные, приводимые губернскими статистическими комитетами, значительно занижали ежегодную добычу, и их использование возможно лишь в сочетании со статистическими источниками иного происхождения.

Данные, публикуемые ярмарочными комитетами, в большинстве своем достоверны, но и они имели серьезные недостатки. Судить по ярмарочной статистике о количестве добываемого зверя в Сибири можно с известными оговорками. Во-первых, сбор таких данных осуществлялся лишь на наиболее крупных ярмарках, а, во-вторых, они не охватывали всей пушнины, добываемой в крае. Значительная часть товара проходила мимо ярмарок. По мнению К. Пааса, эта часть в конце XIX — начале XX вв. составляла не менее 25% от всего количества пушнины¹².

Несмотря на то, что департамент железнодорожных дел министерства финансов опубликовал сведения о перевозке мехового товара по железным дорогам, выяснить количество и стоимость пушнины не представляется возможным. Причина в том, что классификация товара не позволяет выделить пушнину из общей массы мехового товара. Так, к I категории были отнесены овчины, шкурки белки, волка, зайца, козы, кошки, кролика, лося, оленя, суслика, сурка; ко II категории — овчины, выделанные и к «остальным пред-

¹⁰ Плотников А. Ф. Нарымский край. Историко-статистический очерк. СПб., 1901, с. 329.

¹¹ Константинов М. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921, с. 54.

¹² Паас К. Указ. соч., с. 30.

метам» — каракуль, мерлушка, меха ценных пушных зверей, шкуры и шкурки выделанные и т. д.¹³. Количество мехов определялось в пудах, стоимость не указывалась. Безусловно, из такой классификации мехов никаких выводов сделать нельзя.

Данные о привозе пушнины на ярмарку собирались «путем личного знакомства с некоторыми лицами из торгующего сословия»¹⁴, что, конечно же, не гарантировало их достоверности. На Нижегородской ярмарке для сбора информации о привозимых товарах в 1894 г. было учреждено статистическое бюро, которое рассылало купцам опросные бланки. Но бланки, рассылаемые купечеству, очень часто возвращались незаполненными, и для определения привоза вновь приходилось обращаться к «сведущим людям» из среды торговцев. Так, в 1898 г. из двух тысяч бланков было заполнено только пятьсот, да и то «весьма неисправно»¹⁵. Нередко купцы скрывали действительное количество привезенной пушнины для увеличения спроса. Многие мелкие торговцы не регистрировали свой товар, чтобы избежать платы, взимаемой ярмарочным комитетом за право торговли. Таким образом, действительное количество и стоимость привозимого пушного товара всегда были выше указанного в отчетах ярмарочных комитетов. А. И. Швец считал, что «можно безошибочно прибавлять по 20—25% на количество соболей, ежегодно называемое Ирбитским ярмарочным комитетом»¹⁶.

На мелких ярмарках и торжках учет привозимой пушнины был еще более несовершенным, и данные, приводимые в отчетах, оказывались значительно заниженными. В одном из официальных изданий отмечалось: «Торговля рухлядью, особенно более ценной, инородцами издавно ведется скрытно, большей частью на дому у покупателей»¹⁷.

¹³ Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. 1901, вып. 68, СПб., 1904, 84 с.; там же 1902, вып. 65, СПб., 1905, 98 с.; там же, 1903, вып. 21, СПб., 1905, 26 с.; там же 1904, вып. 20, СПб., 1906, 26 с.; там же, 1908, вып. 30, СПб., 1911, 90 с.; там же, 1912, вып. 33, СПб., 1914, 73 с.

¹⁴ «Ирбитский ярмарочный листок». 1892, № 12.

¹⁵ Сперанский С. В. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1898 года. М., 1899, с. IV.

¹⁶ Швец А. И. К вопросу о хищническом истреблении соболя в Сибири. Иркутск, 1911, с. 16.

¹⁷ Список населенных мест по сведениям 1868—1869 года. вып. 60, Тобольская губерния. СПб., 1871, с. 222, 250.

Сведения о количестве промыслово-охотничьего населения содержатся в отчетах губернаторов и обзорах губерний, которые издавались типографским способом и являлись приложением к губернаторским отчетам. В «Обзорах Томской губернии» ежегодно приводились цифры о количестве семей, которые занимались извозом, работой на золотых приисках, рыболовством, охотой и сбором кедровых орехов. Эти данные имеют важное значение для определения общего количества промыслового населения в Западной Сибири и районов наибольшего распространения пушного промысла. К сожалению, на основе этих данных невозможно определить значение охоты для различных групп населения и выяснить количественное соотношение охотников-профессионалов, которые занимались охотой постоянно, и тех, для кого пушной промысел имел второстепенное значение и играл в хозяйстве побочную роль.

Данные о численности промыслово-охотничьего населения в Западной Сибири можно выяснить, используя таблицу распределения населения по видам главных занятий переписи 1897 г.¹⁸ Однако нельзя признать приводимые цифры полностью соответствующими действительности. Методологические принципы, на основе которых осуществлялся сбор и обработка данных, были крайне несовершенны и, по словам одного из исследователей переписи, «...невозможно искать в результатах первой всеобщей переписи доказательства каких-либо теорий, как невозможно учесть вероятную ошибку, допущенную в результатах переписи или определить степень отклонения результатов переписи от действительности»¹⁹.

Анализ источников, отражающих количественную сторону развития пушного промысла, приводит к выводу об их ограниченных информативных возможностях. Причины этого заключаются прежде всего в неполноте, неоднородности и недостоверности исходных данных статистики. Для восстановления картины состояния и развития сибирской промысловой охоты во второй половине XIX — начала XX вв. этих данных недостаточно, они не всегда сопоставимы территориально и хронологически. Исходя из этого, в итоговых

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Табл. XX, с. IV. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам. СПб., 1905, сс. 232—233, 250—251.

¹⁹ Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб., 1909, с. 102.

подсчетах и выводах невозможно преодолеть элемент предположительности.

Значительное количество фактического материала по истории пушного промысла дает сибирская периодическая печать. Эти материалы незаменимы как свидетельства современников и наблюдателей, оставивших не только факты, но и свое понимание и отношение к ним.

Статьи и корреспонденции, посвященные пушному промыслу и сбыту продуктов охотничьего хозяйства, довольно часто публиковались в газетах «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета». Отдельные сообщения появлялись в официальных правительственных изданиях. Большой интерес представляют статьи «Описание Березовского края» и «Обдорская ярмарка в 1858 году» в «Тобольских губернских ведомостях»²⁰. В этих работах авторы (Н. А. Абрамов и Колпаковский) приводили лично собранные данные о количестве и стоимости пушнины, а Н. А. Абрамов, опираясь на сведения, полученные от березовских торговцев, попытался сделать общий подсчет добычи в Березовском крае в 50-х гг. XIX в.

Широкий отклик в сибирской периодике получило решение царского правительства о выработке общероссийского охотничьего законодательства, приводились красноречивые факты, характеризовавшие деятельность скупщиков пушнины²¹.

Важное значение для характеристики пушной торговли имела газета, выходившая во время работы Ирбитской ярмарки — «Ирбитский ярмарочный листок». В ней публиковались сведения о привозе пушного товара, о существующих ценах, о размерах торговых сделок и пр. Эти материалы дают возможность дополнить недостающие цифры ежегодной добычи пушнины в Сибири и позволяют точно оценить роль и значение Ирбитской ярмарки — одной из крупнейших пушных ярмарок страны.

В целом, несмотря на то, что материалы периодической печати носили в основном иллюстративно-описательный характер, они в некоторых случаях являются единственным источником, освещавшим те или иные стороны развития

²⁰ «Тобольские губернские ведомости». отд. II, часть неофициальная, 1858, № 25; Там же, отд. II, часть неофициальная, 1858, № 13.

²¹ «Восточное обозрение». 1887, № 7; Там же, 1893, № 48; «Сибирская газета». 1881, № 18 и др.

пушного промысла. Их использование дает возможность более глубоко и полно изучить интересующий нас вопрос.

В данной работе автор не ставил своей задачей дать исчерпывающий анализ всех документов по охотничьему промыслу в Сибири. Сделан обзор наиболее важных источников по истории пушного дела и дана их характеристика с точки зрения полноты и достоверности. Рассмотренные группы источников имеют свои достоинства и недостатки, и поэтому только комплексное использование этих материалов позволит объективно решить вопрос о состоянии и развитии пушного дела в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.

Н. А. ТРОИЦКАЯ

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ БУРЖУАЗИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Последнее двадцатилетие в развитии советской исторической науки характеризуется появлением нового направления — истории буржуазии, ее формирования и деятельности. Задача такого изучения была поставлена В. И. Лениным, считавшим долгом социалистов «...раскрывать глаза рабочему классу на буржуазию как в ее деятельности, так и в ее мышлении, как в ее зрелом виде, так и в юношески-мечтательном возрасте»¹. Однако степень разработанности отдельных теоретических вопросов, состояние источниковой базы позволили лишь на современном этапе приступить к ее практическому решению. Внимание исследователей привлекает политическая и экономическая деятельность крупной буржуазии как в масштабе всей страны, так и в отдельных регионах². В советской историографии признана важность и актуальность изучения процесса формирования буржуазии, в то же время отмечен явно недостаточный его уровень³.

История буржуазии Дальнего Востока Российской империи до сих пор не была темой специального исследования, что, однако, не свидетельствует о полном невнимании к ней историков. В большей или меньшей мере исследователи

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 85.

² Историография российской буржуазии подробно дана в исследованиях: Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, 519 с.; Лаверьчев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974, 252 с.; Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975, 328 с.; Алексеев В. П. Проблема формирования российской буржуазии периода капитализма в дореволюционной и советской историографии. — В кн.: Генезис капитализма в России в отечественной историографии. Ярославль, 1981, с. 86—93.

³ Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982, с. 42, 47 и др.

затрагивали эту тему в работах по социально-экономической истории края в период капитализма. В данной статье анализируется советская историческая литература конца 50 — начала 80-х гг., в которой приводятся сведения или суждения о развитии дальневосточного отряда российской буржуазии. Ограниченный объем статьи позволил автору остановиться лишь на наиболее значительных работах.

Предшествующие этапы в становлении и развитии советской историографии Дальнего Востока периода капитализма не оставили сложившейся концепции истории буржуазии. Главной задачей исследований 20 — начала 50-х гг. было обобщение фактического материала по истории экономики, вопросы формирования отряда местных капиталистов практически не рассматривались. Авторами отмечены такие его характерные черты, как преобладание торгового капитала, хищничество и спекуляция, показано некоторое несоответствие между военно-стратегическими целями правительства и интересами крупного капитала. Утвердившийся тезис о слаборазвитости российского капитализма и его сильной зависимости от иностранного капитала не способствовал глубокому изучению темы. Дальневосточная окраина в свете этого теоретического положения признавалась отсталым колониальным районом, в экономике которого господствовали иностранные капиталисты⁴.

Качественно новый этап в советской историографии начинается с конца 50-х годов. В это время с развитием марксистско-ленинской методологии и расширением источниковой базы исторической науки, увеличением сети научно-исследовательских учреждений заметно выросло число исторических исследований. Созданный при Дальневосточном филиале СО АН СССР им. В. Л. Комарова отдел истории возглавил работу по изучению истории Дальнего Востока. К столетнему юбилею освоения края вышли сборники документов и материалов, включавшие данные по его социально-экономическому развитию в дореволюционный период. Был опубликован ряд очерков по истории отдельных городов и областей региона.

В одном из первых сборников статей по истории Дальнего Востока опубликована статья Е. П. Сычевского о формировании пролетариата в Приамурье, в которой одновре-

⁴ См.: Горюшкин Л. М. Историография Сибири. Новосибирск, 1979, с. 53.

менно впервые был поставлен вопрос о социальном происхождении дальневосточной буржуазии. По мнению автора, главными источниками ее формирования были амурское купечество и разбогатевшая верхушка крестьян-переселенцев, вложивших капиталы в мукомольную промышленность или в добычу золота. К сожалению, авторские выводы не были подкреплены фактическим материалом⁵.

В числе первых к истории крупной буржуазии обратился известный исследователь революционных событий на Дальнем Востоке А. И. Крушанов. В юбилейном сборнике материалов по истории Владивостока он опубликовал ряд статей по социально-экономической истории региона второй половины XIX — начала XX вв⁶. Одну из своих задач исследователь видел в характеристике процесса возникновения крупных торгово-промышленных заведений и определении их количества на основе сведений, полученных из изданий Приморского областного статистического комитета и архивных фондов. Статьи А. И. Крушанова содержат впервые вводимые в научный оборот материалы о деятельности предпринимателей Я. Семенова, О. Линдгольма, И. Чурина и др.

Определяя состав владельцев крупного капитала, автор включает в их число промышленников, купцов, судовладельцев, представителей военной и гражданской администрации, нажившихся на хищнической эксплуатации природных богатств и казенных поставках. Он отметил также тесную связь дальневосточных капиталистов с иностранным и европейским русским капиталом, впервые охарактеризовал взаимоотношения предпринимателей и местной администрации. Однако узость источниковой базы и неразработанность некоторых вопросов отразились на содержании статей, в частности, на распределении материала по хронологии: период империализма освещен значительно полнее, чем период домонополистического капитализма. Без коммента-

⁵ Сычевский Е. П. К вопросу о формировании рабочего класса в Приамурье. — Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958, с. 220.

⁶ Крушанов А. И. Некоторые вопросы социально-экономической истории Владивостока (1860—1916). — В кн.: Материалы по истории Владивостока, кн. 1. Владивосток, 1960, с. 19—36; Он же. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX вв. Там же, с. 37—43; Он же. О развитии торгового мореплавания на русском Дальнем Востоке в последней четверти XIX — начале XX вв. Там же, с. 45—62.

рив в работу перенесен из исследований дореволюционных авторов тезис об особом покровительстве местной администрации иностранным купцам.

К сожалению, статьи содержат некоторые неточности, которые впоследствии закрепились в литературе. Например, русский подданный финн Линдгольм назван шведом, искажены инициалы основателя торгового дома купца И. Я. Чурина, умершего в 1895 г. и не принимавшего личного участия в экономической жизни Дальнего Востока в начале XX века, и др⁷.

В работах более позднего времени, анализируя предпосылки социалистической революции на Дальнем Востоке, А. И. Крушанов вновь обращается к истории дальневосточной буржуазии. Привлекая новый фактический материал, он значительно расширил и углубил характеристики местных предпринимателей. Исследователь считает, что крупная буржуазия на восточной окраине была финансово-промышленной, однако не уточняет данную характеристику, отмечая лишь, что предприятия носили смешанный характер и были тесно связаны с иностранным капиталом⁸. На наш взгляд, автор несколько завышает уровень развития дальневосточной буржуазии, так как вплоть до социалистической революции здесь не произошло окончательного отделения промышленного капитала от торгового. Несмотря на указанные недостатки, работы А. И. Крушанова стали заметным явлением в историографии Дальнего Востока, положив начало изучению экономики региона в период капитализма.

Предпосылки Февральской буржуазно-демократической революции, в известной мере формирование буржуазии стали объектом исследования А. А. Ромаса. Привлекая новый архивный материал, исследователь попытался проанализировать внутреннюю политику царизма на далекой окраине, в частности, политику порто-франко. Однако автор не смог преодолеть противоречивость источников, отразивших борьбу мнений сторонников и противников свободной торговли. Поэтому и введение, и ликвидацию порто-франко он оценивает как реакционные мероприятия, проводимые в интере-

⁷ См.: Материалы по истории Владивостока, кн. 1. Владивосток, 1960, с. 25, 27—28, 35 и др.

⁸ Крушанов А. И. Октябрь на Дальнем Востоке, ч. 1. Владивосток, 1968, с. 22; он же. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1983, с. 11.

сах иностранного капитала⁹. Обращаясь к материалам о деятельности буржуазии, автор дает сравнительно полные характеристики торговых домов «И. Чурин и К» и «Кунст и Альберс», определяет сферы их влияния и масштабы деятельности. Впервые в литературе А. А. Ромас пытается определить степень монополизации отдельных отраслей промышленности, отмечая, что к 1917 г. процесс капиталистического развития и концентрации производства привел к образованию монополий в мукомольной промышленности и на речном транспорте, а в других отраслях, в том числе в золотопромышленности, имелась лишь тенденция к созданию капиталистических объединений¹⁰. В связи с этим неубедительно выглядит утверждение автора о том, что русская буржуазия почти не вкладывала капиталы в промышленность Дальнего Востока, местная таковых не имела и, следовательно, господствующие позиции в экономике занимал иностранный капитал.

Изучение истории отдельных отраслей народного хозяйства, начатое А. И. Крушановым, было продолжено в работах И. П. Трофимова, В. М. Ступникова, И. Ф. Панфилова и др. При этом некоторые из этих работ непосредственно посвящены изучению капиталистического предпринимательства¹¹. Исследователями привлечен материал о деятельности буржуазии соответствующих отраслей, об источниках и методах накопления капиталов и др. Роль железнодорожных строительных подрядов и торгового посредничества в увеличении капиталов дальневосточных предпринима-

⁹ Ромас А. А. О некоторых вопросах капиталистического развития на Дальнем Востоке накануне Февральской революции 1917 г. — В кн.: Очерки социально-экономической и политической истории СССР. М., 1964, с. 183—186.

¹⁰ Там же, с. 196—197.

¹¹ Бешта И. Л. Капиталистическое предпринимательство в дальневосточном рыболовстве в конце XIX—начале XX вв. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории. Владивосток, 1968, с. 44—49; Трофимов И. П. Становление лесной промышленности на Дальнем Востоке в дореволюционный период. — Учен. зап./Дальневосточн. гос. ун-т, т. 28. Владивосток, 1970; Он же. Морской зверобойный промысел в эпоху капитализма. — Учен. зап./Дальневосточн. гос. ун-т, т. 55. Владивосток, 1971; Ступников В. М. Горнодобывающая промышленность Приамурья. Благовещенск, 1975; Панфилов И. Ф. Нефть Сахалина. — Вопросы истории, 1977, № 8, с. 106—133 и др.

телей Л. Скидельского, И. Галецкого и других проанализирована в интересной статье В. Ф. Борзунова¹².

Заметное место среди этих работ принадлежит исследованиям Г. Х. Рабиновича. Изучая историю буржуазии и монополистического капитала в Сибири, он в ряде работ рассматривал ее в широких границах, включая Дальний Восток. Г. Х. Рабиновичу принадлежит содержательная статья об обрабатывающей промышленности в восточных районах страны накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали¹³. Автор отказался от использования в качестве основного источника по численности фабрично-заводских предприятий приложений к губернаторским отчетам, как содержащих неточные и чаще всего несравнимые данные. Исследователь указывает на необходимость использования источников, содержащих подробные сведения о предприятиях, таких, как материалы обследования обрабатывающей промышленности Дальнего Востока М. Бережникова и указатель фабрик и заводов П. Орлова. На основании сведений последнего Г. Х. Рабинович определяет число фабрично-заводских предприятий в данной отрасли. Основную часть владельцев предприятий составляло купечество, и это, по мнению исследователя, свидетельствовало о том, что отделение промышленного капитала от торгового до строительства железной дороги практически еще не произошло.

Монополизации речного судоходства на Дальнем Востоке и в Сибири посвящена другая статья Г. Х. Рабиновича, в значительной мере основанная на впервые вводимых в научный оборот источниках¹⁴. Одна из ее задач заключалась в определении роли различных территориальных групп буржуазии в этом процессе. Исследователь показал, что первые монополистические соглашения амурских пароходо-владельцев были заключены в начале 90-х годов XIX в. Он отметил, что в это же время к востоку от Байкала сохраня-

¹² Борзунов В. Ф. Из истории формирования сибирской буржуазии в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: Из истории Сибири и Алтая. Барнаул, 1968.

¹³ Рабинович Г. Х. Обрабатывающая промышленность Сибири и Дальнего Востока накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали. — Вопросы истории Сибири, вып. 5. Томск, 1970, с. 96—114.

¹⁴ Рабинович Г. Х. Монополизация речного судоходства в Сибири и на Дальнем Востоке (конец XIX — 1917 г.). — Исторические записки, т. 91. М., 1973, с. 113—149.

лись монополии старокупеческого типа, основанные на отсутствии конкуренции и правительственных привилегиях.

Г. Х. Рабинович обратился и к совершенно неизученному вопросу — о городской недвижимости как сфере приложения капиталов¹⁵. Он определил сумму вложений в недвижимость в крупнейших городах Сибири и Дальнего Востока, в том числе во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском. В работе содержатся яркие характеристики владельцев городской недвижимости Л. Скидельского, В. Бабинцева, Я. Семенова и др., нещадно эксплуатировавших население и спекулировавших земельными участками в условиях «жилищного голода».

Деятельность российской буржуазии по становлению дальневосточного морского пароходства стала объектом исследования В. П. Бянкина¹⁶. Его работа основана на обширном комплексе опубликованных источников и периодики. Автор дифференцированно подошел к оценке деятельности русских капиталистов, выделив патриотов-подвижников и дельцов, ставивших на первое место интересы своих предприятий, тесно связанных с иностранным капиталом.

Вопрос о степени влияния иностранного капитала на экономическое развитие Дальнего Востока неоднократно поднимался в советской историографии. Работы начала 60-х годов в значительной мере находились под влиянием тезиса о засилье иностранного капитала, например, статья И. И. Глущенко. Привлекая некоторые новые источники, в том числе архивные, исследователь анализирует участие иностранного капитала в горной промышленности, рыбодобыче и торговле. Автор отмечает полную поддержку иностранной экспансии и царизмом, и дальневосточной буржуазией — «хищниками с небольшим капиталом, деятельность которых носила торговый характер»¹⁷. Однако фактический материал, использованный в статье, говорит о необходимости детального изучения вопроса о роли иностранного капитала в разных отраслях экономики, в различных районах,

¹⁵ Рабинович Г. Х. Городская недвижимость как сфера приложения капиталов буржуазии Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Из истории Сибири. Томск, 1971, вып. 3, с. 107—126.

¹⁶ Бянкин В. П. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981, 240 с.

¹⁷ Глущенко И. И. Экономическая экспансия иностранного капитала на Дальнем Востоке в конце XIX—начале XX вв.—В кн.: Об особенностях империализма в России. М., 1963, с. 410—418.

о взаимоотношениях местного, европейского русского и иностранного капитала.

Переход к такому изучению наметился в работах последних лет, среди которых выделяются исследования О. Н. Разумова. Отмечая неравномерность и недостаточность освещения данной проблемы, автор считает, что иностранный капитал не занимал монопольного положения в экономике Дальнего Востока, а привлекался российской буржуазией, предприимательская инициатива которой часто «опережала действительные возможности внутреннего денежного рынка»¹⁸. Автор доказывает, что большинство иностранных предпринимателей, действовавших единолично и в составе паевых товариществ в горной промышленности Дальнего Востока, персонифицировали собой не вывоз, а миграцию капитала, неотделимую от личной эмиграции, что позволяет, на наш взгляд, рассматривать их как отдельный источник формирования российской буржуазии.

Показательным явлением в современной историографии стала публикация широкоплановых исследований по истории капитализма на Дальнем Востоке в целом. Центральное место в исследовании Б. Н. Морозова заняло развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. Автор привлек новые источники из фондов Немецкого Центрального архива в Потсдаме¹⁹. Анализируя экономическое развитие края в 1861—1904 гг., исследователь отметил, что быстрые темпы развития промышленности в конце XIX в. привели к возникновению крупных фабрично-заводских предприятий в ряде отраслей. Однако автор лишь описал некоторые из них, не проведя подсчета числа, количества рабочих и доли в общей сумме производства. Обоснованным, на наш взгляд, является вывод Б. Н. Морозова о роли иностранного капитала в различных районах Дальнего Востока, автор доказал, что сильные позиции иностранцев в приморских районах ослабевают в глубине территории.

Выводы исследователя получили дальнейшее развитие в статье, написанной им совместно с А. И. Алексеевым²⁰.

¹⁸ Разумов О. Н. Иностранный капитал в горной промышленности Дальнего Востока периода империализма. — В кн.: Из истории буржуазии в России. Томск, 1982, с. 97.

¹⁹ Морозов Б. Н. К истории развития капитализма на русском Дальнем Востоке (1861—1904). Автореф. дис... канд. наук. Горький, 1973.

²⁰ Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Экономическое развитие Дальнего Востока во второй половине XIX в. — Вопросы истории, 1981, № 5, с. 37—47.

Черты развитого капитализма в промышленности и промыслах края авторы находят в 90-х гг. XIX в. Основой для развития этих отраслей они считают европейский русский капитал. В обрабатывающей промышленности ведущая роль принадлежала, по мнению авторов, фабрично-заводским предприятиям, сосредоточившим до 65% рабочей силы и 70% общей суммы производства. Расширенный вариант статьи вошел в опубликованную в 1982 г. монографию А. И. Алексеева, обобщившую достижения советской исторической науки по вопросам открытия и освоения Дальнего Востока до конца XIX в.²¹

Таким образом, в последнее время историки не ограничивались общими характеристиками капиталистов, интересными фактами из их деятельности в качестве иллюстрации, а пытались проанализировать процесс разложения классов-сословий феодального общества и формирования буржуазии в отдельных отраслях экономики. В целом сложилось представление о дальневосточной буржуазии как средней по капиталам, преимущественно торговой. Исследователи характеризуют местных капиталистов как хищников и спекулянтов, тесно связанных с иностранным капиталом.

Подводя итоги, следует отметить, что в советской историографии конца 50 — начала 80-х гг. сделан значительный шаг в изучении истории дальневосточной буржуазии. Вместе с тем специальных исследований, посвященных формированию и развитию этого отряда российской буржуазии, до сих пор нет. Недостаточно разработанными остаются такие вопросы, как численность, источники, пути формирования и состав буржуазии Дальнего Востока, организационные формы капитала, степень монополизации и т. д. Дальнейшее изучение этих вопросов позволит ликвидировать один из пробелов в истории развития капитализма в восточных районах нашей страны.

²¹ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и русской Америки до конца XIX в. М., 1982, 288 с.

В. А. СКУБНЕВСКИЙ

ГОРОДА СИБИРИ ПОРЕФОРМЕННОГО ВРЕМЕНИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В последние годы в советской исторической науке успешно ведется изучение истории городов нашей страны, включая капиталистический период их развития (сборники статей «Русский город» издательства МГУ, трехтомник «Города Подмосковья», новые книги о городах Прибалтики, Северного Кавказа, Молдавии, Москвы и др.¹ В то же время обобщающие работы о городах страны эпохи капитализма крайне редки². А. М. Анфимов и А. М. Соловьева отмечают: «Однако история городского развития капиталистической России ведется пока только путем локальных исследований. Между тем необходимо и обобщающие монографические работы, где изучались бы градообразовательные процессы на всей территории страны»³. Нет обобщающих работ и о городах Сибири периода капитализма. Такие труды необходимы, ибо социально-экономическое развитие региона в целом и городов в частности в рассматриваемый

¹ Жуков В. И. Города Бессарабии (1861—1900 гг.): Очерки социально-экономического развития. Кишинев: Штиница, 1975, 84 с.; Пуллат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года. Историко-демографическое исследование. Таллин: Ээсти раамат, 1976, 223 с.; Города Подмосковья. Кн. 1. М.: Московский рабочий, 1979, 640 с.; кн. 2. М., 1980, 606 с.; кн. 3. М., 1981, 735 с.; История Москвы. Изд. 3-е. М.: Наука, 1978, 543 с.; Куприянова Л. В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. К проблеме развития капитализма вширь. М.: Наука, 1981, 292 с., и др.

² Отметим прежде всего интересную статью Л. М. Иванова О сословно-классовой структуре городов капиталистической России. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. М.: Наука, 1971, с. 312—340.

³ Анфимов А. М., Соловьев А. М. Изучение социально-экономической истории пореформенной России. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М.: Наука, вып. 2, 1978, с. 58.

период отличалось большой спецификой по сравнению с Европейской Россией.

Сибирь была аграрным районом, и городское население здесь на протяжении периода капитализма составляло небольшой процент: в 1863 г. — 7% (216,7 тыс.), в 1897 г. — 7,3 (393 тыс.), в 1913 г. — 10,1% (900,9 тыс.)⁴. Но данные только о соотношении городского и сельского населения не раскрывают в полной мере горообразование и роли городов в регионе. Так, рассматривая рост городов на сельскохозяйственных окраинах Европейской России, В. И. Ленин отмечал медленное увеличение процента городского населения по отношению ко всему, с 11,2 до 13,3% за пореформенный период (данные за 1863 и 1897 гг.). Но в абсолютных цифрах городское население выросло очень значительно, с 1058,4 до 2551,3 тыс. чел. (+130%)⁵. В. И. Ленин отмечал, что процесс роста индустриального населения в регионе был «затемнен»: «Отвлечение населения от земледелия к промышленности шло, след., очень сильно, но оно прикрывается громадным ростом сельскохозяйственного населения вследствие эмиграции...»⁶. Эти наблюдения В. И. Ленина очень важны и при изучении городского населения Сибири, ибо здесь быстрый рост сельского населения благодаря переселенческому движению «затемнял», по образному определению В. И. Ленина, рост городского. В. И. Ленин отмечал быстрый рост городского населения на окраинах страны, в том числе и в Сибири: «Рядом с процессом усиленной колонизации Кавказа и усиленного роста его сельскохозяйственного населения шел также (прикрываемый этим ростом) процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности». «Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии, и в Сибири, и т. д.»⁷ Таким образом, В. И. Ленин отнес Сибирь к числу окраин страны с быстро растущим городским населением, и это явление (рост городского населения) нуждается в изучении.

В данной статье делается попытка историографического обзора исследований о городах пореформенной Сибири. Ана-

⁴ Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863—1913 гг.) — История СССР, 1981, № 4, с. 55, 59. Здесь в число городов Сибири не включен Омск.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 565—566.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 566.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

лиз касается вопросов социально-экономического развития и работ, опубликованных уже после издания многотомной «Истории Сибири» (тт. 1—5. Л.: Наука, 1968—1969), подготовка к печати и выход в свет которой, как известно, стали важным этапом в изучении истории региона.

Рассматривая литературу последних лет, прежде всего отметим издание тематических сборников статей, посвященных городам Сибири досоветского периода⁸. Они заслуженно получили положительную оценку⁹. Особенно успешно разрабатывалась история городов феодального периода. Этого, к сожалению, нельзя сказать о периоде капиталистическом. Из 64 статей, опубликованных в названных сборниках, только 7 хронологически охватывают период капитализма и только 2 статьи посвящены важнейшему вопросу истории буржуазного города — социально-экономическому развитию¹⁰. Ни одна из 64 статей сборников не посвящена полностью пореформенному периоду, который являлся переломным в истории городов России, так как именно в это время шло становление буржуазного города.

Литература вопроса не ограничивается указанными сборниками. Отметим новые книги по истории Омска, Кяхты, Барнаула, Томска¹¹. Третье издание выдержал труд иркутских историков Ф. Кудрявцева и Г. Вендриха¹². Необ-

⁸ Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск: Наука, 1974, 300 с.; Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск: Наука, 1978, 335 с.; История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1977, 303 с.; Сибирские города XVII—начала XX вв. Новосибирск: Наука, 1981, 222 с.

⁹ История СССР. 1978, № 6, с. 180—182; Вопросы истории. 1979, № 4, с. 177—179 и др.

¹⁰ Бочанова Г. А. Экономическое развитие города Новониколаевска (Новосибирск) в начале XX в. — В кн.: Города Сибири. (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период), с. 233—239; Алексеева В. К. Роль маслоделия в социально-экономическом развитии сибирского города (конец XIX — начало XX вв.) — В кн.: История городов Сибири, с. 224—230.

¹¹ Юрасова М. К. Омск. Очерки истории города. Омск: Омское отд. Зап.-Сиб. кн. изд-ва, 1972, 312 с.; Климов А. П. Город Кяхта. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1978, 191 с.; Камбалов Н. А., Полухин Т. А., Скупов Н. Е. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972, 116 с.; Барнаул. Составитель А. Д. Сергеев. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980, 120 с.; Томску 375 лет. Сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1979, 260 с.

¹² Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1971, 435 с.

ходимо изучение не только крупных, но и маленьких (в прошлом) городов, и примеры такого исследования есть¹³.

Среди многочисленных книг по истории сибирских городов только одна монография новосибирских историков полностью посвящена истории города в капиталистический период¹⁴. В книге впервые на основе большого круга опубликованных и архивных источников показана история возникновения Новониколаевска и превращение его в важнейший экономический центр досоветской Сибири. В настоящее время указанная работа является одной из лучших среди трудов по истории городов — Сибири капиталистического периода¹⁵.

Важнейшие вопросы истории капиталистического города — развитие промышленности и торговли, формирование классов буржуазии и пролетариата.

Особенности социально-экономического развития сибирского города пореформенного времени в общих чертах известны: в экономике большинства городов ведущую роль играла торговля; промышленность была развита слабо и не перешла на фабричную стадию, отставал по сравнению с центральной Россией процесс формирования буржуазии и пролетариата¹⁶.

Во многих работах характеристика промышленности городов выглядит схематичной и упрощенной. Авторы ограничиваются примерами (часто случайными) о числе «фабрик» и «заводов» на любой произвольно взятый год, не утруждая себя попытками показать динамику промышленного производства¹⁷. Как правило, источником служат опубликованные ведомости о промышленности губернских ста-

¹³ Тужиков В. И. Кузнецк в пореформенную эпоху (1861—1900 гг.). — В кн.: Новокузнецк в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк: Изд-во Сиб. металлург. ин-та, 1971, с. 34—41; Горбачев В. Т. Город Колывань. (Историко-архитектурный очерк) — В кн.: История городов Сибири досоветского периода, с. 280—291; Горюшкин Л. М. Канск (Куйбышев) в дооктябрьский период. — Известия СО АН СССР, серия общественных наук, вып. 3, 1980, № 11 и др.

¹⁴ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1978, 296 с.

¹⁵ Рецензия на монографию опубликована В. И. Прониным в журнале «История СССР», 1978, № 6, с. 178—180.

¹⁶ История Сибири, т. 3. Л. 1968, с. 59—61.

¹⁷ Юрасова М. К. Омск, с. 61, 71; Кудрявцев Ф., Вендрих Г., Иркутск, с. 98—99, Камбалов Н. А. и др. Барнаул, с. 13; Барнаул /Составитель Сергеев А. Д., с. 37—38 и др.

тистических комитетов или дореволюционные издания, которые перепечатавали эти сведения. Для губернской статистики было характерно смешение всех форм промышленности, не был разработан и не применялся какой-либо критерий отделения крупных (фабричных) и мелких заведений, в число «фабрик» попадали не только мануфактурные, но и кустарные заведения. Но и учет мелких заведений был неполным и случайным¹⁸. К тому же губернская статистика не учитывала рабочих железнодорожных мастерских и депо, рабочих судоремонтных заводов. Именно мастерские и депо Сибирской железной дороги во многих городах стали наиболее крупными промышленными предприятиями (в Омске, Красноярске, Чите, Кургане и др.).

Особенно сложен анализ мануфактурного производства, которое в 60—80-е годы преобладало в большинстве городов Сибири. Сезонность, раздача работы на дом и не только в городах, но и в окрестных селах затрудняли сбор сведений об этих заведениях. В то же время городскую промышленность необходимо изучать во взаимосвязи с сельской. Важно учитывать высказывание В. И. Ленина, что ошибочно выделять деревню («кустаря») и город, ибо... «известный промышленный район сплошь да рядом обнимает город и окрестные селения»¹⁹. В своих работах В. И. Ленин неоднократно приводит примеры связи городской и мелкой сельской промышленности (экипажное производство Казани, кожевенное Арзамаса, изготовление гармоний и самоваров в Туле и др.)²⁰. Аналогичное явление наблюдалось и в Сибири. Научный анализ взаимосвязи городской и сельской промышленности Сибири читатель встречает в трудах Е. И. Соловьевой, где, в частности, она анализирует кожевенное и экипажное производство Тюменского округа, овчинно-шубное и пимокатное — Барнаульского и др. Большой фактический материал позволяет автору сделать вывод, что «...промышленность городов опиралась на широкое промысловое развитие округи, в то же время города стимулировали развитие мелких крестьянских промыслов»²¹.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 466—467.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 322.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 399, 405, 423.

²¹ Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука, 1981, с. 126.

Внести путаницу в решение вопроса может небрежное отношение к источнику, как это произошло в статье В. К. Алексеевой²². Характеризуя промышленность сибирских городов начала 90-х годов XIX в., автор пишет, что в 47 городах Сибири и Дальнего Востока насчитывалось «...851 заведение фабричного и заводского типа, с 2868 рабочими и 4573 ремесленниками»²³. Не ясно, какие же заведения отнесены к «фабричным» и «заводским». Ведь сноска делается на опубликованный источник «Экономическое состояние городских поселений Сибири», в котором отсутствует научное деление промышленных заведений на «фабричные», ремесленные и др. К тому же в книге опубликованы данные за 70-е годы XIX в. Они неприемлемы для характеристики промышленности начала 90-х годов. Более того, источник не содержит сведений о числе рабочих в городах Томской губернии, большинстве городов Иркутской губернии и Забайкальской области²⁴. Таким образом, приведенные цифры не дают даже приблизительного представления о промышленности городов.

Благодаря введению в оборот новых источников к настоящему времени уточнилось представление о развитии фабрично-заводского производства в пореформенной Сибири, в том числе и в городах. Так, в «Истории рабочего класса Сибири» Д. Х. Рабинович, А. А. Мухин и Б. К. Андрищенко отмечают, что к 1895 г. в городах и на городских землях находилось 57,8% предприятий обрабатывающей промышленности мануфактурного и фабричного типов, производивших 47% продукции и сосредоточивших 44,3% рабочих²⁵.

Исследование городской промышленности во всех ее формах: от ремесла до фабрик — остается по-прежнему важной задачей.

В пореформенном сибирском городе особенно большую роль играла торговля. Можно назвать ряд городов-торговых центров, где фактически не было не только фабричной, но и мануфактурной промышленности: Бийск, Кузнецк, Якутск и др. Сами сибирские города имели малочисленное

²² Алексеева В. К. Указ. соч., с. 224—230.

²³ Там же, с. 224.

²⁴ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882, с. 161—207, 303—363.

²⁵ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982, с. 83.

население, не являлись значительными центрами производства промышленной продукции и рынками сбыта, но они являлись организующими центрами сибирского рынка, центрами оптовой торговли²⁶. По мере развития товарно-денежных отношений в пореформенной Сибири, роста населения региона, особенно сельского, росло значение городов как торговых центров.

Между тем в большинстве книг о городах соответствующие разделы сведены к нескольким абзацам или отсутствуют вовсе. Перечень числа лавок и магазинов, названия нескольких торговых фирм и данные об оборотах торговли на какой-либо год — это наиболее типичная информация о торговле того или иного города²⁷.

Полнее показана торговая функция города в работах об Иркутске и Новониколаевске. Ф. Кудрявцев и Г. Вендрих рассматривают Иркутск как крупнейший торговый центр Восточной Сибири, его торговое значение определялось и внешней торговлей со странами Азии и торговлей в золото-промышленных районах Восточной Сибири²⁸. Новосибирские историки воссоздали картину превращения Новониколаевска в крупнейший транспортно-торговый центр Западной Сибири²⁹. Наиболее глубоко и всесторонне торговля Сибири конца XIX — начала XX вв. проанализирована в трудах Г. Х. Рабиновича. Изучая предпринимательскую деятельность буржуазии региона, автор показал картину торговой деятельности крупнейших фирм — Бутиных, Вторых, Гадаловых, Жернаковых, Коковина и Басова, Кухтериных и многих других. Им подробно показана торговля таких центров, как Томск, Новониколаевск, Барнаул, городов Забайкалья. Привлечение большого круга источников позволило Т. Х. Рабиновичу показать специфику торговли Сибири до и после проведения Сибирской железной дороги, роль банковского капитала, деятельность монополистического капитала³⁰.

²⁶ Бородавкин А. П., Говорков А. А. К истории торговли и торгово-ростовщического капитала в Сибири (1861—1891 гг.) — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, вып. 2, 1965, с. 42.

²⁷ Юрасова М. К. Омск, с. 61, 70—71; Климов А. П. Кяхта, с. 20—22; Барнаул/Составитель Сергеев А. Д., с. 34—42 и др.

²⁸ Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск, с. 99—102, 109—110.

²⁹ Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н., Указ. соч., с. 61—62, 106—110.

³⁰ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1975, 329 с.; Он же. Из истории торгового капитала в Сибири

Но работы Г. Х. Рабиновича преимущественно хронологически охватывают период империализма. Сибирская торговля пореформенного периода, в том числе и городская, нуждается в дальнейшем исследовании. Необходимо изучение не только взаимосвязи рынков Сибири и Центральной России, но и рынков Сибири и Урала, а также местных рынков. Например, слабо изучено влияние Уральской железной дороги (Пермь—Екатеринбург—Тюмень) на социально-экономическое развитие Западной Сибири, влияние Чуйского тракта на торговлю городов Алтая и т. д. Нет полного представления о соотношении в городах ярмарочной и стационарной торговли. Слабо изучены и отдельные виды торговли: хлебная, мануфактурная, пушная.

Одна из центральных проблем истории городов — изучение городского населения, его сословно-классовой структуры и демографических процессов. Большой вклад в разработку методики исследования социальной структуры городского населения и населения всей России периода капитализма внес В. И. Ленин. Анализируя материалы переписи населения Петербурга 1890 г., он подсчитал соотношение между хозяевами, служащими, рабочими и одиночками в обрабатывающей промышленности города, при этом были учтены «самостоятельные», члены семей и прислуга³¹. Опубликованные данные первой всеобщей переписи населения страны 1897 г. давали большую информацию о занятиях жителей, но не показывали классовую структуру населения. В. И. Ленин взял за образец данные о промышленном населении Петербурга, распределенном по положению в производстве (7% были отнесены к крупной буржуазии, 10% — к зажиточной мелкой, 22% — к беднейшим мелким хозяевам и 61% — к пролетарскому и полупролетарскому населению). Это соотношение В. И. Ленин положил в основу под-

(А. и Н. А. Второвы) — В кн.: Из истории Сибири, вып. 4. Томск: Изд-во ТГУ, 1972, с. 253—268; Он же. Из истории буржуазии города Томска (конец XIX в. — 1914 г.) — В кн.: Из истории Сибири, вып. 6. Томск: Изд-во ТГУ, 1973, с. 133—166; Он же. Крупная буржуазия Новониколаевска (Новосибирска) в период капитализма — В кн.: Из истории Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1978, с. 68—94; Рабинович Г. Х.; Скубневский В. А. Буржуазия города Барнаула (1861 — середина 90-х годов XIX в.) — В кн.: Из истории Сибири, вып. 1. Томск: Изд-во ТГУ, 1970, с. 70—107 и др.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 500, 504.

счетов о классовой структуре торгово промышленного населения всей России³².

Используя ленинскую методику, Л. М. Иванов произвел очень необходимые подсчеты и анализ классовой структуры городского населения России периода капитализма на основе материалов переписи 1897 г. и однодневных городских переписей. Статья содержит также и анализ сословного состава городского населения России и отдельных районов, в том числе и Сибири³³. Попытка анализа классовой структуры пореформенного сибирского города пока принята только по отношению к Томску и Барнаулу³⁴. Так, интересна статья Н. М. Дмитриенко, автору удалось показать в динамике численность фабрично-заводских рабочих, полупролетарского населения, крупной буржуазии и средних слоев Томска в конце XIX — начале XX в.

Информативная возможность таких источников, как материалы переписи 1897 г., и однодневных городских переписей используется пока в единичных случаях для изучения городского населения Сибири. Между тем, эти источники позволяют не только показать занятия жителей, но и классовую структуру населения, хотя бы приблизительно. Например, данные переписи 1897 г. дают возможность произвести подсчет численности рабочих и полупролетарских слоев. Так, в Томске на 1897 г. пролетарские и полупролетарские слои составляли 11,2 тыс. (40%) всего самостоятельного населения, но от этого числа промышленные рабочие составляли только 20% (2,2 тыс.), в то время как прислуга — 5 тыс. (45%)³⁵. Во втором по числу жителей городе Томской губернии — Барнауле в этом же году пролетарские и полупролетарские слои составляли 50% населения³⁶. В отличие от главных промышленных центров страны фабричные рабочие составляли в сибирских городах незначительную часть в конце XIX в. (Томск) или их не было вовсе (Барнаул). Но в то же время доля лиц наемного труда

³² Там же, с. 504—505.

³³ Иванов Л. М. Указ. соч.

³⁴ Дмитриенко Н. М. О социальном составе населения Томска (конец XIX в.—1917 г.).—В кн.: Рабочие Сибири в конце XIX—начале XX вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1980, с. 134—154; Скубневский В. А. Население города Барнаула во второй половине XIX в. — В кн.: Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1980, с. 104—129.

³⁵ Дмитриенко Н. М. Указ. соч., 146—152.

³⁶ Скубневский В. А. Население города Барнаула..., с. 120.

была довольно велика, значительная часть населения была занята именно в промышленности, включая самые неразвитые ее формы.

Произведенные подсчеты свидетельствуют, что промышленность играла важную роль в росте пореформенного сибирского города, и это в определенной степени меняет представление, сложившееся в литературе, о занятиях жителей городов, о социальной структуре городского населения.

Интересный анализ занятий жителей Омска на основе данных городской переписи 1877 г. и переписи 1897 г. содержит статья А. Д. Колесникова, но при этом отсутствует анализ классовой структуры населения города³⁷.

Необходимо дальнейшее изучение городских рабочих. В последние годы велось комплексное исследование истории рабочих Сибири. В итоге значительно расширилось, уточнилось представление о численности, составе, положении, классовой борьбе рабочих как отдельных отраслей производства, так и всех рабочих региона³⁸. В то же время вопросы об особенностях формирования, составе, положения городских рабочих периода капитализма остаются не решенными. Весьма приблизительное представление в литературе о численности, составе, процессе формирования и положении городских чернорабочих, строителей, рабочих на транспорте и в торговле в 60—80-е годы XIX в.

Правда, авторы работ, посвященных истории городов, показывают положение рабочих (ужасные условия труда и быта, тяжелое правовое и материальное положение)³⁹. Но информация о положении рабочих, как правило, очень скупа, а характеристики носят иллюстративный характер, положение рабочих показано в статике. Но известно, что жизненный уровень рабочего класса России в период капитализма, оставаясь крайне низким, имел тенденцию к повышению, а это было обусловлено и социально-экономическим развитием страны, и ростом организованности пролетариа-

³⁷ Колесников А. Д. Рост сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска — В кн.: История городов Сибири досоветского периода (XVIII — начало XX вв.), с. 242-246.

³⁸ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 108-171, 184-234 и др.

³⁹ Камбалов Н. А. и др. Барнаул, с. 19; Барнаул/Составитель Сергеев А. Д., с. 35-36, 39; Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом..., с. 63—64 и др.

та, усилением классовой борьбы⁴⁰. В этой связи отметим бездоказательное утверждение А. Д. Сергеева о положении рабочих Барнаульского сереброплавильного завода (крупнейшего из городских предприятий Сибири): «Рабочие (теперь уже при вольнонаемном труде) подвергались такой же жестокой эксплуатации, как и при труде феодально обязательном»⁴¹. Разумеется, жизнь рабочих была тяжела и после отмены крепостного права (до 1861 г. на предприятии работали крепостные мастеровые), но в пореформенное время бывшие мастеровые стали свободными, изменилось их правовое положение, были повышены оклады и т. д.⁴². И нельзя ставить знак равенства между положением рабочих завода до и после реформы 1861 г.

История капиталистического города должна содержать анализ положения рабочих, в том числе бытовых условий, показывать облик рабочих кварталов. Классическим трудом в этом отношении является «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса⁴³. В главе «Большие города» Ф. Энгельс главное внимание уделяет именно пролетарским кварталам, положению рабочего населения. Конечно, не во всех сибирских городах к концу XIX в. обозначились рабочие кварталы, но в наиболее промышленно развитых они были: «Кирпичные сараи» и районы судоремонтных заводов в Тюмени, Атамановский хутор — в Омске, Затон — в Барнауле, Черемошники — в Томске, Знаменское предместье — в Иркутске и др.

Значительно продвинулось в 70-е годы изучение крупной сибирской буржуазии как в целом по региону, так и по отдельным городам. В основном благодаря работам Г. Х. Рабиновича были изучены вопросы численности, формирования, коммерческой деятельности буржуазии конца XIX — начала XX в.⁴⁴

⁴⁰ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX вв.). М.: Наука, 1979, с. 270.

⁴¹ Барнаул/Составитель Сергеев А. Д., с. 35.

⁴² Скубневский В. А. Кризис сереброплавильного производства на Алтае после отмены крепостного права — В кн.: Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, вып. 3, с. 46-47.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 2, с. 231-517.

⁴⁴ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв.; Он же. Из истории буржуазии города Томска (конец XIX — 1914 г.) с. 133-166; Рабинович Г. Х., Скубневский В. А. Буржуазия города Барнаула (1861 — середина 90-х годов XIX в.) с. 70-107; Рабинович Г. Х., Солопий Л. А. Крупная буржуазия Забайкалья в конце XIX — начале XX вв. — В

Менее изучена городская буржуазия 60—80-х гг. XIX в. В очерках истории городов данный вопрос, как правило, вовсе отсутствует. В лучшем случае упоминаются фамилии капиталистов — владельцев наиболее крупных торговых компаний и промышленных заведений⁴⁵. Например, отсутствие сведений о пореформенной буржуазии обеднило содержание книги о Кяхте, которая и во второй половине XIX в. оставалась крупным центром внешней торговли⁴⁶. Здесь сложилась группа богатейшей во всей Сибири буржуазии. Расширила бы представление читателей о социально-экономическом развитии сибирского города более подробная характеристика коммерческой деятельности буржуазии Иркутска, Барнаула, Омска и других городов⁴⁷.

Изучение социальной структуры городского населения не должно ограничиваться пролетариатом и крупной буржуазией. Необходим анализ и средних слоев. В последние годы эта проблема решается в ряде исследований советских историков⁴⁸. Первая и удачная попытка выявить численность и особенности состава средних слоев сибирского города сделана Н. М. Дмитриенко по материалам Томска.

В рецензии на монографию Р. Пуллата о городском населении Эстонии С. И. Брук, Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан справедливо отмечают слабую изученность городского населения страны и, в частности, демографических процессов в городах: «Не установлено, каков был сословно-классовый состав населения городов, каково было соотношение уровней естественного и механического прироста в общем движении городского населения, не выяснена специфика развития городской жизни в разных регионах страны...»⁴⁹ Сказанное в полной мере относится и к Сибири. Если демографические процессы в городах европейской части стра-

ки: Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск: Изд-во ТГУ, 1976, с. 137-170 и др.

⁴⁵ Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск, с. 93; Тужиков В. И. Кузнецк в пореформенную эпоху, с. 36 и др.

⁴⁶ Климов А. П., Указ. соч.

⁴⁷ Кудрявцев Ф., Вендрих Г., Иркутск; Барнаул/Составитель Сергеев А. Д.; Юрасова А. К. Омск и др.

⁴⁸ Пуллат Р. Указ. соч. с. 58-101; Грунт А. Я. Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М.: Наука 1976, с. 20-45; Булдаков В. П. Иванов А. Е., Иванова Н. А., Шелохаев В. В. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М.: Мысль, 1981, с. 19-51.

⁴⁹ История СССР, 1978, № 2, с. 189.

ны второй половины XIX в. изучаются на примере отдельных городов — города Эстонии, Харьков⁵⁰, то специальных историко-демографических исследований по сибирскому пореформенному городу пока нет. Очень бегло этого вопроса касается В. В. Воробьев в монографии о формировании населения Восточной Сибири⁵¹. Автор на основе данных городских переписей и переписи населения России 1897 г. доказывает, что городское население Восточной Сибири формировалось главным образом за счет механического притока из сельских районов Сибири и районов Европейской России, отмечает низкий естественный прирост городского населения. Попутно рассматривают демографическую ситуацию авторы статей о населении Омска и Барнаула⁵². Но в целом данный вопрос в настоящее время находится в стадии постановки и нуждается в дальнейшей разработке.

Дальнейшее изучение городов Сибири эпохи капитализма необходимо осуществлять и по отдельным городам, и по городам региона в целом. Недостаточно исследована история периода капитализма таких городов, как Тюмень, Тобольск, Бийск, Красноярск, Минусинск, Чита, Якутск и др. Нуждаются в дальнейшей разработке отдельные вопросы истории Омска, Томска, Барнаула, Иркутска. Не затрагивает современная историческая наука вопрос о фабричных, кустарных и торгово-промышленных селах Сибири. Конечно, в Сибири подобных населенных пунктов было немного по сравнению с Центральной Россией или Уралом. К фабричным селениям могут быть, например, отнесены: Абаканский завод в Енисейской губернии, села Усолье, Хайта и Николаевский завод в Иркутской губернии, Петровский завод в Забайкалье, село Змеиногорское, Гурьевский завод, с. Зыряновское на Алтае и др. Типичным кустарным селом являлось Шатровское в Тобольской губернии. Были в Сибири и торгово-промышленные села: например, на Алтае — Камень-на-Оби, Бердское, Усть-Чарышская пристань и др. Изучение промышленных селений должно быть неразрывно связано

⁵⁰ Пуллат Р. Указ. соч., с. 21-58; Курман М. В. Производство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова) — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. ст. М.: Статистика, 1977, с. 230-246.

⁵¹ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (Географические особенности и проблемы). Новосибирск: Наука, 1975., с. 190-194.

⁵² Колесников А. Д. Указ. соч. с. 238-240, 245-248; Скубневский В. А. Население города Барнаула. с. 100-112.

с изучением истории городов, ибо рост и тех и других отражал процессы урбанизации, процессы отвлечения населения от сельского хозяйства к промышленности и торговле⁵³.

Особенно необходимы обобщающие исследования, которые охватывали бы все города региона, рассматривая такие принципиально важные вопросы, как: формирование и пополнение городского населения, его сословная и классовая структура, городская промышленность во всех формах, торговля. Здесь необходим анализ не только собственно городской торговли, но и картины сибирского рынка и роли городов как его организующих центров. Разработка этих вопросов поможет расширить и уточнить представление о социально-экономическом развитии и особенностях развития капитализма в пореформенной Сибири.

⁵³ Иванов Л. М. Указ. соч., с. 314-315; Анфимов А. М., Соловьев А. М. Указ. соч., с. 58.

Н. М. ДМИТРИЕНКО

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ АВТОРЫ О ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

С развитием капитализма города превращаются, по выражению В. И. Ленина, «в центры экономической, политической и духовной жизни народа», «в главные двигатели прогресса»¹. Такая роль городов обязывает исследователей обратить особое внимание на процесс их развития в период капитализма. Однако до сих пор в отечественной историографии наблюдается отставание в изучении этой проблемы². Такое положение в немалой степени объясняется состоянием дореволюционной историографии, которая в силу методологической несостоятельности отрицала положительную роль городов в социально-экономической истории России³. Города страны эпохи капитализма изучались с точки зрения экономической географии⁴, права⁵, исторического краеведения. Краткие справки о них помещались в известных энциклопедиях Брокгауза и Ефрона, братьев Гранат. Однако ни одного специального научного исследования социально-экономической истории российского города периода капитализма до революции не появилось. Показательно, что в рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 341.

² См.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971, с. 183-184; Изучение отечественной истории в СССР между 24 и 25 съездами КПСС. Дооктябрьский период. М., 1978, с. 58; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982, с. 382.

³ См.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 6-10.

⁴ См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная дорожная книга для русских людей/Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., т. 1-19. СПб., 1899-1914; Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910, 212 с.

⁵ См.: Семенов Д. Д. Городское самоуправление. СПб., 1901, 387 с.

экономической науки» В. И. Ленин отметил как один из главных ее недостатков отсутствие характеристики капиталистического города в России. Он писал: «Характеризуя капитализм, автор опустил вопрос о росте торгово-промышленного населения на счет земледельческого и о концентрации населения в крупных городах, этот пробел тем ощутительнее, что, говоря о средних веках, автор подробно остановился на отношении деревни и города..., а о современном городе сказал всего пару слов о подчинении им деревни...»⁶ Подобное обнаруживается также при обращении к историографии крупных регионов страны. Но это не избавляет историков от обязанности оценить результаты, накопленные в дореволюционной историографии капиталистических городов. Эта задача применительно к Западной Сибири и решается в данной статье.

Характеристика крупных городов края, оценка их развития в конце XIX—начале XX вв. содержатся в ряде работ по истории Сибири. Полнота, обоснованность, объективность таких оценок зависели как от состояния общероссийской историографии, так и идейно-политической ориентации, научно-методологической позиции исследователей.

Работы авторов официально-правительственного направления Н. Кострова, К. Голодникова, П. Клокова, Н. Турчанинова, Н. Путинцева⁷ являлись как правило, выполнением их служебных поручений. Первые двое заведовали губернскими статистическими комитетами, П. Клоков был чиновником казенной платы, Н. Путинцев собирал сведения для изыскания Сибирской железной дороги. Основным источником их работ служили данные официальной губернской статистики. В меньшей степени эти авторы использовали сведения городских переписей, податной статистики, собственные наблюдения. Заданность работ — дать фактологическую сводку о состоянии экономики и населения Западной Сибири, ее губерний и городов — обусловила в определен-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 41.

⁷ Голодников К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1882, 181 с.; Он же. Горьд Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887, 139 с.; Клоков П. Промышленность и торговля Томской губернии. — Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910, с. 193-203; Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, б/г; 117 с. Путинцев Н. Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892; 134 с.; Турчанинов Н. В. Города Азиатской России. — В кн.: Азиатская Россия. СПб., 1914, т. 1, с. 285-360.

ной степени их описательность, отказ от сопоставления и анализа фактического материала. В большей степени в этом отразились ненаучность методологии, непонимание сущности описываемых социально-экономических процессов.

Тезис о застойности, низком уровне и торговом характере городской экономики Западной Сибири 1861—1917 гг. не вызывал у них сомнения и иллюстрировался данными о числе предприятий и сумме их производства за отдельные годы без выяснения их динамики, изменений в соотношении торговых и промышленных оборотов. Этот тезис не могли поколебать и факты, ему противоречившие. Так, П. Клоков опубликовал в своей статье подробные статистические данные податной инспекции о развитии торговли и промышленности Томской губернии в 1906—1908 гг., отметил уменьшение процента торговой прибыли. Его данные позволяют видеть одновременное возрастание процента промышленной прибыли, но никаких сопоставлений или объяснений этим фактам в статье нет. Вывод автора вполне традиционен: промышленность «не успела развернуться»⁸.

Не мог дать объективной оценки экономическому развитию сибирских городов в начале XX в. и автор наиболее обстоятельной из анализируемых работ этого направления, по замыслу и времени появления претендовавшей на обобщающий труд, Н. В. Турчанинов. Понимая под промышленностью лишь ее фабрично-заводскую стадию, он писал, что сибирские города имеют исключительно торговое значение, а «фабрик и заводов с их закончательными кирпичными трубами в сибирских городах еще почти нет»⁹.

Неверно оценивая экономическое развитие западносибирских городов, авторы официально-правительственного направления не могли дать характеристику их социальной жизни. Интересный фактический материал о более высокой смертности и меньшей продолжительности жизни в церковных приходах Тобольска с преимущественно бедняцким населением содержится в книге К. Голодникова¹⁰. Превышение смертности над рождаемостью в 1880-е годы в Томске отмечал Н. Путинцев¹¹. Объясняя эти факты плохими санитарными условиями, низкой культурой населения, авторы не указывали основу неблагоприятной жизни в городах боль-

⁸ Клоков П. Промышленность и торговля..., с. 200.

⁹ Турчанинов Н. В. Города Азиатской России, с. 293.

¹⁰ Голодников К. Город Тобольск..., с. 34-35.

¹¹ Путинцев Н. Д. Статистический очерк..., с. 14.

шинства их обитателей — капиталистическую эксплуатацию, классовое неравенство. Вопрос о классовом составе городского населения края в рассматриваемых работах даже не ставился, их авторы ограничивались констатацией сословной структуры горожан без всякого ее анализа.

Попытка связать экономическое и социальное развитие сибирских городов присутствовала в статье Н. В. Турчанинова. Он отметил высокие темпы роста городского населения края, справедливо объясняя их железнодорожным строительством, ростом производительных сил. Но это положение не нашло развернутого фактического подтверждения. Административное и культурное значение западносибирских городов также ограничено в рассматриваемых работах случайными данными. Таким образом, авторы официально-правительственного направления не пошли дальше некоторого накопления фактов по истории западносибирских городов периода капитализма.

Характерное для российской историографии конца XIX — начала XX вв. сближение дворянского и либерально-буржуазного направлений проявлялось и в подходе к истории сибирских городов. Как и дворянские, либеральные исследователи касались проблем социально-экономической истории сибирских городов в основном попутно в работах общего характера. Они также опирались главным образом на источники официальной статистики без критики их. Одинакова у авторов этих двух направлений невысокая оценка уровня развития городской экономики края. По идейно-теоретическим взглядам, методологической основе исследования в либеральной историографии Сибири выделяются кадетов и областников¹². Первые, в основном профессора Томского университета, придерживались метода буржуазного экономизма, признавали роль материальных факторов в историческом процессе. Главный предмет их исследований составляли экономическое развитие Сибири, ее заселение в конце XIX — начале XX вв. Решающую роль в этом развитии они отводили обмену, вследствие чего преувеличивали торговый характер сибирских городов. Отмечая быстрый рост некоторых городов Западной Сибири на рубеже веков, М. Н. Соболев, М. И. Боголепов, П. И. Лященко¹³ связывали его

¹² См.: Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск, 1973, с. 166-252.

¹³ Боголепов М. И. Торговля в Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908, с. 169-200; Лященко П. И.

только с усиленной колонизацией, вызванной строительством Сибирской железной дороги, развитием торговли. Они отказывали Сибири в промышленном развитии. Обрабатывающая промышленность, писал П. И. Лященко, находится в зачаточном состоянии, поэтому промышленных центров здесь нет¹⁴. Гиперболизация значения торговли, игнорирование других факторов в развитии городов Западной Сибири последней трети XIX — начала XX вв., прежде всего формирования в них промышленности, превращения их в культурные и административные центры, опора на узкую источниковую базу привели названных авторов к искажению исторической действительности. Так, они писали об утрате Томском его экономического значения в начале XX в.

Авторы областнической ориентации П. М. Головачев, А. М. Мелких, Г. Н. Потанин отстаивали идею самобытности Сибири, ее истории и современности. Они преувеличивали аграрный характер края, преуменьшали его индустриальное развитие. Отрицая ведущую социально-экономическую роль городов, областники видели в них лишь некое следствие и условие аграрного развития Сибири. А. М. Мелких сетовал, например, что низкий удельный вес городского населения в крае является тормозом развития в нем сельского хозяйства¹⁵. В угоду своему представлению о Сибири как крае с однородным крестьянским населением, о бесперспективности сибирских городов областники допускали грубые фактические ошибки. Так, П. М. Головачев утверждал, что городское население Сибири в конце XIX в. росло медленнее сельского, а в качестве доказательства приводил данные только естественного движения¹⁶. В этом утверждении он сделал шаг назад не только по сравнению с исследователями буржуазного экономизма, но и некоторыми авторами официально-правительственного направления.

В объяснении причин исторического развития названные авторы уделяли большое внимание естественно-географиче-

Экономическое развитие Сибири до мировой войны. — Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, т. 38. Изд. 7. М., б/д, стлб. 468—490; Соболев М. Н. Экономическое значение Сибирской железной дороги. — Известия Томского университета, кн. 18. Томск, 1901; с. 1—34. Он же. Пути сообщения в Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние..., с. 24—36.

¹⁴ Лященко П. И. Экономическое развитие..., стлб. 482-483.

¹⁵ Мелких А. М. Из экономической жизни Западной Сибири. М., 1912, с. 6.

¹⁶ Головачев П. М. Сибирь, природа, люди, жизнь. М., 1902, с. 270.

ским условиям. Г. Н. Потанин писал, в частности: «Торговое положение Томска определилось его положением в такой точке меридиана, которая является наилучшим пунктом для провоза товаров из западной половины Сибири в восточную ибо всякое пересечение томского меридиана к югу от Томска встретит скалистые горы, всякое пересечение к северу от города — лесные трупшобы, зыбуны и болота. Поэтому торговое значение Томска в будущем незыблемо до известной степени»¹⁷.

Преуменьшая или искажая значение городов в Западной Сибири в пореформенный период, исследователи либерально-буржуазного толка были свидетелями и участниками городской жизни края и не могли не писать о ней. В рамках рассматриваемого течения вышло несколько работ, посвященных истории отдельных крупных городов или их групп¹⁸. В уже упоминавшейся статье «Города Сибири» Г. Н. Потанин дал остроумные, в ряде случаев верные характеристики почти всех более или менее значительных городов края. Автор подметил наиболее типичные и яркие черты быта горожан, их хозяйственной деятельности в конце XIX — начале XX вв. Омск у него — это «город Акакиев Акакиевичей», который с проведением железной дороги «из военного лагеря... стремится превратиться в купеческий пакгауз». «Тюмень» — самый заводской город Сибири... чистойшей воды Тит Титыч» и т. д. В этой статье Г. Н. Потанин предпринял попытку выделить типы городов по их функциональному значению: «буржуазные», т. е. торгово-промышленные, и «бюрократические», исполнявшие административные функции. В отличие от исследователей буржуазного экономизма, Г. Н. Потанин подчеркивал важную роль городов как культурных и просветительных центров края¹⁹.

В 1912 г. силами передовой интеллигенции Томска был издан сборник статей об этом городе, ставший единственным изданием подобного рода во всей дореволюционной Сибири. В сборнике освещались вопросы экономического, хозяйственного, культурного развития города главным обра-

¹⁷ Потанин Г. Н. Города Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние..., с. 249.

¹⁸ Васильев Н. С. Промышленные перспективы Томского района и г. Томска. — В кн.: Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. Томск, 1915, с. 50-63. Город Томск. Томск, 1912, 507 с; Потанин Г. Н. Города Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние..., с. 234-259; Экономическое значение города Томска. Томск, 1916, 16 с.

¹⁹ Потанин Г. Н. Города Сибири, с. 234-259.

зом в начале XX в. Ряд статей касался прошлого Томска. Неполнота тематики сборника, отсутствие в нем характеристики городского населения, его этнического и социального состава, «политической физиономии» отмечались уже в первой рецензии на него, в целом высоко его оценившей²⁰. Часть помещенных в сборнике статей о банках, торговле и промышленности, коммунальном хозяйстве представляла научный анализ фактического материала²¹. Другие статьи вошли в книгу в виде сводок фактов, третьи — носили острополюемический характер газетных выступлений. Источниковую основу сборника кроме официальных сведений составили личные наблюдения и впечатления авторов чем он и представляет большую ценность. Буржуазная ограниченность авторов сборника проявилась в полном игнорировании проблем рабочего населения города. История Томска традиционно подавалась как история города с однородным демократическим населением. Лишь в немногих статьях сборника присутствуют сопоставления Томска с другими городами страны.

Либерально-буржуазные исследователи в большей степени, чем авторы официально-правительственного направления, уделяли внимание социально-экономической истории Сибири конца XIX — начала XX вв., в том числе ее городов. Однако ошибочная методология исследований, слабость источниковой базы препятствовали выработке научной концепции истории городов края в указанный период. Необходимость специальной разработки этого сюжета истории Сибири только осознавалась отдельными представителями данного направления.

Взгляды мелкобуржуазных исследователей на историю городов Западной Сибири пореформенной эпохи²² в опреде-

²⁰ Сибирские вопросы, 1912, № 2, с. 84.

²¹ См.: Боголепов М. И. Банковский кредит в Томске. — В кн.: Город Томск. Томск, 1912, с. 50-60; Малиновский И. А. Прошлое Томска. — Там же, с. 1-18; Фрейдин И. Г., Гавровский И. П. Торговля и промышленность. — Там же, с. 19-49; Шипицын А. Н. Городское хозяйство. — Там же, с. 202-278.

²² Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа/Под ред. П. А. Голубева. Томск, 1890, 436 с.; Бантов Г. Б. Очерки Барнаула. Томск, 1906, 156 с.; Попов И. И. Общественное движение в Сибири.—Энциклопедический словарь Гранат т. 38, стлб. 517-561; Шелгунов Н. В. Сибирь по большой дороге. — Сочинения, т. 1. СПб., 1871, с. 183-298; Ядринцев Н. М. Сибирь — как колония в географическом, этнографическом и гражданском отношении. Изд. 2. СПб., 1892, 720 с.

ленной степени совпадали с мнениями авторов двух первых направлений. Это вытекало из общего немарксистского, ненаучного подхода к историческому процессу, стремления встать на надклассовую точку зрения на этот процесс. Недостаточная изученность проблемы заставляла исследователей заимствовать друг у друга материал. Так, автор официально-правительственного направления Н. Д. Путинцев поместил в своей книге целый раздел из работы мелкобуржуазного писателя П. А. Голубева. Идеи областничества роднили сочинения либеральных ученых П. М. Головачева и Г. Н. Потанина с исследованиями Н. М. Ядринцева, стоявшего на демократических позициях. Вместе с тем мелкобуржуазная историография капиталистических городов Западной Сибири имела свои собственные черты.

Мелкобуржуазные исследователи не видели в городе особое социально-экономическое явление, олицетворявшее прогресс. При этом, если Н. В. Шелгунов связывал экономическую неразвитость сибирских городов 1860-х гг. с общей отсталостью края²³, то другие авторы рассматривали города в качестве аномалии сибирской жизни. Так, Н. М. Ядринцев писал, что «промышленное, индивидуалистическое и своекорыстное направление господствует более всего в городских слоях и промышленных пунктах», в крестьянстве он видел «самый постоянный и прочный элемент гражданственности». Вообще существование сибирских городов Н. М. Ядринцев связывал с искусственной поддержкой их администрацией²⁴. В этом он смыкался с мнением о чужеродности городов в России, высказываемым в литературе первой половине XIX в.

Находясь в плену своих ложных методологических установок и мелкобуржуазных иллюзий о возможности некапиталистического пути развития мелкого производства, исследователи Н. В. Шелгунов, Н. М. Ядринцев, П. А. Голубев, Г. Б. Байтов отказывались от анализа экономических форм производства. Как и авторы рассмотренных ранее течений в историографии, они оперировали понятиями «кустарное», «фабрично-заводское» производство, не определяя их экономической сущности. Приводя в своих книгах многочисленные, убедительные факты подчинения сельских и городских мелких товаропроизводителей скупщикам и мануфактурис-

²³ Шелгунов Н. В. Сибирь по большой дороге, с. 265.

²⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь — как колония., с. 128, 145, 717.

там Томска, Тюмени, Барнаула, описывая производства с детальным разделением труда, они тем не менее продолжали отстаивать мнение о самостоятельности кустарей, об отсутствии влияния города в Сибири, в отличие от Европейской России, на развитие сельских промыслов, предлагали различные меры, рассчитанные на подъем кустарных промыслов, защиту их от капитала²⁵.

Мелкобуржуазной историографии, как и областной, было присуще представление о Сибири пореформенной эпохи как крае с однородным крестьянским населением, лишенном классовых противоречий. Наблюдавшееся различие во взглядах на этот вопрос отражало эволюцию направления. В 1860-е гг. революционный демократ, знакомый с марксизмом, Н. В. Шелгунов писал: «В Тюмени, как в промышленном городе, живут зародыши всего, что в английских фабричных городах развилось до таких страшных размеров»²⁶. Однако спустя более чем полвека, когда эти «зародыши» классового антагонизма вполне развились и в сибирских городах, И. И. Попов подчеркивал: «Городское общество в Сибири отличается своей демократичностью и все классы живут сплоченно»²⁷. А Д. А. Клеменц в специальной статье «Население Сибири» вообще не упомянул о жителях городов²⁸. Но именно мелкобуржуазные авторы первыми в дореволюционной сибирской литературе выступили с изображением тяжелых условий труда городских рабочих, высказали свое сочувствие им²⁹.

Не признавая экономического значения городов Западной Сибири, большинство мелкобуржуазных исследователей видело их исключительно административными и культурно-просветительными центрами. В работах Н. М. Ядринцева, П. А. Голубева подробно разработаны эти сюжеты на материалах Томска, алтайских городов 1880—90-х гг.³⁰. Специ-

²⁵ Алтай, с. 87-109; Баитов Г. Б. Очерки Барнаула, с. 80-85; Шелгунов Н. В. Сибирь по большой дороге, с. 224-228; Ядринцев Н. М. Сибирь — как колония..., с. 444-468.

²⁶ Шелгунов Н. В. Сибирь по большой дороге, с. 228.

²⁷ Попов И. И. Общественное движение в Сибири, стлб. 525.

²⁸ Клеменц Д. А. Население Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние..., с. 53.

²⁹ См.: Берви-Флеровский В. В. Положение рабочего класса в России. Избранные экономические произведения. М., 1958, т. 1, с. 97-99; Баитов Г. Б. Очерки Барнаула, с. 80-85; Шелгунов Н. В. Сибирь по большой дороге, с. 224-231.

³⁰ Алтай, с. 236-326; Ядринцев Н. М. Сибирь — как колония..., с. 630-696.

альный труд, посвященный 25-летию введения городского самоуправления в Барнауле, издал Г. Б. Баитов. Весь материал о социально-экономическом развитии города автор рассматривал сквозь призму деятельности городской думы³¹.

В мелкобуржуазной историографии осуществлялся более строгий подход к официальным источникам. Критикуя их, исследователи часто строили свои работы на собственных материалах и наблюдениях. Они оставили ценные фактические данные, не утратившие своего значения и в наши дни.

Научная концепция капиталистического города на материалах Англии и других экономических центров Западной Европы зародилась в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса в середине XIX в.³² В. И. Ленин продолжал ее разработку на материалах пореформенной России. В своем основополагающем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал высокие темпы роста городского населения Европейской России, связав их с формированием капиталистической промышленности, переселением пролетаризовавшегося крестьянства в города. В. И. Ленин не раз подчеркивал закономерный и глубоко прогрессивный характер роста городов в стране³³.

Марксистский анализ хозяйственного развития Сибири в конце XIX в. впервые был применен Л. Б. Красиным³⁴. Полемизируя с народником И. И. Поповым, он высказал ряд положений о проникновении капиталистических отношений в городское ремесло, фабрично-заводскую промышленность, строительство, о подчинении сельского кустаря городским торговцам Тюмени, Томска, Иркутска. Размеры газетной статьи, отсутствие в распоряжении автора достаточных статистических данных обусловили тезисный характер работы Л. Б. Красина. Но его вывод о том, что «товарное производство и капитализм торжествуют в Сибири по всей линии, и в ближайшем будущем нет никаких реальных

³¹ Баитов Г. Б. Очерки Барнаула, с. 47-85.

³² Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд., т. 46, ч. 1, с. 461-508; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, с. 419-459; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 7-544; Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Соч., т. 2, с. 235-517; Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Соч., т. 4, с. 322-339.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 223-224; т. 3, с. 558-566; т. 4, с. 144-145.

³⁴ Красин Л. Б. Судьбы капитализма в Сибири. — Восточное обозрение, 1896, 13, 16, 18 окт.

сил, которые могли бы задержать это торжество»³⁵, имел большое методологическое значение для дальнейших исследований Сибири и ее городов.

Частный вопрос темы — развитие промышленности и положение рабочих Томска на рубеже веков — осветил с марксистских позиций В. Е. Воложанин³⁶. В серии газетных статей под псевдонимом «Volana» автор показал количественный рост томской промышленности, качественные сдвиги: начало использования паровых машин. Как следствие складывания капиталистической промышленности он рассматривал рост численности рабочих, вовлечение в производство детей. Подробно характеризуя тяжелые условия труда рабочих, их бесправие против хозяйского произвола, В. Е. Воложанин указывал на главную причину этого — капиталистическую эксплуатацию. В отличие от мелкобуржуазных авторов, также писавших о рабочих, В. Е. Воложанин вывел городского пролетария, который вызывал не сочувствие и жалость, а уважение читателей. Автор не умалчивал и об отрицательном в облике томских рабочих, об их пьянстве, но, как и Ф. Энгельс, связывал это прежде всего с нечеловеческими условиями их жизни.

Таким образом, тема социально-экономического развития городов Западной Сибири в эпоху капитализма не привлекала специального научного внимания дореволюционных исследователей. Причины этого в определенной степени крылись в объективных условиях развития сибирской историографии дооктябрьского периода: в малочисленности профессиональных историков, в отсутствии научно-организационных исторических центров в крае. Эти недостатки восполнялись путем привлечения к историческим исследованиям специалистов смежных областей, любителей. Ненаучность методологии и слабость профессиональной подготовки большинства авторов во многом обусловили исследовательскую индифферентность к проблемам капиталистических городов. В этом отношении показательно, что В. И. Семевский, один из немногих профессиональных историков, изучавших Сибирь, обосновывал необходимость моногра-

³⁵ Восточное обозрение, 1896, 18 окт.

³⁶ Положение труда в промышленных заведениях Томска. — Восточное обозрение, 1900, 9 марта; Несколько слов о женской воскресной школе. — Там же, 6 апр.; Печатня Яковлева. Там же, 18 апр.; Положение детского труда в местных промышленных заведениях. Там же, 22 июля и др.

фического исследования большого круга вопросов социально-экономической истории Сибири, в том числе ее городов³⁷.

Интересующая нас тема освещалась лишь попутно либо в работах, касавшихся всего края, либо в краеведческих изданиях по истории отдельных городов. При этом внимание исследователей сосредоточивалось чаще на городах, имевших административное значение — на Томске, Тобольске, Барнауле. Наиболее изученными в дореволюционной историографии западносибирских городов периода капитализма оказались вопросы общественно-культурной жизни, образования. Слабее исследована городская экономика. Практически вне поля зрения немарксистских авторов осталось формирование городского населения, его социальный состав, классовое движение. Марксистские исследователи по объективным обстоятельствам сделали лишь первые подступы к истории капиталистических городов края.

Невнимание дореволюционных авторов к проблемам истории городов периода капитализма, характерное для Сибири, а также и всей страны, свидетельствовало о недостаточно высоком уровне историографии, сравнительной узости ее проблематики, слабости фактологической базы. Малая степень изученности капиталистических городов Западной Сибири в дооктябрьскую эпоху в определенной мере повлияла и на исследование их в советской историографии.

³⁷ См.: Шейпфельд М. Б. Историография Сибири..., с. 359.

Т. Н. СОБОЛЕВА

**УПРАВЛЕНИЕ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИМ
(АЛТАЙСКИМ) ГОРНЫМ ОКРУГОМ В XIX —
НАЧАЛЕ XX ВВ.
(К историографии вопроса)**

Бюрократический аппарат играл исключительно важную роль в царской России, существенно определяя течение ее хозяйственной, общественной и культурной жизни. Управление территориями отличалось большим разнообразием в силу особенностей исторического развития. Уникальное явление в этом плане представляет система управления Алтайским горным округом Кабинета, направленная на эксплуатацию сотен тысяч крестьян и рабочих этого богатого природными ресурсами района дореволюционной Сибири. Специально эта тема историками не изучалась, однако она не могла не затрагиваться при анализе других сюжетов социально-экономической и политической истории Сибири и Алтая.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы определить уровень изученности в русской и советской историографии вопросов управления Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным округом в XIX — начале XX вв.

В домарксистской литературе эта тема нашла отражение в работах горных инженеров, чиновников, ссыльных народников и в трудах профессиональных историков различных направлений.

Официальная дворянская историография в основном представлена юбилейными ведомственными изданиями¹.

¹ Азиатская Россия: Издание переселенческого управления, главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914, т. 1. — 576 с.; 200-летие Кабинета Его Императорского Величества, 1704-1904: Историческое исследование. СПб., 1911. — 526 с. с прил.; Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700-1900 гг. СПб., 1900. — 204 с.; Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества. СПб., 1896. — 78 с.; Министерство Финансов 1802-1902. — СПб., 1902, т. 1. — 639 с.

Написанные, как правило, кабинетскими чиновниками, они, по верному замечанию Н. П. Ерошкина, освещали деятельность государственных органов с идеалистических позиций, ставя ее в зависимость от личных качеств сановников, личного внимания к этим органам самодержавия, и имели ярко выраженный тенденциозный характер². Официальные издания базировались на законодательных источниках и отражали правительственный взгляд на аппарат управления, основные задачи, его назначение, принципы деятельности в разные исторические периоды. Хронологический реестр преобразований центрального и местного управления горным округом XIX — начала XX вв., сопровождающийся, в лучшем случае, официозными комментариями автора, составляет содержание такой литературы.

Подобным же образом излагали вопросы управления округом горные инженеры, которые в своих пространственных технических обзорах нередко приводили фактический материал по истории управления³.

Иной характер освещения общих проблем организации управленческого аппарата горным округом и его функционирования в дореформенный период свойствен секретарю земельной части Алтайского управления И. И. Тыжнову⁴. Уже названием статьи автор дал оценку господствовавшим в первой половине XIX в. на Алтае порядкам, как крепостническим. Используя материалы архива Горного управления, И. И. Тыжнов впервые проанализировал положение и роль в управлении низшего звена местной администрации, формировавшегося из мастеровых. Увлечение разбором правовых норм и терминологии горных уставов, вполне естественное для последователя государственной школы, хотя и преобладает в тексте статьи, однако дается в сочетании с ценными фактами, подбор которых свидетельствовал о сочувствии автора к угнетенным сословиям.

Одним из популярных сюжетов дореволюционной литературы по проблеме сибирского управления были админи-

² Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: Первая половина XIX века. М.: Мысль, 1981, с. 9.

³ См.: Кулибин. Описание Кольвановоскресенских заводов по 1833 год.— Горный журнал, 1836, ч. 1, кн. 3, с. 568-599; ч. 2, кн. 4, с. 144-164.

⁴ См.: Тыжнов И. И. Из истории горнозаводского населения на Алтае: Материалы для истории крепостного права в Сибири.— Алтайский сборник, 1907. № 6, ч. 2, с. 1-158.

стративные реформы Сибири М. М. Сперанского⁵. Обращение к архивным материалам I Сибирского комитета за 1821—1828 гг. не могло не привлечь внимание историков к проекту М. М. Сперанского о преобразовании управления колывано-воскресенскими приписными крестьянами, вызвавшему продолжительную дискуссию среди членов комитета. Если дворянская историография ограничилась простой констатацией факта наличия в Сибирском комитете противоречивых мнений о предложениях М. М. Сперанского по Колывано-Воскресенскому округу и кратким их изложением⁶, то историк буржуазно-либерального направления В. И. Вагин предпринял попытку дать оценку позиции М. М. Сперанского по этому вопросу и ее воплощению в законодательстве⁷. Расматривая указ 22 июля 1822 г. и учреждение 16 апреля 1828 г., как эффективное средство ограничения произвола горных властей, он явно преувеличил значение административной реформы 1822 г. для приписного населения округа. В то же время В. И. Вагин признал, что многолетний опыт действия законодательства М. М. Сперанского доказал его бессилие в условиях господства на Алтае крепостнических порядков.

Более объективную оценку реформа 1822 г. применительно к Колывано-Воскресенскому округу получила в трудах ссыльных народников П. А. Голубева и Н. М. Зобнина. П. А. Голубев вполне справедливо считал, что с изданием Сибирского учреждения 1822 г. власть местной горной администрации не только не была ослаблена, а напротив,

⁵ См.: Бычков И. А. М. М. Сперанский генерал-губернатор в Сибири и его возвращение в Петербург: Дополнительные материалы и заметки к «Жизни гр. Сперанского» М. А. Корфа. Б. м. и б. г. — 56 с.; Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872, т. 1.—801 с.; т. 2.—752 с., Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. т. 2, ч. 4, гл. 2, с. 164-260; Прутенко С. М. Сибирские окраины: Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: Историко-юридические очерки. СПб., 1899, т. 1. — 405 с.; Шашков С. С. Сибирское общество в начале XIX в. — Дело, 1979, № 1, с. 65-106; № 2, с. 65-91; Шапов А. П. Сибирское общество до Сперанского (По поводу книги г. Вагина: Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год: Два тома. СПб., 1872). — Собр. соч. СПб., 1907, т. 3, с. 613-717, Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформа в Сибири. — Вестник Европы, 1976, № 5, с. 93-116; № 6, с. 461-502.

⁶ См.: Бычков И. А. Указ. соч., с. 46-47.

⁷ См.: Вагин В. И. Указ. соч., с. 339-349.

усилена совмещением в лице одного горного офицера должностей начальника Колывано-Воскресенского завода и Томского гражданского губернатора⁸. Тем самым он более четко сформулировал вывод о противоречии реальных результатов преобразования замыслам М. М. Сперанского.

Демократические убеждения Н. М. Зобнина позволили ему критически оценить сложившуюся после 1822 г. систему управления приписной деревней, увидеть в ней сохранение старых методов принуждения в сочетании с незначительными формальными изменениями в порядке управления крестьянами⁹.

Статьи Н. М. Зобнина об алтайских мастеровых и приписных крестьянах создают наиболее полное из всей дореволюционной литературы представление о сословном управлении этими категориями населения¹⁰. Их ценность состоит в широком использовании архивных источников и ярко выраженной критической направленности изложения. Не владея методом научного анализа исторического материала, Н. М. Зобнин тем не менее сумел высказать интересные суждения о «военно-крепостном строе» Алтая первой половины XIX в., о своеобразии аппарата управления приписными крестьянами, в котором сочетались как элементы управления государственной, так и удельной деревней.

До сих пор не утратил ценности фактический материал по истории кабинетских золотых промыслов, приведенный в трудах В. И. Семевского. Его произведения, где содержались сведения об управлении мастеровыми кабинетских золотых промыслов, удачно дополнили статью Н. М. Зобнина показом методов внеэкономического принуждения, практиковавшихся приисковой администрацией во второй трети XIX в.¹¹

В. И. Семевский показал также оформление и развитие системы управления частными золотыми промыслами За-

⁸ Голубев П. Ликвидация горного дела на Алтае. — Русское богатство, 1892, № 11, с. 40.

⁹ См.: Зобнин Н. Приписные крестьяне на Алтае. — Алтайский сборник, 1894, с. 1-53.

¹⁰ Там же; Он же. Мастеровые Алтайских горных заводов до освобождения. — Сибирский сборник, 1892, кн. 2, с. 1-48.

¹¹ См.: Семевский В. И. Очерки из истории быта рабочих на сибирских золотых промыслах. — Русское богатство, 1892, № 12, с. 47-90; Он же. Из истории обязательного горного труда в Сибири: Мастеровые на кабинетских золотых промыслах в 1830-1861 гг. Иркутск, 1897. — 32 с.; Он же. Рабочие на сибирских золотых промыслах: Историческое исследование. СПб., 1898, т. 1, 577 с. с прил.

падной Сибири, ее место в аппарате управления Алтайским горным округом¹².

Деятельность алтайской администрации, присущие ей взяточничество, вымогательство и произвол не раз были предметом обсуждения на страницах дореволюционных либеральных и демократических изданий¹³. В домарксистской литературе уже существовал значительный фактический материал по истории горнозаводских учреждений Алтая первой половины XIX в.

Управление населением Алтая в пореформенный период не привлекло внимание дореволюционных историков, если не считать отдельных сведений по крестьянскому общинному самоуправлению, содержащихся в работах либерального народника С. Л. Чудновского¹⁴, критики М. Н. Соболевым с буржуазно-либеральных позиций института крестьянских начальников, введенного на Алтае, как и во всей Сибири, в 90-е гг. XIX в.¹⁵

Подлинно научное освещение вопросы государственных учреждений, административной практики и функционирования аппарата управления дореволюционной России получили только в советской историографии на основе марксистско-ленинской методологии. История управления Сибирью, в том числе и Алтаем в XIX — начале XX вв., долгое время занимала скромное место, выступая составной частью социально-экономических исследований.

В 20-х — первой половине 50-х гг. были предприняты первые шаги по изучению истории алтайской промышленности, освещению ее с марксистско-ленинских позиций. Как в общих работах, так и более частных материалах, специально посвященных истории кабинетских предприятий, вопросы управления остались вне поля зрения авторов, кроме отрывочных сведений об отдельных звеньях аппарата управления мастеровыми и приписными крестьянами, по-

¹² Там же.

¹³ См.: Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки. — Лейпциг, 1882. — 93 с.; Потанин Г. Н. Города Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние и нужды /Под ред. С. Мельника. СПб., 1908, с. 234-259; Сибирь и русское правительство: Несколько объяснительных заметок и документов из прошедшего времени, изд. 2-е, Лейпциг, 1887. — 88 с. и др.

¹⁴ См.: Чудновский С. Л. Алтайская поземельная община. — Северный вестник, 1888, № 10, Отд. II, с. 88-114, 174-189.

¹⁵ См.: Соболев М. Н. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири. — Сибирские вопросы, 1905, № 1, с. 86-99.

черпнутых, как правило, из дореволюционной литературы¹⁶. В них нашла отражение сложившаяся в буржуазной историографии оценка дореформенных порядков на Алтае как «военно-феодалных».

40-е и первая половина 50-х годов отмечены возрождением интереса сибирских ученых к административным реформам Сибири М. М. Сперанского. Продолжается накопление фактического материала по этой теме, преимущественно по реализации «Устава об управлении инородцев Сибири»¹⁷, но, что особенно важно, намечается переход к методологическому обоснованию характера проведенных преобразований и причин, вызвавших ревизию и реформы управления Сибири 20-х гг. XIX в. Л. И. Светличная довольно убедительно раскрыла фискальную заинтересованность правительства Сибири и буржуазную направленность законодательства М. М. Сперанского, хотя автор, на наш взгляд, явно преувеличил уровень развития капиталистических отношений в сибирском крае¹⁸.

Ощутимыми результатами в изучении интересующей нас темы отмечен современный этап развития советской историографии (середина 50 — начало 80-х гг.). Прежде всего на разработке вопросов управления Сибирью благотворно сказалась подготовка фундаментального пятитомного издания «Истории Сибири».

¹⁶ См.: Агапова Т. И. Кризис крепостной горной промышленности Сибири (конец XVIII — первая половина XIX вв): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. — 19 с.; Гессен Ю. История горнорабочих СССР. — М.: Изд. ЦК Союза горнорабочих СССР, 1926, т. 1, гл. IV, у. II, с. 210—225; Королев В. Я. Горные заводы царского кабинета Западной Сибири. — Учен. зап./Новосиб. гос. пед. ин-т, 1947, вып. 4, с. 19-50; Макеев Т. М. К истории развития промышленности на Алтае (1727—1917 гг.). Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1951. — 80 с.; Рогозин Н. Е. Экономическое развитие Западной Сибири и образование вотчины «кабинета». — Учен. зап./Новосиб. гос. пед. ин-т, 1946, вып. 3, с. 3-40 и др.

¹⁷ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х гг. XIX в.; Очерки народа. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 240 с.; Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири. — Учен. зап./Ленингр. ин-т им. А. А. Жданова: Факультет народов Севера, 1950, № 115, вып. I, с. 101-116; Светличная Л. И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.). — Учен. зап./Тюмен. гос. пед. ин-т, вып. 1, с. 53-77.

¹⁸ См.: Светличная Л. И. Преобразовательные планы и административная деятельность М. М. Сперанского в Сибири (1819-1822 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. — 15 с.; Она же. К вопросу об экономическом развитии Сибири в первой четверти XIX века. — Учен. зап./Тюмен. гос. пед. ин-т: 1958, т. 5, вып. 2, с. 137-155.

Создание обобщающего труда стимулировало интерес ученых к узловым политическим событиям Сибири XIX в., среди которых административным реформам Сибири 1822 г. был посвящен ряд статей¹⁹. Новый этап в изучении темы позволил выявить участие декабриста Г. С. Батенькова в разработке проектов сибирского учреждения и уставов 1822 г.²⁰, развить и усилить новым фактическим материалом тезис Л. И. Светличной о буржуазном характере реформ первой четверти XIX в.²¹

Не останавливаясь на историографии этого сюжета, получившего детальное освещение в статье Л. М. Дамешека и А. С. Кузнецова, отметим лишь, что возражение вызывает утверждение авторов о более верном подходе, сложившемся в литературе 60—70-х гг. в отношении оценки предпосылок реформ 1822 г.²² До сих пор вывод В. Г. Карцова о ревизии Сибири 1819—20 гг. как следствии обострения классовой борьбы по всей стране в целом и в Сибири в частности не получил сколько-нибудь серьезной аргументации²³, хотя и взят на вооружение современными исследователями.

Позитивные результаты разработки истории административных реформ Сибири первой четверти XIX в. позволили Т. И. Агаповой поставить вопрос об их значении для экономического и политического развития дореформенного

¹⁹ См.: Дамешек Л. М. Царизм и народы Восточной Сибири в конце XVIII — первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1974. — 20 с.; Он же. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского и Г. С. Батенькова. — В кн.: Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания: Отв. ред. Ф. А. Кудрявцев, С. Ф. Коваль. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1975, с. 21-45 и др.; Карцов В. Г. С. Организация управления народов Сибири и декабристы. — Учен. зап./Калинин. гос. пед. ин-т, 1962, т. 26, с. 118-134; Он же. Декабрист Г. С. Батеньков. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1965. — 239 с. и др.; Корнилов А. И. Сперанский в Сибири. — Сибирские огни, 1974, № 4, с. 147-153; Парусов А. И. Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819-1822 гг. — Учен. зап./Горьковск. гос. ун-т: Серия историко-филологическая, 1964, вып. 42, т. 1, с. 41-92; Рабцевич В. В. Развитие местного управления Западной Сибири в 80-х годах XVIII — первых десятилетиях XIX веков. — В кн.: Из истории Западной Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ин-т, 1970, вып. 45, с. 50-72 и др.

²⁰ См.: Карцов В. Г. С. Декабрист Г. С. Батеньков; Дамешек Л. М. «Устав об управлении инородцев»...

²¹ Там же, Дамешек Л. М. Царизм и народы Восточной Сибири...

²² См.: Дамешек Л. М., Кузнецов А. С. Сибирская реформа 1822 года. — В кн.: Очерки истории Сибири. Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1973, вып. 3, с. 116-145.

²³ Карцов В. Г. С. Организация управления народов Сибири..., с. 121.

Алтая²⁴. Она также обратила внимание на проект М. М. Сперанского о замене обязательных заводских работ приписных крестьян денежным оброком и горное законодательство 1828 г. Архивные материалы заседаний первого Сибирского комитета за 1821—1828 гг. послужили основой для вывода исследователя о буржуазной направленности первоначальных планов М. М. Сперанского по горному округу и одновременно их ограниченности, ведущей к замене одной формы феодальной эксплуатации другой. Перестройка в системе горнозаводского управления и сословного управления купцами, мещанами и крестьянами — главный результат проведенных административных преобразований — лишь частично была затронута в статье. Видимо, этим обстоятельством объясняется вывод автора, что реформа 1822 г. и «Учреждение об управлении Кольвано-Воскресенских горных заводов» не дали ничего нового в практике управления округом²⁵, с чем вряд ли можно согласиться.

Наметившийся в 60-х гг. повышенный интерес историков к изучению кабинетской промышленности XVIII — первой половины XIX в. привел к дальнейшему накоплению фактов по управлению Кольвано-Воскресенским округом в дореформенный период. Одновременно усилилось внимание ученых к таким вопросам как владельческая принадлежность горных сибирских округов и статус приписного крестьянства.

Заметным явлением в изучении социально-экономической истории Алтая XVIII — первой половины XIX вв. стала монография З. Г. Карпенко²⁶. В ней получил развитие традиционный взгляд исследователей на Алтай как вотчинное владение царской фамилии²⁷ и крепостной характер зависимости мастеровых и приписных крестьян. Основное назна-

²⁴ См.: Агапова Т. И. Кабинетское хозяйство Сибири в конце XVIII — начале XIX вв. — Учен. зап./Комсомольский-на-Амуре гос. пед. ин-т, 1962, т. 2, с. 84-120.

²⁵ Там же, с. 118.

²⁶ Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860 годах. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1963. — 214 с.

²⁷ Там же, с. 60-61, 141. В более поздних статьях право собственности на горные сибирские округа З. Г. Карпенко признала за царствующим монархом. См.: Карпенко З. Г. Горняки и металлурги Сибири при феодализме. — В кн.: Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири: Сборник научных трудов. Новосибирск; Изд-во АН СССР. Сиб. отд-е, 1978, с. 3-19 и др.

чение «военно-феодалного строя» на предприятиях Кабинета З. Г. Карпенко видела в обеспечении «беспрепятственного получения царской фамилией феодальной ренты с мастеровых и приписных крестьян»²⁸. Поэтому, затрагивая вопросы управления, автор сосредоточила внимание на тех звеньях аппарата управления, где рельефнее проявились черты насилия и принуждения. Наиболее полно она охарактеризовала сословное управление мастеровыми и приписными крестьянами в период выполнения ими заводских повинностей.

Аналогичного взгляда на владельческую принадлежность кабинетских горных округов и назначение аппарата горнозаводского управления в 60-х гг. придерживались большинство исследователей истории Алтая. Не случайно эта точка зрения нашла отражение на страницах второго тома «Истории Сибири»²⁹ и подтвердилась новым фактическим материалом в работах С. С. Лукичева и Н. А. Алексеенко³⁰.

Окончательное оформление данной концепции относится к 70-м годам. В монографии А. П. Бородавкина она получила развитие и обстоятельную аргументацию³¹. Выводы исследователя о превращении Алтая во второй трети XIX в. в майоратное владение императора и крепостническом характере господствовавших здесь в феодальный период производственных отношений основаны на преимущественном изучении специфики горного округа. Автор показал одну из ведущих функций системы горнозаводского управления накануне реформы 1861 г. — принуждение зависимого населения к выполнению заводской повинности. Им впервые

²⁸ Там же, с. 161.

²⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1968, т. 2, с. 216, 231-232.

³⁰ См.: Алексеенко Н. В. Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII—XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961.—13 с.; Он же. Русские и казахи верхнего Прииртышья в XVIII—начале XX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1967.—35 с.; Лукичев С. С. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1961 г. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963, с. 379-389; Он же. Заводская барщина приписных крестьян Кольвапо-Воскресенского горного округа в предреформенный период XIX в. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1969, вып. 4, с. 97-133 и др.

³¹ См.: Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. — 283 с.

обстоятельно рассмотрена перестройка местной системы управления в результате освобождения мастеровых и приписных крестьян; раскрыта деятельность мировых учреждений по осуществлению реформы 1861 г., существенно дополнившая опубликованный ранее в совместной статье с А. Т. Топчием, материал об учреждении на Алтае института мировых посредников³². Выводы А. П. Бородавкина, их аргументация, хотя и вызвали самые противоречивые оценки проделанной работы³³, сыграли свою положительную роль, способствуя расширению и углублению дискуссии о характере феодальных отношений в дореформенном Алтае.

В литературе последних лет точка зрения на земли Алтайского и Нерчинского округов, как частную собственность царя, представляющую тип помещичьего землевладения, продолжает находить последователей³⁴. Полную солидарность с позицией А. П. Бородавкина проявил А. Т. Топчий³⁵. Его монография интересна тем, что в ней анализируются разнообразные аспекты политики царизма в сибирском регионе середины и второй половины XIX в. применительно к различным категориям сельского населения, показаны взаимоотношения гражданских властей и Кабинета, свойственные им трения и противоречия. Рассмотрение аграрной, налоговой и некоторых других направлений политики казны и Кабинета в Сибири второй половины XIX в. на базе широкого архивного материала помогает глубже осмыслить задачи, функции и конкретные формы деятельности центральной и местной системы управления всем сибирским регионом и Алтаем в том числе.

³² См.: Горюшкин Л. М. Историография Сибири (период капитализма): Учебное пособие/Отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1979, с. 38; Жидков Г. П. Алтайские крестьяне и реформа 1861 года. (Историографические заметки). — В кн.: Из истории аграрных отношений: Межвузовский сборник. Калининград: Калининград. ун-т, 1976, с. 3-35; Топчий А. Т. Крестьянская реформа в Сибири (1861—1899 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-т, 1979., с. 4, 22 и др.

³⁴ См.: Карпенко З. Г. Горняки и металлурги Сибири., с. 11-12; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Наука, 1983, ч. 1, гл. 1, с. 17-21; Топчий А. Т. Указ. соч., 21-24.

³⁵ Там же.

Теме проведения в Сибири буржуазных реформ посвящены кандидатская диссертация и статьи П. Г. Корягина³⁶. Он осветил осуществление городской и судебной реформ на землях Западной Сибири, в частности, на территории Алтайского горного округа. Заслугой автора является освещение специфических особенностей применения буржуазного законодательства к сибирскому региону. Материал по Алтаю представлял в диссертации совокупность с сибирским, так как население Алтайского горного округа во второй половине XIX в. находилось в ведении гражданских органов Томской губернии.

Иной подход к определению владельческой принадлежности сибирских горных округов наметился в начале 60-х годов. Выявление элементов сходства между государственным и кабинетским землевладением, между государственной и приписной деревней привели М. М. Громыко к выводу о том, что кабинетская собственность являлась разновидностью государственной аналогично тому, как приписной крестьянин по своему положению приближался к крестьянину казенной деревни³⁷. Отсутствие единства среди историков по методологическим проблемам, только что складывающаяся аргументация новой концепции привели к тому, что в «Истории Сибири» алтайские заводы и земли горного округа были признаны царской собственностью, в то время как приписные крестьяне, проживающие в вотчинном владении императора, причислялись к особой разновидности казенных крестьян³⁸.

Своеобразную попытку выйти из создавшегося противоречия в оценке природы кабинетских предприятий и алтайского приписного крестьянства предпринял Г. П. Жидков. Он предложил «преодолеть альтернативную постановку воп-

³⁶ Корягин Б. Г. Политика царизма в Сибири во второй половине XIX в. — В кн.: Сборник научных работ исторических кафедр/Отв. ред. А. А. Говорков. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1963, т. 171, с. 102-119; Он же. Проведение буржуазных реформ в 60-70-х гг. XIX в. в Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1965. — 25 с. и др.

³⁷ См.: Громыко М. М. К вопросу о социальной сущности заводов Западной Сибири в XVIII в. — В кн.: Вопросы истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март, 1960. Новосибирск: Изд-во АН СССР. Сиб. отд-е, 1961, с. 85-96; Она же. Русское население и земледельческое освоение Западной Сибири в 30-80-х гг. XVIII века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1965, с. 44 и др.

³⁸ См.: История Сибири., т. 2, с. 216, 231-232, 241-245.

роса и признать сложный, смешанный юридический статус кабинетского округа, занимавшего промежуточное положение между императорским доменом и государственным хозяйством»³⁹. Тем самым он теоретически обосновал тезис, который уже был выдвинут М. Е. Сорокиным и Т. И. Агаповой о переплетении в кабинетском хозяйстве государственных и частновладельческих начал⁴⁰. Предложенное Г. П. Жидковым решение методологической проблемы было положительно воспринято рядом исследователей⁴¹. Несмотря на некоторые отличия, его позиция по сути близка изложенной выше концепции М. М. Громыко, поскольку коронная собственность, к которой автор отнес кабинетские земли, рассматривается как часть государственного феодализма⁴².

В монографии Г. П. Жидкова собран довольно богатый фактический материал по вопросам организации управления Алтайским горным округом с момента возникновения его до ликвидации кабинетского землевладения в 1917 г. Широкий хронологический охват дал возможность исследователю проследить важнейшие изменения в управлении округом за длительный период времени, впервые в самых общих чертах охарактеризовать перестройку его в 1883, 1896 гг., начале XX в., связанные с созданием и совершенствованием аппарата управления аренднолесным хозяйством.

³⁹ Жидков Г. П. Кабинетские землевладения и алтайское крестьянство в новейшей исторической литературе.—В кн.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1971, с. 168.

⁴⁰ См.: Агапова Т. И. Кабинетское хозяйство 1747—1860 гг. (опыт социально-экономического исследования): Автореф. дис... докт. ист. наук. Л., 1967, с. 24, 31; Сорокин М. Е. О владельческой принадлежности горных предприятий Западной Сибири в феодальную эпоху.—В кн.: Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966, с. 124-131.

⁴¹ См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) /Отв. ред. чл. кор. АН СССР И. Д. Ковальченко. Новосибирск. Наука. Сиб. отд-е, 1976, с. 27-28, Новиков И. Н. Земельные отношения в Сибири в дореформенный период (60-90-е годы XIX в.).—В кн.: Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т 1978, с. 51; Романов В. В. Кабинетское хозяйство на Алтае и буржуазия в дореформенный период.—В кн.: Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата: Казах. гос. пед. ин-т, 1978, с. 17 и др.

⁴² См.: Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.) /Отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1973, с. 10-14, 52-60.

Естественно, что интерес Г. П. Жидкова к социально-экономическим вопросам не позволил ему полно осветить проблему управления. Сведения автора в этой области конспективны, не создают общего представления о динамике развития центрального и местного аппарата управления в XIX — начале XX вв. округом.

Подготовка многотомной коллективной монографии по истории сибирского крестьянства стимулировала разработку проблемы управления крестьянами. Кандидатская диссертация В. Н. Никулина специально была посвящена анализу политики царизма в Сибири по крестьянскому вопросу в 1861—1905 гг. и сословному управлению этой категорией населения⁴³. Автор провел интересное конкретно-историческое исследование с использованием законодательных источников и архивных материалов, в основном делопроизводственного характера, с помощью которых была восстановлена структура высших, центральных и местных органов крестьянского управления, намечены основные направления их деятельности. Алтайская деревня рассматривалась В. Н. Никулиным вместе с государственной, поскольку он поддержал позицию Г. П. Жидкова на владельческую принадлежность Алтая. Особый интерес представляет материал о деятельности алтайских чиновников по крестьянским делам и крестьянских начальников, отличающихся новизной.

Выделение в 70-х гг. проблемы управления Западной Сибирью в самостоятельную тему научного исследования связано с именем В. В. Рабцевич⁴⁴. Ее кандидатская диссертация и статьи раскрывают разнообразные аспекты темы управления Западной Сибирью в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. В. В. Рабцевич не затрагивает конкретно управление населением Алтая, отмечая лишь присущую этой территории специфику, но ее работы позволяют выделить общее и особенное в управлении Алтайским округом по сравнению с Сибирью в целом.

⁴³ Никулин В. Н. Управление крестьянами Сибири в 1861—1905 годах: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. — 15 с.

⁴⁴ См.: Рабцевич В. В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII — первых десятилетиях XIX столетия. — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода/Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1973, с. 234-244; Она же. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII — первой половины XIX в. — В кн.: Сибирские города XIX — начала XX вв. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1981, с. 155-173 и др.

Содержание двух первых томов «Истории крестьянства Сибири» и первого тома «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период», выпущенных издательством «Наука» в начале 80-х гг., показатель современных достижений советских историков в исследовании интересующих нас проблем. До сих пор не преодолены разногласия между учеными в оценке приписного крестьянства и собственности на сибирские кабинетские округа⁴⁵. В то же время несомненна тенденция к признанию большинством исследователей «кабинетской собственности как разновидности государственной» и господства в приписной деревне первой половины XIX в. «отношений государственного феодализма, хотя и более тяжелых для крестьянина, но не превращавших его в крепостного»⁴⁶. В соответствии с тематикой коллективных монографий в них получили освещение вопросы сословного управления мастерами в дореформенный период и алтайскими крестьянами в XIX — начале XX вв. Значительные успехи, достигнутые в разработке темы, не снимают необходимости дальнейшего изучения ряда важных аспектов: реализации реформ 1822 г. на землях Колывано-Воскресенского горного округа; позиции Кабинета и Министерства финансов в вопросе организации управления алтайской приписной деревней; взаимоотношения горной и сибирской гражданской администрацией в XIX — начале XX вв.; состояния крестьянского управления в 1905—1917 гг.; деятельность органов сословного управления мастерами и крепостными крестьянами на протяжении всего рассматриваемого периода.

Необходимость и целесообразность изучения управления Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным округом XIX — начале XX вв. не вызывают сомнения. Даже наиболее разработанные аспекты темы нуждаются в конкретизации и углубленном анализе. Наличие дискуссионных проблем еще одно свидетельство того, что история управления Алтаем в исследовательском плане далеко не исчерпана. Целесообразно проследить эволюцию системы управления горным округом за длительный исторический период, выявить общее и особенное в организации управления, его функционировании по сравнению с остальной территорией Западной Сибири. Без такой работы социально-экономическая и политическая история Алтая не будет представлена полно и объективно.

⁴⁵ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, с. 12, 17-21.

⁴⁶ Там же, с. 12.

В. А. БУЗАНОВА

**ПЕРВАЯ ВСЕОБЩАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ СИБИРИ**

Капитализм, как и любая другая социально-экономическая система, характеризуется степенью развития его элементов и появлением устойчивых связей между ними. Одним из факторов, определяющих уровень развития капитализма, являются масштабы применения наемного труда. В. И. Ленин писал: «В вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Основная тенденция капитализма состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями»¹. Следовательно, вопрос о численности наемных рабочих является одним из центральных при анализе процессов развития капитализма. Если по определению численности промышленного пролетариата проделана значительная работа, то о наемных рабочих в сельском хозяйстве сведений очень мало. Прежде всего это относится к Сибири.

Численность наемных рабочих в сельском хозяйстве Сибири рассматривалась, как правило, наряду с другими вопросами аграрного развития региона². Основная причина

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 581.

² Горюшкин Л. М. Социально-экономические предпосылки социалистической революции в сибирской деревне. Новосибирск, 1962, 130 с.; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963, 647 с.; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, 471 с.; Прудникова Т. П. Образование сельскохозяйственного пролетариата в Западной Сибири в конце XIX в. — Материалы научной конференции НИСКТ по итогам научно-исследовательской работы за 1967 г. Секция истории народного хозяйства и потребительской кооперации. Новосибирск, 1968, с. 13—14;

слабой изученности этого сюжета заключается в неудовлетворительном характере статистических источников. В России статистика труда и вообще массовый учет наемной рабочей силы в сельском хозяйстве не велась. Имеющиеся статистические данные как по Сибири, так в целом и по России носят выборочный характер. Сведения собирались по разным программам, различными методами и с неодинаковой целью. Кроме того, они часто несопоставимы в территориальном и хронологическом отношениях³. Общая численность наемных рабочих в деревне имеется лишь в материалах переписей 1897, 1916 и 1917 гг.⁴

Обращение к переписи населения 1897 г. необходимо потому, что для Сибири периода вступления в эпоху империализма нет другого источника, который бы давал однород-

Тужиков В. И. Разложение крестьянства Западной Сибири во второй половине XIX в. — В кн.: Советское крестьянство — активный участник в борьбе за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969, с. 16—18; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917). Новосибирск, 1976, 343 с.; Он же. Наемный труд и источники его формирования в сибирской деревне в 1914—1917 гг. — В кн.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980, с. 173—210 и др.

³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888—1898, вып. 22; Статистические данные о положении крестьянского хозяйства в Ишимском округе, Тобольской губернии после неурожая в 1891—1892 гг. СПб., 1897; Материалы по исследованию хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского округа, Тобольской губернии. М., 1897, т. 1; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893—1894; Материалы по обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905—1906; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912, вып. 1—5; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Тобольской губернии. Томск, 1913; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913, вып. 1—2; Переселенцы, приселившиеся к старожилам и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927; Экономическое положение населения Причумышского края бывшей Томской губернии. Материалы подворного статистического исследования 1912—1923 гг. Томск, 1927; Нарынский край. Материалы статистико-экономического обследования 1910—1911 гг. Томск, 1927 и др.

⁴ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905; Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М., 1921.

ные сведения, одновременно собранные в пределах всего региона. Материалы переписи предоставляют возможность сравнить степень распространения наемного труда как внутри сибирских губерний, так и с другими районами России, выделить наиболее развитые в капиталистическом отношении сельскохозяйственные области.

Всеобщая перепись населения 1897 г. была единственным демографическим обследованием, проведенным в России в эпоху капитализма. Она была нужна для характеристики социального строя, экономического и культурного уровня государства. Проведения переписи настоятельно требовали развивавшиеся капиталистические отношения.

Впервые вопрос о переписи возник в связи с введением всеобщей воинской повинности. Государственный аппарат оказался бессильным решить эту задачу, так как правильного учета населения в стране не велось. Была создана комиссия под председательством А. К. Гирса, которая должна была установить, есть ли необходимость в проведении переписи. Долгое время шло обсуждение проекта и устава, и лишь неурожай 1891—1892 гг. вновь выдвинул вопрос о «необходимости иметь точные цифры населения отдельных местностей для правильной постановки хотя бы продовольственного дела»⁵. Таким образом, реальные потребности социального и экономического развития страны требовали знания точного распределения населения по территории страны, его хозяйственной деятельности и социальной структуры.

В 1893 г. был разработан окончательный проект переписи и в 1895 г. утвержден Государственным Советом, приняв силу закона. Программа переписи состояла из 18 вопросов и соответствовала стандартам, разработанным международными конгрессами статистиков. Однако, по свидетельствам современников, она не учла культурные и социально-экономические особенности страны⁶. Выразалось это в отсутствии четких формулировок вопросов программы, в постановке пункта о воинской повинности, в несоответствии вопросов о грамотности и занятиях уровню социально-экономического развития государства. Непродуманность этих вопросов, вместе с отсутствием широкой пропаганды целей переписи, привели к настороженности населения и уклоне-

⁵ Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1909, с. 9.

⁶ Там же, с. 20.

нию части его от дачи правильных сведений, так как ничего кроме новых налогов и повинностей от правительства оно не ожидало.

Изучение подготовительных материалов и бланков переписи показало, что она была списочной по форме и экспедиционной по способу проведения⁷. Такой метод проведения переписи был удобен для проверки и машинной обработки, уменьшал затраты бумаги, и хотя был более дорог, гарантировал при наличии квалифицированных регистраторов качество материала и возможности постановки в программе сложных вопросов. Применение экспедиционного способа в России объяснялось, прежде всего, неграмотностью подавляющего большинства населения, что исключало другие методы.

После проведения переписи и получения ответов с мест, вскрылись упущения организационного, технического и теоретического порядка. Инструкции и наставления имели много неточностей и взаимоисключающих положений, подготовка переписного персонала в большинстве случаев не соответствовала необходимым требованиям. Списки населенных мест и домовладений, составление которых было возложено на полицейские органы, были неполными и получены местными переписными комиссиями поздно⁸. Все это создавало дополнительные трудности при проведении переписи.

В программе переписи только семь вопросов отводилось для характеристики социально-экономического и культурного уровня населения страны. Вопросы пола, возраста, места рождения и семейного состояния не вызывали трудностей при регистрации. Ответы же на три оставшихся, наиболее важных пункта из-за неясности формулировки были часто неверными и нечеткими. Так, вопрос о грамотности был разбит на две части: «умеет ли читать» и «где обучался, обучается или окончил курс образования». При такой заданности вопроса невозможно получение достоверных данных об уровне образованности (так как умение читать его не определяет) и отделении обучающихся от прошедших курс обучения или прервавших его. Таким образом, отсутствие научной постановки вопроса о грамотности не позво-

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 38, л. 204, 204 об., 214; д. 12, л. 13, 13 об., 17 и др.; ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 2, д. 72, 73, 146 и др.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 10, д. 65, 84, 120, 121, 122, 160, 177, 178, 119, 179, 240 и др.

ляет делать выводов (хотя бы косвенных) об образе жизни, нормах поведения, ценностных установках населения.

Пункт программы «как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи» при четком определении хозяйства как единицы обследования мог бы нести контрольную функцию по отношению к вопросу о занятиях. Так как этого не было, то этот пункт вызывал лишь недоразумения.

Информацию о численности наемных рабочих возможно получить только из графы «Занятие, ремесло, промысел, должность или служба: а) главное, то есть то, которое составляет главные средства существования и б) побочное или вспомогательное». Один из важнейших вопросов переписи, предназначенный для характеристики социального, производственного и профессионального состава населения был поставлен в конце программы. Для побочных занятий было отведено мало места, а при малограмотности части регистраторов это не позволяло внести в графу все побочные занятия. Самым важным упущением программы было отсутствие вопроса о положении в промысле (он давался лишь в инструкциях регистраторам).

Неясность формулировки вопроса о занятиях в сочетании со слабой дифференциацией их в сельском хозяйстве, когда ведение самостоятельного хозяйства сочеталось с промыслами и работой по найму, приводило к тому, что регистраторы не всегда могли провести различие между главным и побочным занятиями, между наемными работниками и мелкими собственниками. Все это в комплексе приводило к искажению картины социального и профессионального состава населения России.

На показ размеров наемного труда в сельском хозяйстве повлияло и время переписи. Зимой численность сельскохозяйственных рабочих из-за сезонности производства сокращалась до минимума, и поэтому перепись учла лишь постоянных рабочих, указавших на работу по найму как на главный источник существования. Конечно, работа по найму отмечалась и в побочных занятиях, однако этот аспект не был освещен при разработке материалов переписи. Таким образом, «приведенная в переписи численность сельскохозяйственных рабочих, — по утверждению современников переписи и исследователей, — соответствует сумме пос-

тоянного контингента сельскохозяйственных рабочих или близка к этой сумме»⁹.

Разработка материалов переписи была поручена Центральному статистическому комитету министерства внутренних дел. В ходе разработки первичных данных был допущен ряд упущений. Отчеты с мест, которые могли бы внести ясность в методику сбора материала, не были полностью изучены. Арифметический и логический анализ анкет, дающий возможность устранить часть ошибок, почти не проводился. Разметка велась в нескольких отделениях, редакторы которых не координировали свои действия, что нарушало единство разработки материала. В анкетах наемные рабочие отмечались несколькими терминами: «батрак», «работник», «наемный работник», «земледелец-работник», «земледелец в работниках» и т. п. Кроме того, часто понятие «земледелец-работник» относилось к членам семьи¹⁰. Только тщательный анализ анкет позволял установить истину. Однако отсутствие хорошей классификации занятий привело к смешению части работников своей семьи с наемными. Этому способствовало распоряжение директора Центрального статистического комитета в 1902 г. считать «всех лиц, показавших себя земледельцами-работниками, земледельцами в работниках»¹¹. Это изменяло методику разработки и могло способствовать произвольному увеличению числа наемных рабочих.

Вместе с тем всеобщая перепись населения 1897 г. впервые учла все население по единой, достаточно широкой программе и одновременно установила его численность, более точное распределение по полу и возрасту, роду занятий в границах всей страны. В ее основу были положены теоретические и методологические принципы, разработанные статистической наукой. При всех недостатках программы и методов ее разработки «данным этой переписи, — отмечал статистик Б. П. Кадомцев, — гораздо более достоверны, нежели те гипотезы, которыми до этого питалась наша наука и публицистика»¹².

Перепись 1897 г. является единственным массовым источником, содержащим сведения об общей численности

⁹ Кадомцев Б. П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909, с. 52.

¹⁰ Котельников А. Указ. соч., с. 79.

¹¹ ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 1, д. 453, л. 23.

¹² Кадомцев Б. П. Указ. соч., с. 4.

наемных рабочих в сельском хозяйстве Сибири конца XIX в., их половозрастном составе, распределении по территории региона. Поэтому важно установить, насколько ее данные достоверны и пригодны для научного анализа. Такую возможность предоставляет сравнение опубликованных материалов с первичными, либо с другими источниками.

Первичные материалы переписи 1897 г. сохранились в ТФ ГАТО¹³. Доступными для обработки оказались 6777 карточек, зарегистрировавших 35 505 человек, из которых 936 были наемными рабочими. Число обработанных карточек составило немногим более 2,6% от числа самостоятельных сельских хозяйств в губернии, охваченное ими население — около 2,6% от всего сельского населения, а количество наемных рабочих — более 2,7% от наличного населения, учтенного в обработанных анкетах.

Наша выборка по характеру близка к естественной. Для естественных выборок важно, насколько они равномерно охватывают генеральную совокупность. Тобольская губерния по хозяйственной направленности делилась на четыре зоны: районы Крайнего Севера, где главным занятием было рыболовство и охота; северную лесную — полупромысловую; среднюю лесостепную, характеризующуюся земледелием и промыслами, и южную лесостепную — хлебопахотный и скотоводческий районы¹⁴. В выборке представлены три последние естественно-исторические зоны губернии.

Применение математических методов для проверки достоверности естественных выборок ограничено, но возможно. В исторических исследованиях для проверки случайности различий между отдельными показателями используется критерий знаков¹⁵. В нашей выборке оказалось 100 населенных пунктов шести округов (Тобольский, Тарский, Туринский, Ялуторовский, Ишимский, Курганский) Тобольской губернии. Расположим сведения о числе наемных рабочих в этих селениях в той последовательности, как проводилась выборка, затем вычтем каждый последующий вариант из предыдущего. И если выборка случайна, то вероят-

¹³ ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 2, д. 1—212.

¹⁴ Дунин-Горкавич А. А. Справочная книжка Тобольской губернии. Приложение к карте Тобольской губернии. Тобольск, 1904, с. 2.

¹⁵ Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 264—265.

Проверка случайности выборки методом критерия знаков

№ по ряду	Число на- емных ра- бочих	Знак раз- ности	№ по ряду	Число на- емных ра- бочих	Знак раз- ности	№ по ряду	Число на- емных ра- бочих	Знак раз- ности
1	6		35	2	+	69	6	+
2	0	+	36	1	+	70	2	+
3	6	-	37	1	0	71	9	-
4	5	+	38	3	-	72	29	-
5	3	+	39	2	+	73	14	+
6	2	+	40	11	-	74	10	+
7	1	+	41	22	-	75	18	-
8	3	-	42	29	-	76	19	-
9	3	0	43	7	+	77	15	+
10	0	+	44	6	+	78	4	+
11	0	0	45	0	+	79	5	-
12	0	0	46	0	0	80	32	-
13	1	-	47	38	-	81	48	-
14	10	-	48	11	+	82	17	+
15	3	+	49	5	+	83	24	-
16	7	-	50	5	0	84	6	+
17	2	+	51	2	+	85	9	-
18	2	0	52	5	-	86	4	+
19	1	+	53	11	-	87	17	-
20	0	+	54	5	+	88	5	+
21	0	0	55	0	+	89	2	+
22	6	-	56	41	-	90	30	-
23	13	-	57	32	+	91	0	+
24	14	-	58	6	+	92	3	-
25	5	+	59	26	-	93	0	+
26	11	-	60	3	+	94	9	-
27	0	+	61	12	-	95	4	+
28	0	0	62	24	-	96	2	+
29	14	-	63	34	-	97	19	-
30	3	+	64	4	+	98	8	+
31	1	+	65	24	-	99	6	+
32	0	+	66	35	-	100	4	+
33	1	-	67	11	+			
34	5	-	68	11	0			

* Таблица составлена на основе данных ТФ ГАТО, ф. 417, оп. 2, л. 69, 72, 73, 109, 113, 101, 144, 143, 146, 148, 183, 188, 210.

ность положительной разности будет такой же, как и отрицательной¹⁶.

Как видно из табл. 1, число плюсов равно 49, что не превосходит критической границы с уровнем значимости $\alpha=0,05$ и подтверждает гипотезу о случайности выборки¹⁷.

На основании данных выборки вычисляется среднее число наемных рабочих в одной деревне, которое будет равно 9,36 (в 100 деревнях было 936 рабочих). Гипотеза о согласии распределения числа рабочих с экспоненциальным законом распределения подтверждается по критерию Пирсона¹⁸ при уровне значимости $\alpha=0,05$. Как известно¹⁹, границы доверительного интервала для среднего при экспоненциальном распределении можно вычислить по формулам:

$$\frac{4 \sum_{j=1}^n x_j}{(\sqrt{4n-1} + \varepsilon_0)^2} \text{ и } \frac{4 \sum_{j=1}^n x_j}{(\sqrt{4n-1} - \varepsilon_0)^2},$$

где ε_0 решения, $\alpha = \Phi(\varepsilon_0)$, ($\Phi(z)$ — функция Лапласа, α — доверительная вероятность). Таким образом, нижняя и верхняя границы доверительного интервала с доверительной вероятностью 0,95 равны соответственно:

$$\begin{aligned} \frac{4 \sum_{j=1}^n x_j}{(\sqrt{4n-1} + \varepsilon_0)^2} &= \frac{4 \cdot 936}{(\sqrt{400 \cdot 1 + 1,96})^2} = \\ &= \frac{3744}{480,92} = 7,785 \text{ и } \frac{4 \sum_{j=1}^n x_j}{(\sqrt{4n-1} - \varepsilon_0)^2} = \\ &= \frac{4 \cdot 936}{(400 - 1 - 1,96)^2} = \frac{3744}{324,36} = 11,542. \end{aligned}$$

¹⁶ Ван дер Варден Б. Л. Математическая статистика. М., 1960, с. 321.

¹⁷ Ван дер Варден Б. Л. Указ. соч., с. 417.

¹⁸ Сборник задач по теории вероятностей, математической статистике и теории случайных функций. М., 1970, с. 424—425.

¹⁹ Там же, с. 405.

Умножая границы доверительного интервала на 3808^{20} (число сельских населенных пунктов в Тобольской губернии), получаем, что число сельскохозяйственных рабочих губернии с вероятностью 0,95 лежит в интервале 29 645—43 952 (при средней оценке = 35 692).

Возможен еще один вариант подсчета численности наемных рабочих, который основывается на вычислении вероятности каждого сельского жителя быть наемным рабочим. В данном случае распределение будет биномиальным, но согласно центральной предельной теореме оно аппроксимируется нормальным²¹. Относительная частота $\hat{p} = \frac{n}{N}$ (где

n — число рабочих в выборке, а N — общее число сельского населения в выборке) принимается за оценку вероятности каждого сельского жителя быть наемным рабочим, то есть = $\frac{936}{35005} = 0,027$. Стандартная ошибка теоретиче-

$$\text{ской вероятности } \hat{p} \text{ есть } S = \sqrt{\frac{\hat{p}\hat{q}}{n}} = \sqrt{\frac{\hat{p}(1-\hat{p})}{n}} = \\ = \sqrt{\frac{0,027(1-0,027)}{35005}} = \sqrt{0,743 \cdot 10^{-6}} = 0,00086.$$

Границы доверительного интервала для \hat{p} при $k_0 = 3$ (что соответствует доверительной вероятности = 0,95) равняются $0,027 \pm 0,00086 \times 3^{22}$. И с вероятностью 0,95 число наемных рабочих в сельском хозяйстве Тобольской губернии равно $1345692^{23} \times (0,027 \pm 0,0026) = 36\,300 \pm 3\,500$. То есть при использовании вероятности каждого сельского жителя быть наемным рабочим оценка общей численности наемных рабочих в губернии лежит в интервале от 32 до 40 тыс. человек (при средней = 36 300).

²⁰ Общее число сельских населенных пунктов в Тобольской губернии по переписи 1897 г. равнялось 3 808. — См.: Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации. СПб., т. 1, 1900, с. 2880.

²¹ Михок Г., Урсяну В. Выборочный метод и статистическое оценивание. М., 1982, с. 126—127; Кокрен У. Методы выборочного исследования. М., 1976, с. 72.

²² Михок Г., Урсяну В. Указ. соч., с. 127.

²³ 1 345 692 — наличное население Тобольской губернии по переписи 1897 г. — См.: Окончательно установленное при разработке переписи население империи по уездам. СПб., 1905, с. 24.

Оба варианта подсчета дают близкие оценки, что свидетельствует о достаточно большой степени достоверности данных выборки.

В опубликованных материалах переписи 1897 г. число постоянных сельскохозяйственных рабочих в Тобольской губернии составляет 39 767 человек²⁴.

Таким образом, данные выборки подтверждают, что сведения о постоянных наемных рабочих в сельском хозяйстве Тобольской губернии, собранные и разработанные Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, можно считать достаточно полными и пригодными для научного анализа.

²⁴ Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1. СПб., т. 1, 1906, с. 4—5.

К УРОВНЮ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО КАПИТАЛИЗМА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

(Опыт корреляционного анализа)

Вопрос о степени капиталистического развития сельского хозяйства России и Сибири в частности имеет важное значение для изучения предпосылок буржуазно-демократической и социалистической революций, для анализа соотношения классовых сил в стране в этот период.

В основе концепции аграрного капитализма в пореформенной России, принятой в советской историографии, лежит марксистско-ленинское учение о стадиях и формах развития капитала в земледелии и положение о двух путях (типах) буржуазно-аграрной эволюции.

В исследованиях, посвященных истории крестьянского хозяйства Сибири кануна Октябрьской революции¹, нет единого мнения по вопросу о степени зрелости аграрно-капиталистических отношений в крае. Одни историки считают, что в земледелии региона к 1917 г. преобладали низшие, неразвитые формы капитала (мелкотоварный уклад, торгово-ростовщический капитал), другие склоняются к мысли о господстве в сельском хозяйстве Сибири высших, предпринимательских форм капитализма. Различен и подход исследователей к решению вопроса о типе буржуазно-аграрной эволюции Сибири. Большинство историков относят этот обширный край к районам, где преобладал фермерский путь развития с элементами прусского типа в надстройке.

¹ См.: Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, 587 с.; Степшин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962, 561 с.; Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962, 327 с.; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966, 471 с.; Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск, 1967, 412 с.; Он же. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976, 344 с. и др.

Среди причин разногласий историков по данному вопросу, наряду с различием в трактовке некоторых теоретико-методологических аспектов слабостью и неоднородностью источниковой базы исследований, необходимо выделить причины методического плана.

✓ Традиционный конкретно-методологический подход и связанная с ним методика, основанные на иллюстративно-описательных приемах, индивидуальны и дают поэтому несопоставимые результаты. Эта методика, позволяющая рассматривать явление лишь со стороны отдельных его элементов и свойств и некоторых очевидных их взаимосвязей, не дает средств для целостной оценки. При решении же такого сложного, комплексного вопроса, каким является вопрос о степени зрелости аграрно-капиталистических отношений, целостный системный подход², безусловно, необходим.

✓ Сущность системного подхода заключается в изучении и анализе не только отдельных элементов и свойств исследуемого общественного явления, но и его внутренней структуры во взаимосвязях всех ее черт³. Применение системно-структурного метода позволяет историку извлечь из источника большее количество информации и, главное, дает ему критерий, количественную меру для оценки уровня аграрного капитализма.

Настоящая работа представляет собой попытку определить глубину буржуазной эволюции западносибирской деревни кануна 1917 г. на основе методики корреляционного анализа, которая отвечает требованиям системного подхода.

Метод изучения корреляционных связей позволяет выявить структуру взаимосвязей между различными элементами крестьянского хозяйства, определить тесноту (силу) этих взаимосвязей. Он в какой-то степени может использоваться для определения сравнительной роли признаков — факторов в том или ином процессе. Метод корреляции включает в себя изучение формы связи (регрессионный анализ) и измерение тесноты (меры) ее. Последнее и составляет предмет собственно корреляционного анализа⁴.

² Подробнее о системном подходе в историческом исследовании см.: Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982, с. 68—73.

³ См.: Там же, с. 69.

⁴ См.: Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Теория вероятностей и математическая статистика. Изд. 3-е. М., 1975.

Применительно к оценке уровня аграрно-капиталистического развития крестьянского (помещичьего) хозяйства использование методики корреляционного анализа обосновал И. Д. Ковальченко⁵. Суть выдвигаемого им подхода заключается в следующем. Крестьянское хозяйство по мере втягивания в рыночные отношения и по мере развития в нем товарного производства все более подчиняется закону стоимости и конкуренции. Это приводит к постепенному установлению сбалансированности между отдельными его компонентами (размеры производства, производственно-техническая база, трудовые ресурсы и т. д.). Степень такой сбалансированности, выражаемая теснотой взаимосвязей различных признаков (через коэффициенты корреляции и детерминации), и показывает глубину развития в этом хозяйстве товарно-капиталистических отношений⁶.

Корреляционная методика дает также меру, позволяющую приблизительно определить границы между такими качественными целостностями, как собственно капиталистический и мелкотоварный тип производства в крестьянском хозяйстве. Данную границу представляет коэффициент детерминации, равный 0,5, что соответствует величине корреляционного коэффициента 0,7. Если теснота взаимосвязи между наиболее существенными для вопроса о степени проникновения в крестьянское хозяйство товарно-денежных отношений сторонами, такими, как, например, количество наемных работников и показатели хозяйственной состоятельности, превышает значение 0,7, то данный тип хозяйства можно назвать предпринимательским, то есть чисто капиталистическим, так как здесь факторы именно экономического плана в решающей степени (более чем на 50%) определяют величину найма. Уровень корреляции ниже 0,7 соответственно характерен для мелкотоварного типа производства⁷.

Корреляционная методика уже применялась советскими историками для анализа внутренней структуры крестьянско-

⁵ См.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 296—317; Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Указ. соч., с. 85, 90.

⁶ См.: Массовые источники..., с. 303.

⁷ Подробно данное положение будет рассмотрено далее.

го хозяйства периода империализма. Ее использование дало интересные результаты⁸.

Задачей предлагаемой работы является, с одной стороны, определение степени сбалансированности элементов внутренней социально-экономической структуры крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в., с другой — выяснение некоторых возможностей методики корреляционного анализа при изучении важнейших сторон хозяйственной жизни крестьянского двора.

Источниковой основой настоящей работы служат первичные материалы всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии⁹, хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО).

Перепись была проведена с целью учета продовольственных и сырьевых ресурсов. Это обусловило сравнительную узость ее программы, включившей в себя данные о населении крестьянского двора, его обеспеченности семейной и наемной рабочей силой (годовые и сроковые работники), размеры надела, величину посевных площадей в целом и под отдельными культурами, количество рабочего и продуктивного скота по возрастам и др. Итоговые результаты обследования по Западной Сибири опубликованы¹⁰. Но для исследователя процесса классового разложения крестьянства публикации переписи в силу их неполноты, территориально-принципа сводки первичных данных и отсутствия каких-либо группировок по хозяйственной состоятельности не представляют большого интереса.

⁸ См.: Обожда В. А. К вопросу о взаимосвязи элементов крестьянского хозяйства в начале XX в. — В кн.: Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975, с. 111—127; Литвак Б. Г. Опыт количественного анализа и пообщинных сводок земских подворных переписей начала XX в. — В кн.: Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981, с. 128—155; и др.

⁹ Данные подворных бланков (форма № 1) уже использовались Л. М. Горюшкиным и Е. Я. Слепцовым. См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976; Слепцов Е. Я. О применении математических методов при изучении разложения сибирского старожильского крестьянства накануне Октябрьской революции. — В кн.: Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск, 1976, с. 36—64 и др.

¹⁰ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). М., 1917, вып. III. Степной край. Сибирь и Дальний Восток, 115 с.; Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Томск, 1927, с. 216 с.

Источниковедческие исследования данных переписи 1916 г. по Сибири¹¹ показали достаточно высокую степень их достоверности и точности по всем основным показателям. Однако необходимо учитывать, что обследование отразило состояние крестьянского хозяйства в экстремальных условиях первой мировой войны. В этот период сибирская деревня испытывала острый недостаток семейной рабочей силы. В данной связи широкое распространение получил наем из нужды. Отмеченный факт, безусловно, вносит искажения в представление о социально-экономическом характере наемного труда. Корреляционная методика снимает указанное искажение, поскольку четко фиксирует различие между предпринимательской и вынужденной формами найма.

Главным признаком капитализма в земледелии является употребление наемного труда¹². Поэтому в центре внимания историка, изучающего внутренний строй крестьянского хозяйства, должны находиться взаимосвязи найма с факторами хозяйственной обеспеченности. Анализ этих связей необходим для определения социально-экономического типа крестьянского хозяйства (пролетарский, мелкотоварный, предпринимательский), способа ведения земледелия и, наконец, для выявления проникновения в хозяйственный уклад жизни крестьянина товарно-денежных отношений. Важное значение имеют сведения о количестве собственных работников. Корреляционные связи этого признака с показателями экономической состоятельности в сравнении с аналогичными взаимосвязями найма укажут на соотношение семейного и наемного труда. Именно соотношением количества семейных и наемных работников, как отмечал В. И. Ленин, отличается крестьянское (мелкотоварное) хозяйство от буржуазного¹³. Одним из факторов, определяющих благосостояние двора, была его населенность¹⁴.

В итоге, для анализа были выделены следующие показатели: мужское население двора, количество собственных и наемных работников, число лошадей рабочего возраста

¹¹ Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов по Западной Сибири как исторический источник. — В кн.: Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979, с. 112—122; и др.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 232, 581; т. 19, с. 325.

¹³ См.: Там же, т. 19, с. 328—329.

¹⁴ См.: Там же, т. 3, с. 84 (примечание); т. 17, с. 83, 84; т. 19, с. 336.

(2 и более года), крупный рогатый скот (коровы и быки), величина посева на собственной пашне, посев на арендованной земле.

Метод корреляционных связей предоставляет исследователю через измерение сбалансированности элементов крестьянского хозяйства возможность прямой оценки степени его вовлеченности в рыночные отношения. Это позволяет при определении наиболее типичного района отвлечься от разнообразия форм торгового земледелия, характерного для такого обширного региона, как Западная Сибирь, так что историк имеет возможность определять типичный район не по системе косвенных характеристик, а непосредственно, то есть, с точки зрения уровня зрелости товарно-капиталистических отношений. Южная часть Томского уезда типична в этом смысле, она расположена в зоне влияния Сибирской железной дороги, в пределах территории с развитой сетью речных и трактовых путей сообщения. Уровень применения наемного труда в крестьянском хозяйстве уезда примерно такой же, как в целом по Томской губернии¹⁵ (около 0,1 работника на 1 хозяйство) при одинаковой обеспеченности семейными работниками (0,95)¹⁶.

В Томском уезде по данным переписи было 88695 дворов, что составляло 7,7% от числа крестьянских хозяйств в Томской губернии. Большая их часть (53651 хоз.) находилась в переходной от лесостепи к тайге естественно-географической зоне¹⁷. В экономике данного региона преобладали экстенсивное зерновое хозяйство, молочное скотоводство. Широкое распространение получили различные виды промыслов. Для исследования были выбраны хозяйства указанной зоны.

По избранному району в ГАТО имеются подворные бланки обследования по 11 волостям (из 33)¹⁸. Способом случайной выборки из них было выделено 5 волостей: Варюхинская, Гондатыевская, Каменская, Кайдинская и Тугальская (17 163 хоз.)¹⁹.

¹⁵ Томская губерния занимала примерно половину площади Западной Сибири. На ее территории было примерно около 50% крестьянского населения этого региона.

¹⁶ Алтайско-Томская часть..., с. 184—195.

¹⁷ Там же, с. 142—161.

¹⁸ См.: ГАТО, ф. 239, оп. 16, дд. 116—118, 120—124, 126, 129, 131.

¹⁹ Там же, дд. 116, 117, 118, 123, 129; Алтайско-Томская часть..., с. 142—161.

Сохранность первичного материала по изучаемым административным единицам составила примерно 34% (5902 единицы учета). Имеющаяся естественная выборка (5902 карточки) достаточно велика по объему (1/3 от всего массива) и сформировалась в результате воздействия множества случайных причин. Указанные моменты дают основание считать эту выборку репрезентативной по отношению к генеральной совокупности (17163 единицы).

Из совокупности сохранившихся подворных карточек, в свою очередь, механическим бесповторным отбором, обеспечивающим всем элементам генеральной совокупности (в данном случае 5902 единицы) равную возможность быть избранными, была сформирована представительная выборка в 871 единицу²⁰.

Следующим этапом работы является группировка крестьянских дворов, попавших в выборку. «Изучение крестьянского хозяйства (с политэкономической стороны), — отмечал в этой связи В. И. Ленин, — невозможно без разделения крестьян на группы»²¹. В основании социально-экономической группировки следует положить размеры и типы хозяйства²².

Автором данной работы был выбран с учетом зерновой специализации и экстенсивного характера хозяйства крестьян изучаемого района в качестве основного группировочного признака «посев на собственной пашне», в качестве вспомогательного: для получения возможно большего количества информации и выявления наиболее устойчивых корреляционных связей в хозяйствах одного социально-экономического типа, но обеспеченных различными средствами производства в разной степени, использовалась разбивка по рабочему и продуктивному скоту.

При определении интервалов группировок необходимо было выделить основные социальные типы крестьянских хозяйств (бедняцкий, середняцкий, кулацкий и переходные), учесть требование сопоставимости с общепринятыми интервалами расчленения²³ и использовать приемы расчленения

²⁰ Расчет показал, что представительна любая случайная выборка объемом в 333 и более единиц (не менее 1,9%). См.: Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Указ. соч., с. 222—223.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 61.

²² См.: Там же, т. 3, с. 96.

²³ Большинство исследователей придерживаются группировки по интервалам, обоснованным Л. М. Горюшкиным: низшая группа — до 4 дес. посева, 1—2 лошади, 1—2 коровы; зажиточная — 10 и более дес. посева,

на однородные группы, имеющиеся в арсенале математической статистики²⁴.

В результате попавшие в выборку дворы были разделены на 5 групп. При группировке по посеву в I группу выделены хозяйства беспосевные и с посевом до 2,5 дес.; во II — от 2,6 до 5; в III — от 5,1 до 7,5; в IV — от 7,6 до 10 и в V — дворы с посевом более 10 дес.

При группировке по тягловому скоту — в I группу — безлошадные и однолошадные; во II — с двумя лошадьми, в III — с тремя; в IV — с четырьмя; в V — с пятью и более. Интервалы группировки по крупнорогатому скоту аналогичны последним. Обеспеченность каждой из выделенных по посеву групп семейной и наемной рабочей силой, а также средства и производства, отображены в табл. 1.

Таблица 1

Средняя обеспеченность крестьянских хозяйств различных социальных групп средствами производства и рабочей силой

Групп хозяйств по посеву	Показатели обеспеченности					В целом по выборке
	0—2,5 дес.	2,6—5 дес.	5,1—7,5 дес.	7,6—10 дес.	Более 10 дес.	
Всего мужчин	1,9	2,4	3,2	3,6	4,2	2,6
Своих работников	0,7	0,8	1,1	1,7	1,7	0,95
Наемных работников	0,05	0,08	0,17	0,18	0,40	0,10
Лошадей	1,4	2,5	3,3	3,9	5,5	2,4
Крупного рогатого скота	1,0	1,7	2,3	2,7	3,7	1,8
Своего посева (дес.)	1,0	3,8	6,2	8,7	13,9	4,4
Арендванного посева (дес.)	0,5	0,2	0,2	0,2	0,7	0,2
Дворов в группе	342	225	159	82	63	871

5—6 лошадей и 4 коровы. См.: Горюшкин и Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967, с. 98—104.

²⁴ Наиболее оптимальный интервал группировки: определяется так: 2—3 дес. посева или 1—2 головы рабочего (продуктивного) скота.

Имеющиеся по каждой из социальных групп крестьянства данные были подвергнуты корреляционному анализу. Для каждой пары признаков вычислены линейные коэффициенты корреляции.

В табл. 2 даны значения корреляционных связей между количеством наемных работников и факторами хозяйственной состоятельности²⁵. Из представленных взаимосвязей наиболее интересно соотношение найма и рабочего скота. В самом деле, показатель количества лошадей в условиях экстенсивного сельскохозяйственного производства является, по существу, комплексным признаком, отражающим состояние всех главных видов хозяйственной деятельности крестьянина, в том числе и промыслов.

Таблица 2

Теснота взаимосвязи найма с показателями хозяйственной состоятельности

Группа хозяйств с посевом	I	II	III	IV	V
	0—2,5 дес.	2,6—5 дес.	5,1—7,5 дес.	7,6—10 дес.	Более 10 дес.
Показатели обеспеченности					
Лошади	<u>0,21</u>	<u>0,31</u>	<u>0,27</u>	0,14	<u>0,57</u>
Крупный рогатый скот	<u>0,11</u>	<u>0,38</u>	0,11	0,04	0,12
Свой посев	0,07	<u>0,14</u>	<u>0,16</u>	0,15	<u>0,28</u>
Уровень зависи- мости	0,11	0,13	0,15	0,22	0,25

Коэффициенты корреляции показывают наличие прямой взаимосвязи между выделенными сторонами во всех социальных группах, кроме четвертой. Во дворах бедняков и середняков эта зависимость выражена слабо ($r=0,20$ — $0,30$). Низкий удельный вес в воздействии на размер найма факторов экономической состоятельности в хозяйствах пролетарского и мелкотоварного типа ($d=4-10\%$) свидетельствует о случайном характере использования наемного

²⁵ Уровень значимости определяет границу значений выборочного коэффициента корреляции, ниже которой коэффициент указывает на отсутствие взаимосвязи. См.: Янко Я. Математико-статистические таблицы. Пер. с чешского. М., 1961, с. 60, с. 60; табл. 14. Коэффициенты, регистрирующие наличие связи, подчеркнуты.

труда. Среди множества причин, определявших обращение бедняков и середняков к найму работников, следует выделить нехватку семейной рабочей силы. Действительно, корреляция между количеством собственных и наемных работников в этих группах крестьянства значимая и обратная ($r = -0,15 / -0,30$), что показывает вынужденный характер найма.

В хозяйствах зажиточной группы взаимозависимость между количеством наемных работников и числом лошадей рабочего возраста имеет довольно тесный характер ($r = 0,57$). В высшей группе, которая была выделена группировкой по крупному рогатому скоту (34 хозяйства)²⁶, связь близка к значению 0,7 ($r = 0,69$). Коэффициенты детерминации для отмеченных случаев соответственно равны 0,33 и 0,47. Это говорит о том, что в кулацких хозяйствах факт найма в определяющей степени (на 33—47%) обуславливался уровнем обеспеченности средствами производства. Тесная сбалансированность наемного труда с тягловым скотом показывает высокую степень вовлеченности в товарно-денежные отношения хозяйства зажиточного крестьянина. Использование наемного труда, несмотря на лучшую обеспеченность семейной рабочей силой, становится системой, условием ведения хозяйства, способствующим расширенному воспроизводству²⁷. Это тип предпринимательского найма.

Факт найма из нужды в низшей и средней группах сибирского крестьянства уже отмечен. Возникает вопрос об обеспеченности рабочей силой в годы войны (на 1916 года) кулацких хозяйств²⁸. Разрешение настоящего вопроса может служить примером большей эффективности методики корреляционного анализа в сравнении с традиционной.

Для решения поставленной задачи сопоставим средние данные (на I двор) по высшей группе в целом и по выделенным из этой группы дворам, нанимающим годовых и срочных работников (табл. 3). Простое сравнение не позволяет сделать определенное заключение. Действительно, с одной стороны, хозяйства, использующие труд наемных ра-

²⁶ В среднем на I двор здесь приходилось 6,2 лошади, 6,4 головы продуктивного скота, 10,8 дес. посева на надельной земле и 1,8 дес. посева на арендованной пашне.

²⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 106, 107.

²⁸ Этот вопрос уже получил некоторое освещение в советской литературе. См.: Горюшкин, Л. М. Наемный труд, источник его формирования в сибирской деревне в 1914—1917 гг. — В кн.: Промышленность и рабоче Сибиря в период капитализма, Новосибирск, 1980, с. 173—210.

ботников, лучше обеспечены средствами производства, с другой — имеют несколько меньше семейных работников (1,6 против 1,7) и более населены (5,1 против 4,2). Картина сложная: переплетаются взаимовлияния факторов хозяйственной состоятельности, обеспеченности собственной и наемной рабочей силой, населенности. Анализ с использованием корреляционной методики способствует решению вопроса. Так, взаимосвязь между количеством своих и наемных работников обратная, но не существенная ($r = -0,10$). Это свидетельствует о том, что в годы войны хозяйство зажиточных крестьян было обеспечено собственной рабочей силой удовлетворительно, хотя и испытывало в данном отношении определенные трудности. Таким образом, наем из-за нехватки семейных работников, то есть из нужды, для достаточного крестьянина не характерен.

Таблица 3

Средняя обеспеченность средствами производства и рабочей силой хозяйства зажиточных крестьян

Показатели	Всего мужчин	Своих работн.	Наемн. работн.	Лош.	Кр. рог. скот	Свой посев (дес.)	Арендв. посев (дес.)
Группы хозяйств							
С посевом более 10 дес.	4,2	1,7	0,4	5,5	3,7	13,9	0,7
С посевом более 10 дес., нанимающие работн.	5,1	1,6	1,5	7,0	4,3	15,1	1,5

Рассмотренное ранее соотношение между количеством наемного труда и хозяйственной обеспеченностью, представленной числом голов тяглового скота, в условиях господства рыночных отношений показывает, по сути, степень сформированности такой стороны капиталистического производства, которая сконцентрирована в категории «органическое строение капитала». Эта категория включает в себе определенное соответствие между переменной и постоянной частью капитала, выражаемое в том, что размеры найма на капиталистическом предприятии определялись главным образом (более чем на 50%), величиной капиталов, вложенных в средства производства.

Как уже показали расчеты по исследуемому району, среди факторов, которые обуславливали в хозяйстве зажиточного крестьянина величину найма, удельный вес показателей экономической состоятельности составлял менее 50% (33—47%). Последний факт очень важен. Он подводит к выводу о том, что соотношение между наймом и размером производства по классическому, чисто капиталистическому типу здесь еще не сформировалось. Иначе говоря, зажиточное крестьянское хозяйство к 1917 г. еще не стало собственно капиталистическим. Но, с другой стороны, оно уже не было чисто мелкотоварным, так как обнаруживало в себе ярко выраженную предпринимательскую тенденцию. По существу, это переходное — от мелкотоварного к чисто капиталистическому — состояние товарного производства.

Вывод о переходном характере способа организации производства сельской буржуазии в лице ее предпринимательской части подтверждается и данными о корреляционных связях основных показателей хозяйственной обеспеченности с арендой. Правда, следует отметить, что возможности корреляционного метода в этом случае не столь велики, как при обращении к найму. Это связано с относительной узостью программы обследования по аренде. В подворной карте отражена фактически только съемка пашни, нет данных об аренде других средств производства, в частности, отсутствуют сведения о наличии и съемке в аренду усовершенствованного инвентаря.

Таблица 4

Теснота взаимосвязи размера посева на арендованной пашне с другими показателями хозяйственной обеспеченности

Группы хозяйств с посевом	I	II	III	IV	V
	0—2,5 дес.	2,6—5,0 дес.	5,1—7,5 дес.	7,6—10 дес.	Более 10 дес.
Факторы хоз. обеспечен.					
Лошади	<u>0,40</u>	<u>0,50</u>	<u>0,32</u>	<u>0,09</u>	0,23
Крупный рогатый скот	<u>0,30</u>	<u>0,57</u>	0,12	<u>0,25</u>	0,10
Свой посев	<u>-0,26</u>	<u>0,54</u>	-0,09	0,21	-0,05
Уровень значимости	0,11	0,13	0,15	0,22	0,25

Анализ корреляционных связей аренды с показателями экономической состоятельности (табл. 4) и наймом показывает, что к съемке земли в низшей и средней группах прибегали в основном хозяева, в достаточной степени обеспеченные тягловым и продуктивным скотом, но испытывавшие недостаток наделной земли. При этом в I группе нехватка собственной пашни была абсолютной, на что указывает обратный характер связи между размером посева на наделной пашне и величиной посева на арендованной земле ($r = -0,26$). Во дворах середняков дефицит земли был относительным. Выделенная зависимость здесь либо прямая, либо отсутствует. В указанных социальных группах снимали пашню главным образом новоселы, либо обезземельные крестьяне. Это вынужденная, продовольственная аренда.

В кулацкой группе связь посева на арендованной пашне с тягловым и крупным рогатым скотом и с собственным посевом отсутствует. Отсюда можно заключить, что в изучаемом регионе аренда как средство капиталистической мобилизации земли играла небольшую роль. На это указывает и незначительный размер арендуемых участков (в среднем 0,5—2 дес. на I двор). Однако аренда в хозяйстве зажиточного крестьянина, говоря словами В. И. Ленина, «превращалась в капиталистическое фермерство»²⁹, поскольку главной чертой эволюции внутренней структуры этого хозяйства стала тенденция к предпринимательству. Положение о предпринимательском характере аренды в высшей группе крестьянства подтверждается и наличием прямой связи между посевом на арендованной земле и наймом ($r = 0,27$).

Предпринимательство в аренде земли было в хозяйстве зажиточного крестьянства рассматриваемого района лишь тенденцией. Аренда в высшей группе несла на себе и черты мелкотоварного уклада. Обращает на себя внимание тот факт, что зависимость между величиной посева на наделной и арендованной земле, хотя и не значима, имеет обратный характер. Во дворах высших групп, образованных группировкой по лошадям и крупнорогатому скоту, указанная связь значима (соответственно $r = (-0,17)$ и $(-0,34)$). Так что и зажиточные крестьяне прибегали к съемке земли как вынужденной мере. Очевидно, последнее объясняется не только тем, что в роли арендаторов выступали переселенцы,

²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 86—87.

но и многосемейностью дворов у состоятельных хозяев. В самом деле, в хозяйстве зажиточного крестьянина наблюдается значимая взаимосвязь найма и мужской населенности ($r = 0,37$), указывающая на существенную роль потребительских черт. Многосемейность, придавая укладу хозяйственной жизни кулака потребительский момент, безусловно, сужала возможности расширенного воспроизводства.

Итак, уровень сбалансированности компонентов социально-экономической структуры крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. был в целом относительно низким. Даже для хозяйства зажиточного крестьянина, вовлеченного в рыночные отношения в наивысшей степени, среднее значение тесноты рассмотренных связей, а также взаимосвязей между показателями хозяйственной обеспеченности не превышает 0,50. Хозяйство зажиточного крестьянства, эволюционируя в сторону фермерского типа, представляло собой переходную — от низшей, мелкотоварной, к высшей, чисто капиталистической — форму производства.

Низкий уровень сбалансированности наиболее существенных элементов крестьянского хозяйства Западной Сибири, очевидно, свидетельствует об относительно слабом развитии товарно-денежных отношений. Недостаточное развитие рыночных отношений было характерно даже для зоны непосредственного влияния Сибирской железной дороги. В связи с этим в сибирской деревне кануна 1917 г. продолжал иметь широкое распространение торгово-ростовщический капитал.

Таким образом, определяя уровень аграрно-капиталистического развития Западной Сибири, можно утверждать, что во внутренней структуре крестьянского хозяйства товарно-капиталистические отношения были только близки к господству.

Настоящие результаты возможно сопоставить с почти аналогичными данными по Европейской России и южному степному району, полученными на основе корреляционной обработки опубликованных сводных материалов поземельной и сельскохозяйственной переписи 1917 г.³⁰ Средняя теснота взаимосвязей посева, тяглового скота и количества наемных рабочих³¹ здесь следующая. По Европейской Рос-

³⁰ См.: Массовые источники..., с. 303—304, табл. 4.

³¹ В отличие от переписи 1916 года, в обследовании 1917 года отмечались и поденные работники. Но сопоставление результатов корреляционной обработки по показателю «наемные рабочие» здесь возможно, так как между различными формами найма существовало определенное устойчивое соотношение.

сии — 0,66; по южному степному району — 0,73³². Для Западной Сибири, — а это наиболее развитый регион Сибири, — данная величина равна 0,47. Далее необходимо учесть, что данные по европейской части России (центр и юго-восток) отражают сбалансированность элементов социально-экономической структуры крестьянского хозяйства в целом, в то время как для Сибири приведены результаты анализа хозяйства зажиточных крестьян. Отмеченные факты позволяют выдвинуть предположение о том, что по степени зрелости аграрно-капиталистических отношений Западная Сибирь, как и вся Сибирь, отставала не только от южного степного района, но и от Европейской России в целом.

³² Массовые источники..., с. 304, табл. 4.

II. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СИБИРИ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Н. В. БЛИНОВ, В. П. ЗИНОВЬЕВ

МЕТОДИКА СОСТАВЛЕНИЯ ХРОНИКИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ

Исследователи истории классовой борьбы в России выявили и опубликовали огромное количество самых разнообразных фактических сведений о рабочем движении, обеспечив тем самым существенное продвижение вперед на этом участке знаний.

Рост объема накопленных данных сделал необходимым и вместе с тем возможным применение более совершенных статистико-математических методов их анализа. В свою очередь, более точные методы предъявили более строгие требования к предварительной обработке источников, их интерпретации, унификации, учету и систематизации сведений, в них содержащихся. Формализация информации обусловила также и большую требовательность к терминологии, точности содержания понятий, их классификации.

Одним из наиболее эффективных способов предварительной обработки исторических фактов является их учет и систематизация в хронологическом порядке¹. Этот прием давно применяется советскими историками рабочего и революционного движения, причем методический уровень хроник определялся общим состоянием исторической науки в тот или иной период времени.

В период становления марксистской историографии в 20 — начале 30-х гг., когда большинство работ по истории рабочего и революционного движения не отличалось высо-

* Историографическая часть и приложения написаны В. П. Зиновьевым, методика — Н. В. Блиновым и В. П. Зиновьевым.

¹ Известно, какое большое значение составлению хроник придавали К. Маркс и В. И. Ленин. См.: Маркс К. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса, т. V, VII; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 668—684; т. 52, с. 24.

ким профессиональным и методологическим уровнем², хроникальные публикации играли важную роль в совершенствовании приемов исследований, соединяя разрозненные факты, вводя их в научный оборот, в практику пропагандистской работы. Первые хроники рабочего и революционного движения в России в XIX — начале XX вв. появились в специальных исторических журналах «Архив истории труда в России»³, «Пролетарская революция»⁴, «Красная летопись»⁵, в сборниках материалов по профессиональному и рабочему движению⁶. Они составлялись сотрудниками комиссий Истпарта, Истпрофа, других учреждений. Большинство их (42) было посвящено периоду революции 1905—1907 гг.⁷ Хроники имели самую разнообразную форму от таблиц, памятных календарей до документальных обзоров.

В этот период шел поиск наиболее приемлемой формы для исторической хроники. Одни авторы считали, что лучше публиковать в хронологическом порядке документы о рабочем движении и революционных событиях или давать аннотации с обширными цитатами⁸, другие⁹ включали в хронику краткие аннотации или только даты с обозначе-

² См.: Рожков Н. А. К методологии истории революционного движения. — Красная летопись, 1923, № 7, с. 71—74.

³ Пажитнов К. А. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860 г.). По данным архива 3-го отделения собственной его величества канцелярии. — Архив истории труда в России, 1921, кн. 1, с. 86—90; кн. 2, ч. 2, с. 132—137; Он же. Рабочие волнения в царствование Александра I. (По данным архива ДПМВД). — Архив истории труда в России, 1922, кн. 5, pag. III, с. 1—10.

⁴ Хронологические таблицы по истории РКП(б). — Пролетарская революция. М., 1924, № 11, с. 92—106; № 12, с. 145—159; 1925, № 1, с. 132—148, № 2, с. 120—135; № 3, с. 272—288; № 4, с. 272—287; № 5, с. 290—305; № 6, с. 266—279; № 7, с. 240—250; № 8, с. 282—294; № 9, с. 243—249; № 10, с. 242—257.

⁵ Власова О. Материалы для истории рабочего движения за 1881—1895 гг. — Красная летопись, 1923, № 5, с. 394—401; № 7, с. 212—227, 1924, № 11, 12.

⁶ Кац А. Хроника профессионального движения рабочих в России (1890—1903 гг.). — В кн.: Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 1, М., 1924, с. 166—211. Он же. Хроника профессионального и рабочего движения в России (1870—1899 г.). — Там же. Сб. 2, М., 1924, с. 295—331; Стачки 1881—1895 гг. М., 1930, XIX, с. 383.

⁷ Хроники революции 1905—1907 гг. Указатель литературы. М., 1979, 76 с. Сост. В. П. Желтова.

⁸ См.: Пажитнов К. А. Указ, соч.; Революция 1905 г. в Закавказье: (хроника событий, документы и материалы). Тифлис, 1926, с. 1—144.

⁹ См.: Кац А. Указ. соч.; Хронологические таблицы по истории РКП(б).

нием факта, третьи комбинировали оба первых подхода¹⁰. Вопрос о классификации форм движения, унификации терминологии не ставился. Большая часть хроник не имела точных ссылок на источники, что делало затруднительным проверку помещенных в них сведений и снижало их историческую ценность¹¹. Источниковая основа преимущественно состояла из опубликованных материалов дореволюционных газет, журналов и архивных фондов центральных карательных учреждений царской России — III отделения, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. В связи с этим хроники 20—30-х гг. были отрывочны, особенно неполно они отражали события на периферии страны.

Аналогичные хроники революционного движения в Сибири, как вышедшие из печати¹², так и сохранившиеся в материалах Сибистпрофа¹³, имели те же черты, что и общероссийские. Обычно они не были снабжены отсылками на конкретные источники, опирались на узкую базу, характеризовались методической необязательностью, неполнотой, случайностью отбора фактов, диктуемого ресурсами источника. Так, не потерявшая своего значения до сих пор общесибирская, судя по названию, хроника В. Максакова поведствует преимущественно о событиях в узкой полосе железных дорог и крупнейших городах Сибири и Дальнего Востока. Это наиболее обстоятельная и полная для своего времени сводка фактов по истории первой российской революции в Сибири.

Во второй половине 30—40-х гг. интенсивность исторических исследований, в том числе и подготовка хроник рабочего движения, резко сократилась. Так, по первой русской

¹⁰ См.: Стачки 1881—1895 гг.

¹¹ Характеристика хроник революции 1905—1907 гг. См.: Желтова В. П., Пушкарева И. М. Хроники революции 1905—1907 гг. (Источниковедческий обзор). — В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977, с. 281—305.

¹² В. (В. И. Шемелев). Первое мая в Сибири (из хронологии рабочего движения). — Профессиональное движение, 1928, № 14—15, с. 6; Революционное движение 1905 года в Бурятии: Хроника событий. — Жизнь Бурятии, Верхнеудинск, 1925, № 7—8, с. 17—39; Максаков В. Хроника важнейших событий в Сибири в 1905—1906 гг. — В кн.: Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг. Л.: Соц.-эк. гиз, 1932, с. 401—415.

¹³ Краткий хронологический указатель создания и ликвидации профессиональных союзов в Омске. — ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 1, л. 1—2; Лялин В. Краткий хронологический указатель забастовочного движения в Омске (Акмолинская область) по газетным материалам с 1895 по 1912 гг. — Там же, л. 3—5. Составлено 20 мая 1929 г.

революции вышло 9 хроникальных публикаций, в основном в связи с 30-летием первой русской революции. Вместе с тем усилия историков по выработке методики публикации документальных материалов, хроник получили дальнейшее развитие. В работах А. А. Шилова была предложена развернутая методика подготовки хроник рабочего и революционного движения¹⁴. Он выделил их виды, основные элементы (дату, обозначение факта, аннотацию, ссылку на источники), дал практические рекомендации, как организовать работу по составлению хроники, обосновал методологическую сторону работы¹⁵.

Намеченные общие принципы составления хроник не были в полной мере реализованы в 30—40-е гг. Однако о возросшем их научном уровне свидетельствует составленная Э. А. Корольчук и Е. Соколовой хроника рабочего движения в Петербурге¹⁶. В хронике каждый отдельный факт рабочего движения имел обозначение (формулировку), дату, аннотацию, включавшую название предприятия, число участников выступления, основные требования, указывался конкретный источник. Учитывались также факты участия российских рабочих в международном рабочем движении, пропаганды народников и социал-демократов, создания рабочих и партийных организаций, акты антирабочей политики правительства. В приложении дан статистический анализ стачечного движения по годам, районам Петербурга, группам производств, повторности забастовок. К сборнику приложены подробные справочные указатели.

В Сибири во второй половине 30—40-е гг. выявление новых данных о рабочем движении продолжалось¹⁷, однако хроника опубликована лишь одна¹⁸. Составление хроник рабочего и революционного движения активизировалось в 50-е гг. в связи с подготовкой сборников документов по ра-

¹⁴ Шолов А. А. Историческая хроника. — Архивное дело, 1936, № 3(40), с. 34—37; Он же. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. М., 1939, с. 130—139.

¹⁵ Подробнее характеристику этой работы см.: Желтова В. П., Пушкарева И. М. Указ. соч., с. 298—299.

¹⁶ Корольчук Э. А., Соколова Е. Хроника революционного рабочего движения в Петербурге. (1870—1904 гг.). Л., т. 1, 1940, 384 с.

¹⁷ Характеристику литературы этого периода см.: Блинов Н. В. К историографии рабочего движения в Сибири (исследования 1935—1959 гг.). — В кн.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980, с. 211—239.

¹⁸ Дулов В. Список стачек начала века в Восточной Сибири. — Учен. зап./Иркутский гос. пед. ин-т, 1941, вып. 7, с. 6—7.

бочему движению в XIX в.¹⁹ и сборников документов и материалов, посвященных 50-летию юбилею революции 1905—1907 гг. К большинству из них были приложены хроники революционных событий. В 50—70-е гг. вышло всего 77 хроник, освещавших период революции 1905—1907 гг.²⁰

Хроники рабочего движения в XIX в. и общероссийские хроники революции 1905—1907 гг.²¹ учитывали опыт и методические разработки предшествующих лет. Каждая запись фиксировала дату события, его обозначение, аннотацию с указанием места, числа участников, характера требований или лозунгов (для выступлений), ссылку на источники.

Составители хроник значительно расширили источниковую основу. Были освоены материалы центральных партийных и государственных архивов, некоторых областных архивов, десятков дореволюционных периодических изданий, в том числе и партийных. Была предпринята А. М. Панкратовой попытка дать определение основной форме борьбы пролетариата — стачкам, отделить их от крестьянских форм борьбы, в частности, волнений²². Составители хроник, однако, строго не придерживались найденных формулировок при определении характера выступлений. Неполностью использовали возможности первоисточника в аннотациях. Так,

¹⁹ Мальцева Н. А. Хроника рабочего движения в России (1800—1825 гг.). — В кн.: Рабочее движение в России в XIX в. Том 1, часть первая, М., 1955, с. 802—817; Она же. Хроника рабочего движения в России (1826—1860 гг.). — Там же. Том 1, часть вторая, М., 1955, с. 631—649; Хроника рабочего движения в России 1861—1874 гг. (стачки и волнения). — Там же. Т. 2, часть первая, М., 1950, с. 602—618; С. В. Петровская. Хроника рабочего движения в России 1875—1884. — Там же. Т. 2, часть вторая, с. 644—676; Она же. Хроника рабочего движения в России (1885—1889 гг.). — Там же. Т. 3, часть первая, М., 1952, с. 770—802; Она же. Хроника рабочего движения в России (1890—1894 гг.). — Там же. Т. 3, часть вторая, с. 620—645; Хроника рабочего движения в России (1895—1900 гг.). — Там же. Т. IV, часть вторая, М., 1963, с. 693—842.

²⁰ Подсчитано по: Хроники революции 1905—1907 гг. Указатель литературы.

²¹ Блюмфельд О. А. Хронологический указатель (события в России в 1905 г.). — В кн.: Начало первой русской революции. Январь—март 1905 г.: Документы и материалы. М., 1955, с. 864—878; Вольбель В. И., Кушкова З. В., Мальцева Н. А. Хроника событий (Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.). — В кн.: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года: Документы и материалы. М.-Л., 1955, ч. 2, с. 504—538; Сидоров К. Ф. Хроника революционных событий. Конец октября—декабрь 1905 г. — В кн.: Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь—декабрь 1905 г.: Документы и материалы. М., 1957, ч. 4, с. 911—1000.

²² Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 2, часть первая, с. 34.

подробно расписанные у В. И. Семевского 12 стачек и волнений приисковых рабочих Томской и Енисейской губерний в 1837 г. даны краткой записью как одно волнение²³. Есть повторы и ошибки. Так, стачка на Троицком прииске К^о Кузнецовых и Барташева в Минусинском округе и волнение рабочих на Александровском прииске К^о Базилевского в 1890 г. включены в хронику дважды со ссылками на разные источники. Причем выступление рабочих Троицкого прииска в одном случае квалифицируется как стачка, в другом — как волнение²⁴.

Богатейшие материалы областных архивов почти не вошли в общероссийские хроники 50-х гг. Они нашли свое отражение в региональных хрониках, опубликованных в основном в сборниках документов, посвященных революции 1905—1907 гг. В Сибири их вышло 8²⁵. Методически они были составлены много ниже общероссийского уровня. Образцом для них служила хроника В. Максакова, откуда была почерпнута и значительная часть материалов. За исключением хроник по Омску, они не имели отсылок к источникам, опирались только на местные материалы, часто включали события экономического освоения региона, общественно-политической жизни страны в целом. Начало и конец событий фиксировались отдельно. В хроники нередко включались факты сомнительной достоверности, картина

²³ Там же, т. I, часть вторая, с. 637.

²⁴ Там же, т. III, часть вторая, с. 620, 621, 625, 628.

²⁵ Изгачев В. Г.: Хроника революционных событий в Забайкалье, 1905—1907 гг. — В кн.: Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг. Чита, 1955, с. 423—433; Кудрявцев Ф. А., Тагаров З. Т. Хроники революционного движения в Иркутской губернии. — В кн.: Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955, с. 137—149; Хроника революционных событий в Красноярске. — В кн.: 1905 год в Красноярске. Красноярск, 1955, с. 207—220; Пугачев Л. 1905 год в Томске (календарь революционных событий). — Томск, 1956, № 9, с. 85—91; Хроника событий (1905—1907 гг.). — В кн.: Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905—1907 гг. Омск, 1956, с. 241—256; Клеткин И. Д. и Маркова Т. Т. Хроника важнейших событий в Омске в период первой русской революции (1905—1907 гг.). — В кн.: Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). Омск, 1957, с. 276—293; Хроника основных событий. — Документы о революционных событиях 1905—1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957, с. 187—188; Петрова Е. И. Краткая хроника революционных событий в Западной Сибири в период 1905—1907 гг. — В кн.: Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. Новосибирск, 1958, с. 570—589.

массового рабочего движения представлялась весьма неполной.

Выявление фактов рабочего движения в Сибири и их систематизация значительно усилилась в период подготовки «Истории Сибири». В 60-е — начале 70-х гг. вышли в сборниках документов и отдельными публикациями 13 хроник рабочего движения по различным отраслям и районам, больше всего по приискам Восточной Сибири²⁶. Методически их уровень повысился, обязательными стали отсылки к конкретным источникам, включение в аннотации места события, числа участников, основных требований. Публикации, как правило, сопровождалось статистическим анализом двух главных показателей — числа выступлений и участников. Краткость аннотаций, однако, не позволяла достаточно полно су-

²⁶ Хроленок С. Ф. Положение рабочих и рабочее движение на Ленских золотых приисках (1861—1900 гг.).—Учен. зап. Иркутский гос. пед. ин-т, 1961, вып. 8, 72 с. (Указана хроника событий с 1850 по 1896 гг.); Овсянникова Н. Д. Хроника рабочего движения в золотопромышленности Восточной Сибири с 1861 по 1905 г.—Труды/Иркутск. ун-т, 1962, вып. 2. Сер. ист., т. XXIX, с. 143—161; Хроника важнейших событий.— В кн.: Революционное движение в Тобольской губернии (1905—1914 гг.): Сб. докум. материалов. Тюмень, 1961, с. 291—297; Тюкавкин В. Г. Революционное движение в Сибири в 1907—1910 гг.— В кн.: Предпосылки Октябрьской революции в Сибири. Сибирь периода капитализма. Новосибирск, 1964, с. 185—203; Хроника важнейших событий истории партийной организации Тюменской области (с 1905 г. по 1968 г.).— В кн.: Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965, с. 334—345; Скворцова Р. С. Краткая хроника основных событий на Алтае в годы первой русской революции (1905—1907 гг.).— В кн.: Революционные события на Алтае в 1905—1907 гг.: Сб. документов. Барнаул, 1967, с. 192—197; Рабинович Г. Х. Хроника стачечного рабочего движения на золотых приисках Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967, вып. 4, с. 51—64; Мухин А. П., Артемьев В. Г. За социалистическую революцию: Летопись важнейших революционных событий в Иркутской губернии с ноября 1895 г. по март 1920 г. Иркутск, 1968, 114 с.; Патронова А. Г. Хроника рабочего движения в частной золотопромышленности Забайкалья (1861—1900 гг.).— В кн.: Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969, № 3, с. 84—91; Берснев Л. Ф. Хронология стачек в Забайкалье (июнь 1907—февраль 1917 гг.).— В кн.: Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1968, № 2, с. 30—45; Хроленок С. Ф. Хроника рабочего движения на золотых приисках Восточной Сибири (1861—1917 гг.).— В кн.: Очерки истории Сибири. Иркутск, вып. 3, 1973, с. 79—112; Чусовитина Е. И. Краткая летопись событий (1900—1937 гг.).— В кн.: Очерки истории партийной организации Кузбасса. Кемерово, ч. 1—2, 1973, с. 316—327; Кожвинов Г. Н., Прядко И. А., Сливина А. П. Красноярск в трех революциях: Хроника революционных событий в Енисейской губернии. 1895—1920 гг. Красноярск, 1974, 120 с.

доть о характере выступлений, их организационной стороне. Определение форм борьбы рабочих продолжало оставаться нечетким. Одни и те же выступления рабочих назывались у разных исследователей то стачками, то волнениями. Одни и те же стачки оценивались то как политические, то как экономические и т. д. Недостаточное внимание исследователей к источникам, подчас некритическое отношение к ним обуславливало появление ошибок в виде повторного включения фактов в хроники, неверного указания дат. Так, Н. Д. Овсянникова внесла в хронику волнение на Александровском прииске Базилевского в 1890 г., еще дважды — в 1891 и 1892 гг. со ссылкой на разные источники²⁷. Она же перенесла с Алтая в Забайкалье стачку на Быстрынском прииске 1894 г. С. Ф. Хроленок в своей хронике продублировал эти ошибки. Хроники продолжали оставаться неполными.

Исследования 60 — начала 70-х гг. значительно расширили представление о масштабах рабочего движения в Сибири, систематизировали часть материала, что нашло свое отражение в общероссийской хронике рабочего движения в 1901—1904 гг.²⁸

Рост объема фактических сведений обнаружил серьезный изъян в работе сибирских историков — отсутствие единых правил и приемов учета выступлений рабочих. Это затрудняло синтез данных, помещенных в локальных хрониках, аналитических трудах, способствовало накоплению ошибок, а в конечном счете вело к искажению реальной картины борьбы сибирского пролетариата. Необходимо было зафиксировать имеющиеся сведения о рабочем движении в регионе в едином перечне, по одной методике. Этого требовала и подготовка к изданию «Истории рабочего класса Сибири». Членами авторского коллектива первого тома названного труда была составлена и опубликована хроника стачечной борьбы в Сибири в период империализма²⁹. Она опиралась на критически обобщенный опыт предшественни-

²⁷ Овсянникова Н. Д. Указ. соч., с. 154.

²⁸ Хроника рабочего движения за 1901—1904 гг. — В кн.: Рабочее движение в России в 1901—1904 гг.: Сборник документов. Л., 1975, с. 378—538.

²⁹ Блинов Н. В., Зольников Д. М., Плотников А. Е. и др. Стаечная борьба рабочих Сибири в период империализма: Хроника, статистика, историография. Томск, 1978, 323 с.; Зольников Д. М., Максимова Л. В. О стачечном движении в Сибири в годы первой мировой войны. — В кн.: Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма. Новосибирск, 1975, с. 13—48.

ков, на материалы центральных и местных государственных и партийных архивов, дореволюционные периодические издания. Было выявлено около 400 новых стачек из общего числа 1278 учтенных, в то же время пятая часть информации о стачках, имевшаяся в литературе, оказалась необоснованной. Выявив основной массив сведений о стачках в Сибири, авторы систематизировали их по десяти показателям карточки-анкеты; после чего информация стала пригодной к статистической обработке, результаты которой также были опубликованы. Монография получила высокую оценку специалистов³⁰. Однако ни в ней, ни в появившихся позднее хрониках стачечного, рабочего, революционного движения³¹ не была дана развернутая методика учета стачек рабочих.

Острая необходимость унифицировать методику составления хроник стачечной борьбы и статистическую обработку систематизированного в них материала заставила историков проделать эту работу. Комиссией, созданной при секторе истории буржуазно-демократических революций Института истории СССР АН СССР в составе Н. В. Блинова, В. П. Желтовой, Н. А. Ивановой, В. И. Кирьянова, И. М. Пушкаревой (председатель), был разработан и представлен специалистам проект методических рекомендаций, который дважды обсуждался, последний раз на совещании в Минске (май 1981 г.). Рекомендации предлагают всем занимающимся историей рабочего движения в России еди-

³⁰ Желтова В. П., Иванова Н. А. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: Хроника, статистика, историография. — Вопросы истории, 1979, № 5, с. 154—156.

³¹ Стачечная борьба рабочих России на начальном этапе нового революционного подъема. 1910 — март 1912. Хроника событий. М., вып. 1—2, 1980, сост. Желтова В. П.; Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. М., вып. I—IV, 1982. Сост. Атапин С. С., Кудрявцева З. И., Мальцева Н. А., Павлова В. П. Отв. ред. Пушкарёва И. М.; Сивкова Е. К. Хроника событий. — В кн.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983, с. 484—517; Алексеев Г. А. Хроника событий. — В кн.: Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 гг. М., 1982, с. 412—418; Он же. Хроника событий — В кн.: Рабочий класс России 1907 — февраль 1917 г. М., с. 424—441; Берсенев Л. Ф., Патронова А. Г. Хронология стачек рабочих Забайкалья (сентябрь 1864 — январь 1917 гг.) — В кн.: История рабочего класса Восточного Забайкалья (1907—1922 гг.): Сборник документов и материалов. Иркутск, 1981, т. I, с. 300—324.

ную методикку составления и статистической обработки хроник стачечного движения пролетариата³².

Однако стачками, как ни велика их роль в освободительном движении рабочего класса, далеко не исчерпывается все разнообразие форм рабочего движения. На это еще раз указали В. Я. Лаверычев и И. М. Пушкарева в своей статье, обобщающей итоги изучения истории рабочего класса России на современном этапе историографии³³.

На совещании в Минске был поднят вопрос о разработке хроник рабочего движения, где учитывались бы все основные формы борьбы пролетариата от пассивного неорганизованного сопротивления эксплуататорам до открытой борьбы за власть под руководством политической партии. Разработка методик учета и изучения фактов стачечной борьбы сделала еще более актуальным вопрос выработки подобной же методики для анализа основных форм рабочего движения³⁴. Такая единая методика позволила бы объединить разрозненные в настоящее время усилия историков различных регионов страны, сделать результаты их работы сопоставимыми, сводимыми в единое целое³⁵. Для выработки единой методики необходимо прийти к общей точке зрения по ряду моментов, связанных с отбором объектов учета как по социальному признаку, так и по форме движения, с отбором показателей для характеристики регистрируемых фактов.

В уже существующих хрониках учитываются факты движения как наемных рабочих, так и лиц несвободного труда — работников феодализованных мануфактур, каторжных. Представляется целесообразным включать в хроники также факты стачкообразных выступлений других лиц принудительного труда: насильственно мобилизованных

³² Методические рекомендации по составлению стачечного движения пролетариата России периода капитализма. М., 1980, Проект (второй вариант рекомендаций подготовлен в 1981 г.); Демешина Е. И., Пушкарева И. М. Научное совещание в Минске. — Вопросы истории, 1982, № 2, с. 140-143.

³³ См.: Лаверычев В. Я., Пушкарева И. М. Некоторые проблемы изучения истории рабочего класса России периода империализма. — Вопросы истории, 1981, № 1, с. 24.

³⁴ Ю. И. Кирьяновым опубликована методика учета демонстраций. Кирьянов Ю. И. Демонстрации рабочих России в 1901 г. — В кн.: Рабочее движение в России в период империализма. М., 1982, с. 4-25.

³⁵ В настоящее время в секторе буржуазно-демократических революций Института истории СССР АН СССР разработана такая методика. (Вопросы истории, 1984, № 11, с. 59-92).

представителей коренного населения Казахстана и Сибири в период первой мировой войны. Представляется также целесообразным учет в качестве фактов рабочего движения выступлений всех рабочих и служащих торговли вследствие принципиальной невозможности выделить из них только рабочие выступления. В то же время вряд ли необходимо учитывать выступления приписных крестьян в период их освобождения (1861—1864 гг.). Это предмет изучения истории крестьянства.

В опубликованных хрониках рабочего движения учитываются также массовые побеги, коллективные жалобы, волнения, стачки, демонстрации, митинги, сходки, создание первых рабочих политических организаций, факты пропаганды в рабочей среде народников и социал-демократов, факты социал-демократического движения, факты из биографии В. И. Ленина, связанные с рабочим движением.

Однако отбор фиксируемых фактов в имеющихся публикациях различен для разных периодов. Так, если для 60—70 гг. XIX в. учитываются факты пропаганды народников среди рабочих, то для 90-х гг. XIX — начала XX в. показаны только факты пропаганды марксистов, деятельность других партий не учитывается. Для начала же XX в. не учитываются волнения, исключены побеги и жалобы, хотя они продолжались. Фиксирование внимания на различных этапах движения на разные его формы не только не позволяет дать процесс в динамике, но упрощает и искажает его. Следовательно, только полный учет всех форм борьбы, последовательно проведенный принцип отбора позволит отразить наиболее точно саморазвитие рабочего движения, рост его организованности в зависимости от классовой зрелости различных его отрядов и эффективности работы социал-демократов.

Безусловно, необходимо включение в хронику восстаний, фактов создания Советов рабочих депутатов, стачечных комитетов с функциями власти, фактов избрания в Государственную думу рабочих и социал-демократических депутатов, их запросов, издания рабочих и с.-д. газет и журналов, создания рабочих организаций (от потребительских кооперативов до профсоюзов), фактов ответного террора против эксплуататоров и властей.

Отбор объектов фиксирования должен учитывать необходимость и возможность их дальнейшей статистической обработки. Необходимо решить вопрос о порядке регистра-

ции сложных выступлений, представлявших различные комбинации форм рабочего движения, например, стачки с демонстрациями, митингами, сходками и т. д. В практике составления хроник крестьянского движения в России принято за правило фиксировать сложные выступления по высшей форме движения³⁶. Это оправдано. В предлагаемой методике формы рабочего движения рассматриваются в определенной иерархии по массовости, организованности, задачам. Сформулировано содержание понятий основных форм движения. Авторы предлагают в хрониках учитывать сложные выступления по высшей форме движения как один факт.

Для сбора информации разработаны единые карточки-анкеты для различных форм движения с перечнем вопросов.

Наиболее целесообразной представляется техника записи отдельного факта в виде краткой статьи с указанием даты, места события, его обозначения, краткой аннотации с пропуском тех пунктов анкеты, по которым нет сведений, с постаейными ссылками на источники. Даты лучше указывать только по старому стилю.

Предложенные соображения по методике составления хроник рабочего движения опираются в основном на опыт работы в сибирском регионе (с учетом, разумеется, опыта составления общероссийских хроник).

I. Предмет учета

В хронике учитываются факты активных коллективных выступлений наемных и подневольных рабочих Сибири; биографии В. И. Ленина, связанные с рабочим движением в Сибири; возникновения и деятельности рабочих и социал-демократических организаций, выпуска листовок, газет и журналов; предъявления требований и прошений, жалоб; погони, проявления индивидуального террора и др.

а. Учитываемые формы движения в порядке их масштабности и организованности:

1. Восстания.
2. Стачки.
3. Демонстрации.
4. Митинги и собрания.
5. Сходки (маевки, массовки).
6. Сборы средств для поддержки бастующих или пролетарских изданий.

³⁶ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1966, с. 43.

7. Волнения.
8. Факты партизанской борьбы.
9. Индивидуальный террор.
10. Побег с предприятий.
11. Требования, петиции, прошения, жалобы.
6. Рабочие и партийно-пролетарские организации:
 1. Первые политические организации (союзы) рабочих.
 2. Факты биографии В. И. Ленина.
 3. Рабочие социал-демократические кружки, группы, комитеты, союзы РСДРП, конференции, съезды.
 4. Советы рабочих депутатов.
 5. Стаечные комитеты с функциями власти (например, смешанные комитеты в 1905 г.).
 6. Избрание рабочих депутатов в Государственную думу, их запросы.
 7. Профсоюзы.
 8. Общества взаимопомощи.
 9. Кооперативы, ссудо-сберегательные кассы.
 10. Больничные кассы.
 11. Рабочие клубы.
- в. Издания рабочих организаций и РСДРП:
 1. Журналы.
 2. Газеты.
 3. Листовки.

II. Определения основных форм борьбы:

ВОССТАНИЕ — открытое массовое вооруженное выступление против государственной политической власти.

СТАЧКА — массовое прекращение работы для отстаивания предъявленных предпринимателям или властям требований, для выражения солидарности, протеста и других целей.

ДЕМОНСТРАЦИЯ — массовое шествие для выражения общественно-политических настроений, требований, протеста, солидарности.

МИТИНГ — массовое открытое собрание с политическими или экономическими целями.

СХОДКА (маевка, массовка) — конспиративное собрание в пропагандистских, агитационных и организационных целях.

ВОЛНЕНИЕ — открытое массовое выступление наемных рабочих достачечного типа, сопровождавшееся нарушениями

ми производственного или общественного порядка, но без коллективного прекращения работ. К волнениям отнесены массовые бунтарские действия, открытые уходы с предприятий до истечения контактных сроков без попытки отстоять требования или для подачи жалоб, столкновения с администрацией, полицией, войсками³⁷.

АКТ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕРРОРА — применение любого насилия против представителей власти или администрации и хозяев предприятия, как протест против эксплуатации и произвола (избиения, убийства, поджоги и др.).

ПОБЕГ — скрытый уход наемных рабочих с предприятия до истечения контрактного срока.

ЖАЛОБЫ, ПЕТИЦИИ — предъявление требований, письменное или устное прошение группы рабочих для защиты экономических интересов или с выражением протеста.

III. Методика учета

Сложные выступления регистрируются по высшей форме борьбы как один факт. Например, жалобы и побег, сопровождавшие волнения, отдельно не фиксируются, так же, как не учитываются волнения, переросшие в стачки, митинги, вылившиеся в демонстрацию, сходки во время забастовки.

При регистрации форм рабочего движения, учитываются следующие показатели:

ВОССТАНИЕ — дата и продолжительность, место, число и состав участников, ход, длительность, уровень организованности, руководства, результат, репрессии, источник информации.

ДЕМОНСТРАЦИЯ, МИТИНГ, СХОДКА — дата, место, число, социальный и профессиональный состав участников, цели, лозунги, политическое руководство, репрессии, источник информации.

СТАЧКА — дата, место, название предприятия, число рабочих на предприятии, основные мотивы и требования (их характер), характер организованности, руководители, число участников, продолжительность, число потерянных человеко-дней, результат, репрессии, источник информации. (Подроб-

³⁷ За основу формулировки взято определение Н. Н. Лещенко. См.: Лещенко Н. Н. Методика статистического изучения размаха и форм крестьянского движения XIX в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г. Киев, 1962, с. 60.

ная методика учета разработана комиссией и одобрена на совещании в Минске в мае 1981 г).

ВОЛНЕНИЕ — дата, место, предприятие, число рабочих (на предприятии), число участников, длительность, основные требования, форма протеста, результат, репрессии, источник информации.

АКТ ТЕРРОРА — дата, место, предприятие, характер, источник информации.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ЖАЛОБЫ, ПЕТИЦИИ — дата, место, предприятие, количество рабочих на предприятии, число участников, основные цели, результат, репрессии, источник информации. Индивидуальные жалобы и прошения не регистрируются вследствие невозможности их полного учета.

ПОБЕГ — годовая сумма по отраслям производства, число рабочих в отрасли.

Факты проявления организованности рабочих:

ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАБОЧИЕ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ — дата, место, предприятие, число членов, руководители, их идейные позиции, источник информации.

ГРУППЫ, КОМИТЕТЫ, СОЮЗЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ РСДРП — дата возникновения или проведения, место, численность, социальный состав, фамилия организаторов, их идейные позиции, основные решения (для конференции и съездов), источник информации.

СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ — дата, место, социальный и партийный состав, основные функции и мероприятия, источник информации.

СТАЧЕЧНЫЕ КОМИТЕТЫ С ФУНКЦИЯМИ ВЛАСТИ — дата, место, состав, политическая ориентация, основные функции и мероприятия, источник информации.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ — дата образования, время существования, место, предприятие, число рабочих на предприятиях, в отрасли, средняя численность членов организации, легальность, политическая ориентация, источник информации.

Издания РСДРП и рабочих организаций:

ЖУРНАЛ, ГАЗЕТА, БЮЛЛЕТЕНЬ и т. д. — название, дата, место, легальность, тираж, число номеров, политическая ориентация, редакторы, источник информации.

ЛИСТОВКА, БРОШЮРА — дата, заголовок, кто издавал, тираж, способ издания, место распространения, партийно-политический характер, источник информации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Карточка-анкета

для регистрации выступлений рабочих

- Индекс профессии _____
2. Дата события _____
3. Место события _____
4. Название предприятия _____
5. Число рабочих на предприятии _____
6. Форма выступления _____
7. Основные мотивы и требования, их характер (политический, экономический, смешанный) _____
8. Характер организованности, руководители _____
9. Число участников выступления, социальный состав _____
10. Продолжительность (для стачек и волнений) _____
11. Число потерянных человеко-дней (для стачек) _____
12. Результат (победа, компромисс, поражение, общественный резонанс) _____
13. Репрессии _____
14. Источник информации _____
15. Примечание _____

2. Карточка-анкета

для регистрации рабочих организаций

1. Даты существования _____
2. Форма организации, название _____
3. Место _____
4. Предприятие _____
5. Число рабочих на предприятии (для партийных организаций — в городе, промышленном районе) _____

6. Число членов организации _____
7. Количество рабочих в общем числе членов _____
8. Легальность _____
9. Идеино-политическая ориентация _____
10. Печатный орган _____
11. Внутренняя структура _____
12. Причина ликвидации, репрессии _____
13. Источник информации _____
14. Примечание _____

3. Карточка-анкета

для регистрации изданий рабочих
организаций

1. Дата _____
2. Вид издания _____
3. Название или заголовок _____
4. Легальное или нелегальное _____
5. Основное содержание, о чем (для листовок) _____
6. Издающая организация _____
7. Идеино-политическая ориентация _____
8. Тираж _____
9. Количество номеров (для газет и журналов) _____
10. Место распространения _____
11. Источник информации _____
12. Примечание _____

4. Карточка учета

Партийных, профсоюзных совещаний,
съездов, конференций

1. Дата проведения _____
2. Место проведения _____

3. Число участников _____
4. Социальный состав _____
5. Идеино-политическая ориентация участников _____
6. Основные резолюции _____
7. Источник информации _____
8. Примечание _____

Примечания к карточкам-анкетам

Карточка-анкета № 1 рекомендуется для регистрации пассивных и активных выступлений рабочих, восстаний, демонстраций, митингов, сходок, стачек, волнений, петиций, жалоб и прошений.

Карточка-анкета № 2 — для регистрации рабочих организаций и их участия в организациях, не однородных по социальному составу (в том числе буржуазных и монархических): кружков, групп, комитетов РСДРП, Советов, стачечных комитетов с функциями власти, профсоюзов, обществ взаимопомощи, касс, клубов.

Карточка-анкета № 3 — для регистрации изданий РСДРП и других партий, обращенных к рабочим, а также изданий профсоюзов; листовок, брошюр, газет, журналов.

Карточка-анкета № 4 — для регистрации партийных (РСДРП) и профсоюзных съездов, конференций, совещаний, состоявшихся в Сибири.

Конкретные рекомендации:

1. При фиксировании даты события указывать год, месяц, число, при отсутствии сведений о таковых — иные временные координаты (например: время года, церковные праздники), имеющиеся в тексте источника.

2. При фиксировании места события указывать губернию, город или уезд (округ), населенный пункт (для судорбочих, лесорбочих, рыбаков — ближайший пункт, указанный в тексте источника), кроме того, для горнорабочих — горный округ, для рабочих-строителей путей сообщения — участок стройки.

3. При фиксировании предприятия указывать его официальное название, фамилию владельца или арендатора, подрядчика.

4. При регистрации сложных выступлений учитывать их по высшей форме проявления борьбы с указанием прочих.

5. При отсутствии точных сведений о численности рабочих во время выступления, а также при регистрации рабочих организаций, указывать среднегодовую численность работающих.

6. (К пункту I. Карточки-анкеты № 1). Индексы профессиональных отрядов рабочих: Обр. — рабочие обрабатывающей промышленности, включая и горные заводы — металлургические и солеваренные; Печ. — печатники, рабочие типо- и литографий; Горн. — горняки, рабочие рудников, приисков, соляных разработок; Ж/д. — железнодорожники; Водн. — водники, рабочие речного транспорта, включая грузчиков и рабочих затонов; Гор/хоз. — рабочие городского хозяйства и транспорта; Прик. — приказчики, рабочие и служащие торговли, ресторанов, трактиров, гостиниц; Рыб. — рыбаки; Лес. — лесорубы; Тел. — почтово-телеграфные рабочие и служащие; Стр. — строители.

7. (К пункту № 7 карточки-анкеты № 1). При определении характера выступления указать непосредственный повод к выступлению, перечислить основные требования, лозунги.

8. (К пункту № 8 карточки-анкеты № 1). При определении характера организованности выступлений указать форму выработки и предъявления требований (если таковые предъявлены): толпой, через выборных делегатов, стачечный комитет, профессиональный союз, листовки, комитет РСДРП, указать характер связи с политическими организациями, назвать руководителей, их политическую принадлежность и позицию.

9. (К пункту № 9 карточки-анкеты № 1). При регистрации численности участников выступлений рабочих указывать, в случае отсутствия точных цифр, словесные формулировки — «часть», «все» и т. д. Для смешанных по социальному составу выступлений — митингов, демонстраций, сходок — указать количество или долю рабочих, социальной принадлежности остальных участников.

10. (К пункту № 10 карточки-анкеты № 2). При регистрации печатного органа организации указывать лишь его название и год издания.

А. П. ТОЛОЧКО

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ
В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПОДЪЕМА (1907—1914 гг.)**

Обращения к источниковедческому аспекту социально-политической истории сибирских рабочих в эпоху капитализма, в том числе и к характеристике архивных документов, являются, как правило, единичными в исследовательской литературе¹. Столь же фрагментарное рассмотрение получил этот вопрос и в публикациях по истории рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема. Встречающиеся в некоторых работах обзоры архивных документов сводятся в основном к перечислению фондов тех или иных архивохранилищ, материалы которых использованы исследователями, но в них редко ставится задача раскрыть методику разыскания и классификации источников, выявить уровень репрезентативности и показать их информативные возможности. В силу отсутствия специальных работ такое источниковедческое осмысление представляется совершенно необходимым.

Неопубликованные источники по истории рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема хранятся во многих центральных и местных архивах, но ни в одном из них не составляют сколько-нибудь полного комплекса, что затрудняет возможность как их выявления, так и источниковедческого анализа. Поэтому при характеристике неопубликованных документов автор предлагаемой статьи базировал свои суждения на изучении фондов целого ряда архивов², что позволяет сравнительно полно охватить источники, отражающие так или иначе социально-политическую историю сибирских рабочих.

¹ См.: Блинов Н. В. Очерки дореволюционной историографии и источниковедения рабочего класса Сибири. Томск, 1974, с. 75.

² Материалы ЦГАОР, ГААК, ГАКК, ГАИО, ГАТО, ГАОО.

Использованные архивные источники по их характеру и происхождению можно разделить на следующие основные группы: 1) документы социал-демократических организаций Сибири; 2) материалы и документы, исходящие от самих рабочих и их профессиональных и кооперативных организаций; 3) материалы делопроизводства Департамента полиции, Временной канцелярии министерства юстиции, Штаба отдельного корпуса жандармов и местных карательных и административно-управленческих органов царизма в Сибири.

Прямым источником по истории рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.) являются документы местных организаций РСДРП. Эти документы представлены листовками, перепиской, отчетами и т. п. За немногим исключением большинство их до настоящего времени нигде не публиковалось³, в силу чего историки вынуждены полагаться, главным образом на свои разыскания в архивах. Из числа партийных документов, вышедших из среды сибирских организаций РСДРП, более полно представлены в архивах листовки, вследствие этого они, вероятно, и привлекли наибольшее внимание исследователей. В последние 15—20 лет Н. Н. Щербаковым, В. М. Самосудовым, Д. И. Копыловым, Л. Ф. Берсеневым, В. Марьиным, рядом других авторов проделана значительная работа по выявлению листовок и вовлечению их в научный оборот⁴. Однако листовки привлекались исследователями в основном для выяснения идейных позиций организаций РСДРП в Сибири, а иногда — только лишь как иллюстративный материал для показа издательской деятельности местного партийного подполья. В то же время в имеющихся публикациях информативные возможности листовых изданий и других материалов партийного

³ Исключение составляет сб. док. «Революционное движение в Тобольской губернии в 1905-1914 гг.» Свердловск, 1981, 384 с.

⁴ Копылов Д. И. Тюменская организация РСДРП в годы столыпинской реакции. — Учен. Зап./Тюменский пед. ин-т., 1969, сб. 26, вып. 6, с. 5-26; Самосудов В. М. Революционное движение в Западной Сибири (1907-1917 гг.). Омск, 1970, 225 с.; Берсенева Л. Ф. Прокламации читинских большевиков в годы реакции (1907-1910 гг.). — В кн.: Проблемы краеведения. Чита, 1972, вып. 7, с. 8-10; Марьин В. Подпольная большевистская печать на Алтае (1905—1919 гг), Барнаул, 1971, 46 с.; Щербаков Н. Н. Ссылные большевики и социал-демократическое движение в Сибири (1906—1910 гг.) — В кн.: Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 гг.). Иркутск, 1974, вып. 2, с. 123-174.

происхождения как источника по истории рабочего движения в Сибири в 1907—1914 гг. используются еще явно недостаточно. Эти листовки могут дать исследователям значительный материал для решения вопроса о роли рабочих в строительстве сибирских организаций РСДРП в 1907—1914 гг., влиянии рабочих-передовиков на формирование идейных позиций партийного подполья. Например, судя по содержанию прокламаций Красноярского и Читинского комитетов РСДРП, изданных в начале нового революционного подъема, можно говорить об усилении влияния в этих организациях сторонников ленинской тактической линии сплочения социал-демократического подполья на антиликвидаторской основе путем единства «снизу», путем опоры на рабочие партийные группы и ячейки. Так, в прокламации «Товарищи», распространенной в Чите в августе 1910 г., местные социал-демократы призывали рабочих города последовать примеру пролетариев центральных районов России и, взяв партийные дела в свои руки, укрепить нелегальную организацию РСДРП, чтобы «идти решительной и твердой поступью на борьбу за 8-часовой рабочий день, за демократическую республику, за социализм»⁵. В выпущенном в июле 1911 г. воззвании «Ко всем рабочим и работникам Красноярска» красноярские социал-демократы, излагая основные задачи организационно-партийного строительства, также указывали на ведущую роль рабочих в этом процессе. Подчеркивая необходимость рабочим добиваться единства «снизу» и этим единением разрушать препятствия на своем пути, члены партийного подполья обращались к пролетариям города со следующим призывом: «Пора и нам, товарищи, за дело! Довольно Красноярску спать! Мы должны восстановить разрозненные ряды! Мы должны организоваться в единую социал демократическую партию»⁶.

Конечно, только этим информативные возможности партийных документов и материалов не ограничиваются. Листовки, отчеты, переписка комитетов РСДРП в Сибири содержат немало фактов, свидетельствующих об уровне социального развития различных отрядов местного пролетариата, они проливают свет на характер и формы партийной работы среди трудящихся Сибири. Разумеется, хранящиеся в архивах документы сибирских организаций РСДРП не могут характеризовать местное рабочее движение в 1907 —

⁵ ГАИО, ф. 245, оп. 1, д. 1497, л. 31.

⁶ ГАИО, ф. 600, оп. 1, д. 589, л. 34-35.

1914 г. в целом, но взятые в совокупности они способны существенно обогатить конкретно-фактическим материалом имеющиеся знания.

Для рассмотрения различных форм и проявлений рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема важное информативное значение имеют отложившиеся в архивах материалы, исходящие от самих рабочих, а также документы легальных пролетарских организаций.

Материалы, исходящие непосредственно от рабочих, представлены жалобами, прошениями, требованиями и т. п. Они являются важным источником по изучению пассивных форм протеста. Содержание документов дает возможность судить о настроениях различных слоев рабочих, уровне их классовой зрелости, реакции на действия предпринимателей и т. д. В сибирских архивах в фондах административно-управленческих учреждений нами разыскано значительное количество жалоб, прошений и требований. Однако в связи с тем, что в Сибири не существовало специального органа, призванного учитывать поступающие жалобы рабочих, а в какой мере была поставлена эта работа в административно-ведомственных учреждениях, остается только догадываться, трудно судить о полноте выявленного материала. Указанная причина значительно снижает значение этой группы источников и позволяет говорить о месте пассивных форм протеста в движении сибирских рабочих лишь с известной долей предположительности.

Среди документов, вышедших из среды легальных рабочих обществ (профсоюзов и кооперативов), значительный интерес для формирования источниковой базы представляют уставы и отчеты. В краевых и областных архивах Сибири автору удалось обнаружить уставы и отчеты целого ряда легальных профсоюзов, действовавших в годы реакции и нового революционного подъема в Томске, Красноярске, Барнауле, Ачинске, Канске, Минусинске, других городах. В местных архивах отложились (правда, гораздо менее полно) также уставы и отчеты некоторых рабочих и общегородских кооперативов.

По своему назначению и времени появления уставы и отчеты заметно отличаются друг от друга. Уставы создавались в процессе событий, отчеты — по истечении определенного срока с начала функционирования рабочих организаций. Уставы фиксируют основные задачи и структуру проф-

союзов и кооперативов, принципы членства в них, в то время как отчеты содержат преимущественно информацию об основных направлениях деятельности рабочих организаций за определенный промежуток времени.

При работе с документами легальных рабочих организаций, особенно уставами, необходимо учитывать и следующее обстоятельство: добиваясь легализации профсоюзов, их учредители вынуждены были составлять уставы в соответствии с положениями «Временных правил о профессиональных обществах», согласно которым профсоюзам запрещалось выступать на стороне трудящихся во время их конфликтов с предпринимателями. Частыми были случаи, когда местные органы царской администрации отказывались регистрировать профсоюзы, если их уставы не отвечали духу «Временных правил». Так, в 1909 г. губернская администрация под этим предлогом дважды отказывала в утверждении устава профсоюза печатников в Томске⁷.

Поэтому вполне естественно, что уставы легальных профсоюзов Сибири несут на себе печать ограничительных условий «Временных правил о профессиональных обществах». В частности, уставы томского профсоюза печатников, красноярского, ачинского, канского, минусинского профессиональных обществ торговых служащих, ставя в качестве основных задач защиту и улучшение экономических и правовых интересов своих членов, в то же время ограничивали возможность их практического осуществления «законными способами» (посредничеством между хозяевами и рабочими, ходатайствами к предпринимателям, оказанием материальной взаимопомощи и т. п.)⁸. Однако в практической деятельности профсоюзы, расширительно трактуя свои задачи, нередко негласным порядком создавали стачечные фонды и принимали участие в руководстве забастовочными выступлениями⁹. Эта сторона деятельности профсоюзов раскрывается преимущественно в источниках другой группы — материалах жандармско-полицейских органов. То есть только в комплексе с другими группами источников документы ле-

⁷ ГАИО, ф. 3, оп. 3, д. 6531, л. 20, 24, 28.

⁸ Там же, л. 42. (Из устава томского профсоюза рабочих печатного дела); ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 1350, л. 35-39. (Из уставов красноярского, канского, ачинского, минусинского профсоюзов торговых служащих).

⁹ Толочко А. П. К истории профсоюзного движения рабочих и служащих в Сибири в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.) — В кн.: Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979, с. 150-151.

гальных рабочих организаций способны передать сравнительно полную картину профсоюзного и кооперативного движения в Сибири в 1907—1914 гг.

Наиболее широко представлены в архивах документы и материалы центральных и местных карательных органов царизма, а также материалы делопроизводства административно-управленческих учреждений Сибири. В агентурных донесениях, рапортах полицейских чинов, жандармов и администраторов, протоколах допросов и обвинительных заключениях, политических обзорах сибирских губернаторов, отчетах начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений в Департамент полиции, переписке по революционному движению и других документах собран, как правило, весь известный царским властям материал о рабочем и социал-демократическом движении. Указанные источники содержат сведения о конкретных проявлениях классовой борьбы (стачках, волнениях и др.), о состоянии и деятельности организаций РСДРП, профсоюзов, кооперативов и т. д. Ввиду ярко выраженной классовой тенденциозности эти документы заметно уступают по своей исторической достоверности охарактеризованным выше источникам первых двух групп. Поэтому необходимо использовать их с учетом характера и происхождения, тщательно проверяя содержащиеся в них сведения.

Информативные возможности документов этой группы можно раскрыть на примере составления хроники стачечного движения. Как известно, в Сибири, где фабричная инспекция была введена только с июля 1913 г., исследователи не располагают обобщенными сведениями по стачечному движению, которые имеются по многим другим районам и опубликованы в «Сводах отчетов фабричных инспекторов». В связи с этим возрастает роль неопубликованных источников.

Так, например, большое количество стачек выявлено автором при изучении материалов фонда Департамента полиции ЦГАОРа и фондов губернских, горных и губернских жандармских управлений в сибирских архивах¹⁰. Жандарм-

¹⁰ Нельзя согласиться с мнением И. Т. Белимова, что в архивах практически нет документов о стачках периода 1907—1914 гг., вследствие чего необходимо всецело полагаться на периодическую печать тех лет. Белимов И. Т. К вопросу о статистике стачек в Сибири в 1907—1917 гг. — В кн.: Проблемы истории советского общества Сибири. Новосибирск, 1970, вып. 1, с. 176-177.

ские органы и администраторы внимательно следили за проявлениями забастовочного движения и обязаны были представлять подробные сведения о нем в Департамент полиции. Чиновники Департамента полиции систематизировали сведения и на их основе составляли ежемесячные сводки о стачечном движении в отдельных губерниях. Эти сводки, в том числе и по всем сибирским губерниям и областям, сосредоточены в материалах 4-го делопроизводства фонда Департамента полиции. В них содержатся, как правило, данные о месте и времени забастовок, их характере, числе участников и т. д.

Необходимым дополнением к документам 4-го делопроизводства фонда Департамента полиции служат материалы фондов местных карательных и административно-управленческих органов царизма, хранящиеся в сибирских архивах. Материалы этих фондов не только дублируют данные ежемесячных сводок, но позволяют выявить ряд новых забастовок. Дело в том, что сведения о стачках на мелких предприятиях далеко не всегда сообщались в Департамент полиции. В большинстве своем они исключались местными властями при составлении донесений и отложились преимущественно в сибирских архивах. В целом изучение материалов фонда Департамента полиции и местных архивов дает, по нашему мнению, возможность собрать необходимую информацию для воссоздания близкой к действительности картины стачечного рабочего движения.

Предпринятая попытка характеристики архивных источников по истории рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.) свидетельствует, что их информативные возможности использованы советскими историками далеко не полностью и могут быть успешно реализованы лишь при сочетании с источниковедческим анализом.

В. И. ЗИНОВЬЕВА

ХРОНИКА СОЗДАНИЯ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1876—1907 гг.)

Выявление и систематизация организаций рабочего класса позволяет сделать более точные выводы о степени его организованности как об одном из основных условий осуществления им роли гегемона в революционном движении в России.

Регистрация фактов создания рабочих организаций является необходимым элементом хроник рабочего и революционного движения¹. Применительно к Западной Сибири они публиковались в основном в качестве приложений к сборникам документов по истории революционного движения в крае². Специальных хроник рабочих организаций опубликовано немного³.

Настоящая статья является первым опытом публикации хроники рабочих организаций Западной Сибири: первых социал-демократических кружков, комитетов и групп РСДРП, железнодорожных комитетов, профсоюзов, потребительских и ссудосберегательных товариществ, культурно-просветительных обществ. При составлении хроники автор учитывал данные о времени и месте существования органи-

¹ См., например: Петровская С. В. Хроника рабочего движения в России, 1875—1884 г. — В кн.: Рабочее движение в России, т. 2, ч. 2, с. 644—676; Хроника рабочего движения за 1901—1904 гг. — В кн.: Рабочее движение в России в 1901—1904 гг. Л., 1975, с. 378—538.

² См.: Хроники революции 1905—1907 гг. Указатель литературы. М., 1979, с. 60-67.

³ Кац А. Хроника профессионального движения рабочих в России (1840—1903 гг.) — В кн.: Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 1. М., 1924. Он же. Хроника профессионального рабочего движения в России (1870—1899 гг.). Там же, с. 295-331; Хроника рабочего и профессионального движения в 1905 г. — Вопросы профдвижения. М., 1935, № 2-12; Зольников Д. М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и февральской революции. Новосибирск, 1982, с. 160-167, 172-180.

заций, числе их членов, легальности, идейно-политической ориентации, наличии печатного органа, внутренней структуры, основные виды деятельности. В каждом конкретном случае указан источник информации.

Анализ хроники показывает, что за период 1876—1907 гг. в Западной Сибири была создана 81 организация рабочих, в том числе 15 социал-демократических кружков, групп и комитетов РСДРП, 13 железнодорожных комитетов, 29 профсоюзов, 5 кооперативов, 7 ссудосберегательных касс, 11 обществ взаимопомощи, 1 рабочий клуб. В дореволюционный период рабочими Западной Сибири было образовано 25 организаций, преимущественно экономических — ссудосберегательных товариществ, обществ взаимопомощи и кооперативов (18 из 25). Накануне революции в Западной Сибири, как и в стране в целом, шел процесс соединения стихийного рабочего движения с социалистической теорией, возникли первые марксистские кружки, Сибирский социал-демократический Союз, затем комитеты и группы РСДРП.

Наивысший период организационного творчества рабочего класса России (в том числе и Западной Сибири) приходился на октябрь—декабрь 1905 г. В это время появляются зачаточные органы новой революционной власти — стачечные и смешанные комитеты железнодорожников, происходит быстрый рост профессиональных союзов, возникает новый тип культурно-просветительных обществ — рабочие клубы. Всего за три месяца 1905 г. в Западной Сибири были созданы 34 рабочие организации (из них 5 групп РСДРП).

Организационная самодеятельность масс продолжалась и во второй период революции, но возможности ее роста постоянно сокращались из-за полицейских преследований. В 1906—1907 гг. образовалось 19 профессиональных объединений (из них только 5 действовали легально) и три социал-демократические группы.

В хронике отражены процесс формирования и совершенствования внутренней структуры организаций РСДРП в революционный период, их руководящая роль в создании и деятельности различных типов рабочих организаций.

Составленная хроника рабочих организаций Западной Сибири позволяет, таким образом, проследить рост организованности и сознательности одного из отрядов пролетариата страны, показать конкретные организационные формы соединения политической и экономической борьбы пролетариата края.

Хроника:

13 августа 1876 г. Томская губ., с. Гурьевское. Сельское ссудосберегательное товарищество: входили рабочие Гурьевского завода, 1880 г. — 95 чл. ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 5, л. 22; Поникаровский Д. Сельское общество Салаирской волости. — Записки ЗСОИРГО. Кн. 4, Омск, 1882, с. 48.

1877 г. Томская губ., с. Салаирское. Ссудосберегательное товарищество: входили рабочие Салаирского рудника, 1880 г. — 267 чл. Поникаровский Д. Указ. соч., с. 22.

1888—1897 г. Томская губ., с. Гурьевское. Ссудосберегательная касса служащих и рабочих Гурьевского чугуноплавильного и железоделательного завода: 1888 г. — 24 чл., 1892 г. — 29 чл., 1893 г. — 34 чл. Устав утвержден в 1893 г., основные виды деятельности — благотворительная и выдача денежных ссуд. ГАКО, ф. 7, оп. 1, д. 5; ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 64.

1891—1911—? гг. Томск. Общество взаимного вспоможения приказчиков: 1892 г. — 151 чл. (71 чл. — приказчики, остальные — управляющие и конторщики), 1900 г. — 224 чл., 1905 — 200 чл., 1907 г. — 261 чл., легальное, основные виды деятельности — культурно-просветительная и взаимопомощь, 1894 г. — открыта библиотека, 1902 г. — школа (в 1907 г. обучалось 80 чел.). Сибирская жизнь, 1906 г. 16 мая; 1907, 3 июня, 8 дек.; Антошкин Д. Очерк движения служащего (со второй половины XIX в.). М., 1921, с. 8.

1895—? Тобольская губ., г. Тюмень. Общество взаимного вспоможения приказчиков: 1895 — 92 чл., основные виды деятельности — культурно-просветительная и взаимопомощь. ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 2, л. 16.

14 апр. 1896 — осень 1905 г., с 1908 г. по 1912 г. деятельность возобновлена. Акмолинская обл., Омск. Общество взаимного вспоможения приказчиков: 1896 — 122 чл., основные виды деятельности — культурно-просветительная, взаимопомощь. Сибирский приказчик, 1906, 31 авг.; ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 4, л. 4.

1896—1897 гг. Томск. Типографии города. Рабочий кружок социал-демократического направления: инициатор создания В. Е. Воложанин, члены кружка Н. Дербышев, Н. Барашков, Н. Баранов (Урубков), Д. Богданов, Н. Калмыков, сестры А. и С. Соболев, Е. Решетов, Я. Беляев, А. Сачава, Г. и И. Сенокалис, Н. Дробышев, Е. Муравьев, И. Селезнев. Основной вид деятельности — пропагандистс-

кая социал-демократическая работа, экономическая агитация. Блинов Н. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972, с. 95—98.

1897—1901 гг. Томск. Типографии города. Социал-демократическая рабочая группа: центральный кружок—В. Е. Воложанина, в 1899 г. — имелось 10 рабочих кружков, основные виды деятельности — социал-демократическая пропагандистская работа, экономическая агитация. История коммунистической партии в 6-ти томах. Т. 1, М., 1964, с. 561; Блинов Н. В. Указ. соч., с. 96.

1897—1917 гг. Томская губ., с. Зырянское. Общество потребителей на Зырянском руднике: 1897 г. — 150 чл., 1916 г. — 88 чл., с 1903 г. после закрытия Зырянского горнопромышленного общества прекратило свою деятельность, вновь активизирует свою деятельность с 1916 г. ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 2409, л. 11, 16, 31; ф. 196, оп. 7, д. 106 «а», л. 4; ГААК, ф. 160, оп. 4, д. 884.

Март 1898 — ? Томская губ., с. Гурьевское. Общество потребителей на Гурьевском заводе: 1898 г. — 27 чл., основной вид деятельности — улучшение снабжения рабочих и служащих предметами первой необходимости. ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 4219, л. 2, 18.

1898—1917 гг. Сибирская железная дорога. Общество потребителей на Сибирской железной дороге: 1898 г. — открыто Томское и Красноярское отделения, в 1899 г. — Омское, Иланское, Иннокентьевское, Зимовское, Боготольское, Канское, Карачинское, Тайгинское, основной вид деятельности — улучшение снабжения рабочих и служащих предметами первой необходимости, 1904 г. — торговый оборот — 16 тыс. руб. ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3290, л. 2; список всех потребительских обществ России как действующих, так и закрывшихся на 1 янв. 1912 г. Спб. 1912, с. 169.

1899 г. Акмолинская обл., г. Омск. Железнодорожные мастерские и депо. Рабочий кружок социал-демократического направления: нелегальный, инициатор создания — кузнец Е. А. Грозный, входили рабочие Бобров, Торопов, Молотовников, организовали стачку в кузнечном цехе железнодорожных мастерских. Блинов Н. В. Указ. соч., с. 100.

1899 г. — Томск. Типографии города. Рабочая касса взаимопомощи: нелегальная, создана по инициативе социал-демократического кружка, возглавлявшегося В. Е. Воложаниным, основной вид деятельности — взаимопомощь и

материальная поддержка во время стачек, в этом же году разгромлена полицией. ГАОО, ф. 25, оп. 1, д. 133а, л. 21, 78; АТОКМ, оп. 4, д. 52, л. 19.

1899—1901 гг. Томск. Касса рабочих столярной мастерской Тренцова и фабрики Лопуховой; создана с целью материальной помощи стачечниками. ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 5, л. 19; д. 63, л. 19.

1900 г. Томская губ., ст. Тайга. Марксистская пропагандистская группа; нелегальная, входили рабочие И. П. Тимофеев, И. К. Гудимов, И. Л. Проминский, Б. М. Рачкевич, Я. В. Годлевский. Блинов Н. В. Указ. соч., с. 102—103.

Не позднее апреля 1901 г. г. Томск. Сибирский социал-демократический союз: создан на базе Томской социал-демократической организации, объединил Иланскую, Иркутскую, Красноярскую, Омскую, Тайгинскую, Томскую, позже Читинскую социал-демократические организации. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1, с. 569, 580; Блинов Н. В. Указ соч., с. 119—130.

13 июня 1901 г. — 1904 г. Томская губ., г. Барнаул. Общество взаимной помощи личного труда: 1901 г. — 29 чл., 1902 г. — 143 чл., легальное, входили приказчики, конторщики, ремесленники, основные виды деятельности: культурно-просветительная, организация медицинской помощи, взаимопомощь. ГАТО, ф. 3, оп. 13, д. 1068; ф. 411, оп. 1, д. 97, л. 233 — 236.

Не позднее окт. 1901 г., г. Томск. Комитет Сибирского социал-демократического Союза: нелегальный, принял название комитета РСДРП в марте 1903 г., признал «Искру» руководящим органом, основной вид деятельности — пропагандистская социал-демократическая работа. История КПСС в 6-ти томах, т. 1, с. 572.

1901—1905 гг., г. Томск. Типографии города. Общество взаимопомощи рабочих печатного дела: 1902 г. — 116 чл., 1903 г. — 70 чл., легальное, находилось под влиянием социал-демократов, основной вид деятельности — взаимопомощь. АТОКМ, оп. 4, д. 52, л. 5; ГАТО, ф. 411, оп. 1, д. 92, л. 201, 209.

Март—апрель 1903 г. — Акмолинская обл., г. Омск. Омский комитет РСДРП: был создан в результате слияния городской и железнодорожной социал-демократических организаций, нелегальный, основной вид деятельности — демократическая пропагандистская работа. История КПСС. В 6-ти томах, т. 1, с. 581.

Осень 1903 г. — 1905 г. Томская губ., г. Новониколаевск. Трудовая артель маляров и кровельщиков: численность 8—10 чел.; с 1904 г. — артель маляров депо ст. Обь, численность 7—8 чел.; с 1905 г. — объединенная трудовая артель маляров, жестянщиков, кровельщиков, плотников, столяров, каменщиков, штукатуров, численность 20 чел, принимали участие в забастовках 1904 г., находились под влиянием социал-демократов. ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 11, л. 1, 2.

1903 г. — ? г. Томск. Ссудосберегательная касса служащих типографии и книжного магазина П. Макушина: легальная. Основной вид деятельности — взаимопомощь, находилась под влиянием социал-демократов. ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 5007, л. 6.

1903—1907 гг. г. Томск. Общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом: входили работающие в ремесленных мастерских города. 1905 г. — 200 чел., основной вид деятельности — взаимопомощь, находились под влиянием кадетов. ГАТО, ф. 129, оп. 1, д. 593, л. 90; Сибирская жизнь, 1905, 11 авг.

1904—1917 гг. Томская губ., г. Барнаул. Касса взаимопомощи служащих фирмы Смирнова: в 1908 г. легализована как общество взаимопомощи, находилась под влиянием анархистов. ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 25, л. 9.

Конец 1904 г. — нач. 1905 г. — ? Тобольская губ., г. Тобольск. Общество взаимного вспоможения приказчиков: 1905 г. — не менее 50 чл., легальное, основные виды деятельности — культурно-просветительная, взаимопомощь. Сибирский листок, 1905, 27 окт.

Апрель 1905 г. Тобольская губ., г. Курган. Группа РСДРП; сент. 1906 г. — 300 чел., нелегальный, основной вид деятельности — агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа. Революционное движение в Тобольской губернии в 1905 — 1914 гг. Сб. документов. Свердловск, 1981, с. 361.

Май 1905 — нач. 1906 гг. Тобольская губ., г. Тюмень. Клуб рабочих: действовал открыто, находился под влиянием либералов до окт. 1905 г., затем — социал-демократов, основной вид деятельности — культурно-просветительная, имелась библиотека на 2 000 томов, работали кружки, в окт. — дек. 1905 г. в клубе велась политическая агитация, распространялись политические листовки. Закрыт полицией в нач. 1906 г. ГАТО ТФ, ф. 159, оп. 1, д. 40, л. 8 «а»; Второй

период революции 1906 — 1907 гг., ч. 1, кн. 1. М., 1957, с. 853; Мишин М. Тюменская организация РСДРП в 1905 — 1907 гг. — Каторга и ссылка, 1934, № 4, с. 36; Гринберг Ц. Революционное движение в Тобольской губернии. Тюмень, 1961, с. 36.

Весна — лето 1905 г. Томская губ., ст. Тайга. Группа РСДРП: лето 1905 г. — 30—40 чл., конец 1906 г. — 65 чл. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, с. 241—242; Очерки истории партийной организации Кузбасса, ч. 1—2, Кемерово, 1973, с. 22, 32.

Июль 1905 г. Томская губ., г. Новониколаевск, Обская группа РСДРП: руководящий центр из 5 чел.: рабочие В. И. Бушуев, Б. Блюм, М. К. Евграфов, Я. Н. Овчуков, М. И. Полуниин, основной вид деятельности — агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа, 1907 г. — начато издание газеты «Обской рабочий». Тофорова Г. С. Из истории Обской группы РСДРП накануне и в годы I русской революции (1903—1907 гг.). — В кн.: Большевики Сибири и Дальнего Востока в борьбе за массы (1903—1917 гг.). Томск, 1976, с. 56—66.

Лето 1905 г. Томская губ., г. Барнаул. Группа РСДРП: осень 1905 г. — 100 чел., (43% — рабочие), март 1906 г. — 13 кружков, не позднее мая 1906 г. переименована в Барнаульский комитет РСДРП, нелегальный, основной вид деятельности — агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа. Тофорова Г. С. Из истории Барнаульской группы РСДРП накануне и в годы I русской революции (1903—1907 гг.). Там же, с. 42—55.

12—25 окт. 1905 г. — ? Томская губ., ст. Тайга. Стаечный комитет железнодорожников: входили высококвалифицированные рабочие и служащие, всего — 14 чел., машинисты А. Качальский, Б. Фальковский, П. Тхоржевский, С. Вышинский, А. Александров, Я. Патенко, слесари В. Федосеев, Н. Дятлов, В. Васильев, пом. слесаря К. Моргунов, токарь М. Максимов, конторщик В. Гладышев, студенты-практиканты: К. Жихович (председатель), М. Пальчевский, действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, организовывал октябрьскую стачку, создал рабочую милицию, устраивал суд, формировал делегатские поезда, ввел 8-часовой рабочий день после окончания стачки. ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 4, л. 9—14; д. 1, л. 321; ф. 1612, оп. 1, д. 31, л. 1—3. Крапивенский С. Э., Разгон А. И. Рабочие Тайги в первой русской революции. Кемерово, 1957, с. 14;

Коняев А. Т. Большевики во главе всеобщей октябрьской стачки 1905 г. в Сибири. — Труды/Томский гос. ун-т, т. 148, 1958, с. 72.

15 окт. — конец окт. 1905 г. Тобольская губ., г. Курган. Стаечный комитет железнодорожников: состоял из 13 чл. Председатели: с 15 по 21 окт. — социал-демократ (меньшевик) А. Ф. Сухоруков (партийная кличка Фомич), с 21 окт. — М. Ф. Брачинский (фельдшер железнодорожной больницы), токари К. Ф. Головин, В. Г. Гуров, телеграфисты Г. Т. Корельцев, И. Н. Сулев, кассир В. Н. Кончинский, десятник К. С. Краушкин, таксировщик А. Ф. Селенко, смазчик Г. И. Старостенко, пом. машиниста Д. Евнин, служащий А. Н. Ушков, студент-практикант Ф. Э. Салатко-Петрище, действовал открыто, находился под социал-демократическим (меньшевистским) влиянием, распространял забастовку на городские предприятия, организовывал товарищеские суды, создал вооруженную дружину, использовал транспорт в революционных целях. ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1905, д. 2555, т. 10, ч. 3, л. 329; ГАОО, ф. 190, оп. 1, д. 85, л. 3—25; ГАТО ТФ, ф. 164, оп. 1, д. 102.

17 окт. — конец окт. 1905 г. Томская губ., ст. Боготол. Стаечный комитет железнодорожников: действовал открыто, организовал стачку, установил 8-часовой рабочий день после окончания стачки. ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 1, с. 321.

17 окт. — конец окт. 1905 г. Томская губ., г. Новониколаевск. Стаечный комитет железнодорожников ст. Обь: состоял из рабочих и служащих железнодорожного депо, действовал открыто, организовал стачку, распространял ее на предприятия г. Новониколаевска. ЦГИА, ф. 273, оп. 12, д. 1851, л. 92—112; Лашков И. Т. Большевики Новониколаевска в борьбе против царизма. Новосибирск, 1961, с. 31.

Не позднее 20 окт. — конец окт. 1905 г. Акмолинская обл., ст. Петропавловск. Стаечный комитет железнодорожников: действовал открыто, распространял забастовку на городские предприятия, вел агитационную работу среди железнодорожных служащих (кондукторов). ГАТО, ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 493; ф. 215, оп. 9, д. 1, л. 321.

Не позднее 20 окт. — конец окт. 1905 г. Томская губ., ст. Каинск. Стаечный комитет железнодорожников: действовал открыто, распространял забастовку на городские предприятия. ГАТО, ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 494. Профессиональное движение, 1925, № 47, с. 3—4.

20 окт. — конец окт. 1905 г. Акмолинская обл., г. Омск. Стаечный комитет железнодорожников; состоял не менее

чем из 6 чел., в том числе: слесари А. Зыкин, Е. Сидоров, П. Котельников, С. Цитко, М. Ветчинский, монтер М. Чвакунов, действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, осуществлял руководство стачкой, прием на работу в мастерские, организовал рабочую дружину, ввел 8-часовой рабочий день после окончания стачки. ЦГАОР, ДП, ОО, 1906, д. 5, ч. 39, л. 21; ф. ДП—7, 1906, д. 5, ч. 39, л. 4—12; ЦГИА, ф. 273, оп. 12, д. 1851, л. 154—159; ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 1, л. 321; Всероссийская октябрьская политическая стачка, ч. 2, М.—Л., 1955, с. 40, Молодой большевик, 1955, 30 дек.

Октябрь 1905 г. — ? Томская губ., ст. Тайга, Союз смазчиков: действовал открыто: ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 4, л. 12.

Октябрь 1905 г. — ? Тобольская губ., г. Курган. Союз рабочих депо ст. Курган и города: действовал открыто, находился под влиянием Курганской группы РСДРП. Горелов В. А. Курганские большевики в революции 1905—1907 гг. Челябинск, 1965, с. 58—60; 106.

23 ноября 1905 г. — ? г. Томск. Союз рабочих механических производств (слесарей): объединял рабочих механического завода Квятковского (Злотницкого), слесарных мастерских города. Ноябрь 1905 г. — 70 чел., действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов. Сибирский вестник, 1905, 25, 29, 30 нояб.; Сибирская жизнь, 1905, 25 нояб.

23 нояб. 1905 г. — 1907 г. Томск. Союз рабочих печатного дела: ноябрь 1905 г. — 160 чл., 1906 г. — 300 чл., в 1905 г. — действовал открыто, 1906 г. — 1907 г. — нелегальный, объединял рабочих-типографщиков, находился под влиянием социал-демократов, организовал бойкот владельцу типографии Перельману в ноябре 1905 г., участвовал в организации стачки типографщиков летом 1906 г., в сентябре 1906 г. — в типографии Яковлева. ГАТО, ф. 3, оп. 56, д. 659, л. 118; Сибирский вестник, 1905, 25 нояб., 13 дек., Сибирская жизнь, 1905, 23 дек.; Трухин Г. В., Флеров В. С. Истории революционного движения в Томской губернии в 1906—1907 гг. — В кн.: 50 лет первой русской революции. Томск, 1958, с. 165.

28 ноября — дек. 1905 г. Акмолинская обл., ст. Омск. Смешанный комитет железнодорожников: состоял из 10 чл.: Е. Сидоров (председатель), слесари А. Зыкин, К. Плюхин, И. Вашкевич, П. Шлеев, Литейщик А. Зенкевич, служащий Е. Ключев, Н. Кондуктор, Б. Маевский, Г. Богомоллов, рабо-

чий В. Федорченко, В. Премиловский (секретарь), действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, занимался хозяйственно-организаторской деятельностью по отправке воинских эшелонов. ЦГИА, ф. 273, оп. 12, д. 1852, л. 154—159; ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 1, л. 68; Степной край, 1905, 28 нояб.

Ноябрь 1905 г. — Тобольская губ., г. Тюмень. Группа РСДРП: в конце февр. 1907 г. переименована в Тюменский комитет РСДРП, нелегальная; основной вид деятельности: агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа. Революционное движение в Тобольской губ., с. 362, 363; Мишин М., Указ. соч., с. 39—43.

Ноябрь 1905—1917 гг. — Томская губ., Судженские копи Михельсона. Общество потребителей: нояб. 1905 г. — 174 чл., янв. 1906 г. — 95 чл., имело магазин, 2 пекарни, 2 лавки, библиотеку, легальное, основные виды деятельности — улучшение снабжения рабочих и служащих предметами первой необходимости, культурно-просветительная. ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3291; Горные и золотопромышленные известия, 1907, № 21—22, с. 260.

Ноябрь 1905 — 1907 гг. — Акмолинская обл., г. Омск. Союз служащих в торгово-промышленных предприятиях: декабрь 1905 г. — 500 чл., осень 1906 г. — 1 000 чл., действовал открыто в 1905 г., в 1906—1907 гг. — нелегальный; в 1905 г. оказывали влияние социал-демократы, эсеры, кадеты, в 1906—1907 гг. находился под влиянием социал-демократов (меньшевиков), печатный орган — «Сибирский приказчик»; Союз организовал забастовку (сент. 1906 г.), бойкот владельцев магазина (июль 1906 г.), май 1907 г. — создана комиссия по делам безработных, организована медицинская и юридическая помощь членам союза, в июне 1906 г. члены союза на общем собрании одобрили телеграмму делегатам I Государственной думы с выражением поддержки. Степной край, 1905, 26 нояб.; Сибирская жизнь, 1906, 24 сент.; Степной голос, 1906, 16 июня, 12 июля; Сибирские отголоски, 1906, 10 сент.; Степная речь, 1907, 29 мая.

Ноябрь 1905 — 1906 г. — ? Акмолинская обл., г. Омск. Союз рабочих механических производств; объединял рабочих слесарных мастерских и завода Рандрупа, 1905 г. — действовал открыто, 1906 г. — нелегальный, с 17 по 22 дек. 1905 г. организовал забастовку на заводе Рандрупа. ЦГАОР, ф. 1741, д. 14388; ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 1, л. 2; Степной край, 1905, 17 нояб.; Акулов М. Р. Профсоюзное

движение в Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957, с. 40.

25 нояб. — 22 дек. 1905 г. Тобольская губ., ст. Тюмень. Тюменский комитет Всероссийского железнодорожного союза, с 7 дек. исполнял функции Смешанного комитета железнодорожников, состоял из 6 чел.: счетовод В. Михайлов, фельдшер Т. Кгаевский, ст. телеграфист В. Шардин, пом. начальника ст. Подъем А. Копанов, пом. начальника ст. Тюмень А. Иевлев, рабочий В. Краснопе́ров, действовал открыто, руководил стачкой, осуществлял хозяйственно-организаторскую деятельность по отправке воинских эшелонов. ЦГАОР, ф. 124, 1906, оп. 44, д. 1620, л. 10; ГАОО, ф. 25, оп. 2, д. 346, л. 7—58; ГАТО ТФ, ф. 151, оп. 1, д. 1, л. 1—3.

9 дек. 1905 г. — 1906 г.—г. Томск. Союз служащих в торгово-промышленных заведениях, дек. 1905 г. — 75 чел., 1906 г. — 200 чел., действовал открыто в 1905 г., в 1906 г. — нелегальный, находился под влиянием социал-демократов, в мае 1906 г. на тайной сходке арестовано 80 членов профсоюза. Сибирский вестник, 1905, 14 дек.; ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 124, л. 51.

11 дек. 1905 — июль 1906 г.—? г. Томск. Союз работниц: объединял работниц швейных мастерских и магазина «Феодосия», дек. 1905 г. — 35 чел., 1906 г. — 70 чел., действовал открыто в 1905 г., в 1906 г. нелегальный, находился под влиянием социал-демократов, организовал бойкот владельцу магазина «Феодосия» в июле 1906 г. Сибирский вестник, 105, 14, 21 дек.; Народная летопись, 1906, 5 июля; Степной вестник, 1906, 8 июля.

12 дек. 1905 г. — ? г. Томск. Союз портных: объединял портных швейных мастерских, действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов. Сибирский вестник, 1905, 13 дек.; Сибирская жизнь, 1906, 12 янв.

21 дек. 1905 г. — ? г. Томск. Союз рабочих строительных специальностей: объединял каменщиков, штукатуров, белильщиков, печников, дек. 1905 г. — 40 чел., действовал открыто. Сибирский вестник, 1905, 21 дек.

Декабрь 1905 г. — ? г. Томск. Союз столяров: объединял рабочих столярных мастерских города, дек. 1906 г. — 29 чел., действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, организовал бойкот владельцу мастерской Маркину за оскорбление одного из членов союза. Сибирский вестник, 1905, 22 дек.

Дек. 1905 г. — Тобольская губ., ст. Курган. Комитет железнодорожников из рабочих железнодорожного депо и

служащих станции, действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, осуществлял хозяйственно-организаторскую деятельность по отправке воинских эшелонов. ЦГИА, ф. 273, оп. 12, д. 1852, л. 191—208; Горелов В. А. Указ, соч., с. 37.

Декабрь 1905 г. Томская губ., ст. Тайга. Смешанный комитет железнодорожников: из рабочих железнодорожного депо и служащих станции, действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, занимался хозяйственно-организаторской деятельностью по отправке воинских эшелонов, бойкотировал представителей администрации, устроил революционный суд. ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 1, л. 9—11; д. 4, л. 68; ф. 3, оп. 18, д. 12000, л. 72.

Дек. 1905 г. — Томская губ., ст. Боготол. Смешанный комитет железнодорожников: находился под влиянием социал-демократов, занимался хозяйственно-организаторской деятельностью по отправке воинских эшелонов. ЦГИА, ф. 273, оп. 12, д. 1852, л. 13—23; ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 1, л. 321.

Дек. 1905 г. — Томская губ., ст. Обь. Смешанный комитет железнодорожников: состоял из рабочих депо и служащих, действовал открыто, находился под влиянием социал-демократов, занимался хозяйственно-организаторской деятельностью по отправке эшелонов. Сибирский вестник, 1905, 26 нояб.

Нояб. — дек. 1905 г. — Тобольская губ., г. Тобольск. Союз рабочих и крестьян объединял городских рабочих и крестьян окрестных деревень, действовал открыто, находился под влиянием либерально-эсеровского чиновничества. Сибирский листок, 1905, 15 дек., ГАТО ТФ, ф. 152, оп. 20, д. 962, л. 219.

Дек. 1905 г. — 1917 г. — Томская губ., г. Барнаул. Союз приказчиков: действовал открыто в 1905 г., в 1906—1907 гг. — нелегальный, в 1909 г. преобразован в легальное общество торгово-промышленных служащих. ГАТО, ф. 3, оп. 56, д. 53, л. 12; ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 25, л. 9.

Не позднее 1905 г. — Томская губ., г. Мариинск. Общество взаимопомощи приказчиков: 1905 г. — 70 чел., легальная, основной вид деятельности — взаимопомощь. Сибирский вестник, 1905, 24 апр.

14 апр. 1906—1907 г. —? Томская губ., г. Новониколаевск. Общество взаимопомощи приказчиков: 1906 г. — 35 чл., март 1907 г. — 64 чл., авг. 1907 г. — 330 чл., легальное

апр. 1906 г. — открыта библиотека на 600 томов, основные виды деятельности — культурно-просветительная, взаимопомощь. ГАТО, ф. 3, оп. 15, д. 23; Народная летопись, 1906, 12 апр.; Сибирская жизнь, 1907, 31 мая.

9 июля 1906 г. Акмолинская обл., г. Омск. Союз портных: июль 1906 г. — 72 чл., объединял рабочих швейных мастерских и ателье г. Омска, нелегальный, руководил Омский комитет РСДРП. Степной вестник, 1906, 16 июля; Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905—1907 гг., Омск 1956, с. 145.

9 июля 1906 г. — 1909 г. Акмолинская обл., г. Омск, Союз столяров: июль 1906 г. — 50 чл., авг. 1906 г. — 100 чл., нелегальный, руководил Омский комитет РСДРП, 1906 г. — организовал стачку. В 1907 г. — в союз вошли маляры и плотники, в 1909 г. — каменщики, имел легальную столярную мастерскую на 20 чел. ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 1, л. 1, д. 13, л. 19—21; Омская организация РСДРП..., с. 145.

Втор. пол. июля 1906 г. —? Томская губ., г. Канск. Группа РСДРП: сент. 1906 г. — 60 чл., основной вид деятельности — агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа. Омская организация РСДРП..., с. 154.

Июль 1906 г. —? Тобольская губ., г. Курган. Союз рабочих депо ст. Курган: сент. 1906 г. — 250 чл., дек. 1906 г. — 300 чл., нелегальный, организован курганской группой РСДРП, организовал нелегальные митинги, на которых обсуждались экономические и политические вопросы. Омская организация РСДРП..., с. 154; Второй период революции 1906—1907 гг., ч. 2, кн. 2, М.—Л., 1963, с. 429; кн. 3, с. 321.

Июль 1906 г. Тобольская губ., г. Курган. Союз паровозных бригад: сент. 1906 г. — 60 чл., нелегальный, организован Курганской группой РСДРП. Омская организация РСДРП, с. 154.

Лето 1906 г. — Томская губ., г. Бийск. Группа РСДРП: Основной вид деятельности — агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа. Тофорова Г. С. Из истории Барнаульской организации РСДРП накануне и в годы первой русской революции (1903—1907 гг.). — Указ. соч., с. 53.

1 авг. 1906 г. — 1907 г. — Акмолинская обл., г. Омск. Союз рабочих железнодорожных мастерских и депо: объединял рабочих ст. Омск, сент. 1906 г. — 1092 чл., окт. 1906 г. — 1200 чл., нелегальный, находился под влиянием Омского

комитета РСДРП, совместно с ним организовал забастовки в июле 1906 г. и в феврале 1907 г., нелегальные митинги в 1906 г., Степной пионер, 1906, 4 окт.; Революционное движение в Омске в годы первой русской революции. Сб. документов, Омск, 1957, с. 161—165; Омская организация РСДРП..., с. 155.

Авг. 1906 — февр. 1907 гг. Акмолинская обл., г. Омск. Союз рабочих, занятых приготовлением съестных припасов: авг. 1906 г. — 64 чл., нелегальный. ГАНУ, ф. 149, оп. 1, д. 1, л. 2; Степной пионер, 1906, 15 авг.

Авг. 1906—? Тобольская губ., г. Курган. Союз приказчиков: сент. 1906 г. — 92 чл., нелегальный, организован Курганской группой РСДРП. В сент. 1906 г. принял на общественном собрании резолюцию о поддержке забастовки торгово-промышленных служащих в Омске. Омская организация РСДРП..., с. 154.

1906—? Омская губ., г. Барнаул. Общество взаимопомощи приказчиков и ремесленников: 1905 г. — 30 чл., легальное, основные виды деятельности — культурно-просветительная, взаимопомощь. ГАТО, ф. 3, оп. 56, д. 12; ф. 411, оп. 1, д. 97, л. 233—238.

Не позднее сент. 1906 г.—? Акмолинская обл., г. Омск. Союз кондукторов ст. Омск: сент. 1906 г. — 80 чл., нелегальный, находился под влиянием Омского комитета РСДРП. Омская организация РСДРП..., с. 155.

Не позднее сент. 1906 г. Акмолинская обл., г. Омск. Союз стрелочников ст. Омск: сент. 1906 г. — 60 чл., нелегальный, находился под влиянием Омского комитета РСДРП. Омская организация РСДРП..., с. 155.

Не позднее сент. 1906—? Тобольская губ., г. Тобольск. Группа РСДРП: сент. 1906 г. — 55 чл., основной вид деятельности — агитационно-пропагандистская социал-демократическая работа. Омская организация РСДРП..., с. 157.

Не позднее сент. 1906 г.—? Тобольская губ., г. Курган. Союз городских рабочих, входили рабочие механических мастерских, швейных мастерских, мукомольных предприятий, сент. 1906 г. — 50 чл., нелегальный, организован Курганской группой РСДРП. Омская организация РСДРП..., с. 154.

Не позднее сент. 1906 г.—? Томская губ., ст. Каинск. Союз рабочих железнодорожного депо: сент. 1906 г.—100 чл., нелегальный действовал под руководством Каинской группы РСДРП..., с. 154.

Не позднее сент. 1906 г. Акмолинская обл., г. Петропавловск. Союз рабочих железнодорожного депо: сент. 1906 г. — 210 чл., нелегальный, организован Петропавловской группой РСДРП. Омская организация РСДРП..., с. 154.

Не позднее 1906—1907 гг. Акмолинская обл., г. Омск. Союз типографщиков: окт. 1906 г. — 60 чл., нелегальный, сент. 1906 г. — организовал забастовку рабочих газеты «Степной пионер», июль 1909 г. — профсоюз разгромлен полицией. Степная речь, 1907, 29 мая; Сибирская жизнь, 1907, 26 июля; Революционное движение в Омске..., с. 171.

Март 1907 г.—? Томская губ., г. Бийск. Союз служащих в торгово-промышленных предприятиях: легальный. Основные виды деятельности — культурно-просветительная и взаимопомощь. ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 6089, л. 30.

Март 1907 г.—? Тобольская губ., г. Тюмень. Союз рабочих сундучного производства: объединял рабочих кустарных предприятий города, легальный. Основные виды деятельности — культурно-просветительная и взаимопомощь. ГАТО ТФ, ф. 152, оп. 30 «а», д. 136, л. 205.

Март 1907 г.—? Тобольская губ., г. Тюмень. Профсоюз служащих в торгово-промышленных заведениях, легальный, основные виды деятельности — культурно-просветительная, взаимопомощь. ГАТО ТФ, ф. 152, оп. 30а, д. 136, л. 208—209.

1907 г.—? Тобольская губ., г. Тара. Общество взаимопомощи приказчиков; основные виды деятельности — культурно-просветительная и взаимопомощь. ГАНО, ф. 149, оп. 1, д. 129, л. 40.

А. Л. АФАНАСЬЕВ

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСЕРОВ В СИБИРИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905 — 1907 гг.

В начальный этап советской историографии (20-е — начало 30-х гг.), когда доказательство закономерности политического банкротства партии социалистов-революционеров (ПСР) было практикой идеологической борьбы, появился ряд публицистических, научно-популярных, а также исследовательских работ об эсерах. В. А. Быстрянский, В. Н. Мещеряков, С. Л. Черномордик и другие авторы, чьи работы были частично или целиком посвящены истории ПСР в дооктябрьский период, закономерно уделяли основное внимание отражению несостоятельности «социализма» партии эсеров, авантюризма ее тактики.

В литературе о ПСР деятельность эсеров в 1905 — 1907 гг. в Сибири, как правило, не освещается. Поэтому изучение проблемы велось сибирскими историками. Хронологически, по содержанию и основным выводам оно прошло те же этапы развития, что и советская историография партии эсеров в 1905—1907 гг. в целом. Исследователи (а в отдельных случаях и мемуаристы) могли использовать в основном материалы, собранные местными отделами Истпарта. Преобладали воспоминания социал-демократов и нелегальные издания местных организаций РСДРП, в которых акценты были смещены на критику непоследовательности действий эсеров как революционеров, псевдосоциализма их программы. Не могли помочь в воссоздании сколько-нибудь полной картины и публикации документов: в них за редчайшим исключением отсутствовали источники, характеризующие деятельность эсеров.

В литературе складывались следующие элементы оценочных суждений и оценки сибирских социалистов-революционеров.

1. Эсеры принципиально не отличались от буржуазных либералов. Их деятельность в основном тормозила развитие революционного движения; для взаимоотношений социал-демократов и эсеров была характерна исключительно или преимущественно идейная и политическая борьба¹. Эта неточная оценка объяснялась прежде всего тем, что в литературе было распространено понимание революции 1905 — 1907 гг. в Сибири как рабочей, а рабочего движения как только социал-демократического². Из приведенных положений следовало, что в крае не было объективных условий для проявлений мелкобуржуазной революционности³.

2. Вторая группа авторов показывала эсеров как непосредственную часть сил революционно-демократического лагеря⁴. Некоторые из них освещали эпизоды не только борьбы, но и совместных действий социал-демократов и социалистов-революционеров.

3. Третья группа авторов лишь описывала факты, воздерживаясь от оценочных суждений. Однако самим показом участия эсеров в революционном движении в качестве силы, принципиально не отличавшейся от пролетарских революционеров, авторы давали им, по сути дела, объективистскую оценку⁵.

¹ Баранский Н. (Николай Большой). В рядах Сибирского социал-демократического союза. Новониколаевск, 1923, 89 с.; Шумяцкий Б. В сибирском подполье. М.—Л., 1926, 192 с.; Мучник Г. Воспоминания подпольщика.—Сиб. огни, 1925, № 3, с. 105-148; Он же. Подполье. М., 1931, 96 с. и др.

² См.: Блинов Н. В. Начальный период советской историографии рабочего движения в Сибири.—В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 14, с. 194-195, 205-206, 211.

³ Наиболее четко эту оценку сформулировал Н. Н. Баранский: «Отсутствии стихийного крестьянского движения с особой силой сказались на сибирских эсерах, которые очень резко отличались от эсеров Европейской России. ...У нас эсеры были просто плохим изданием буржуазных либералов». Баранский Н. (Николай Большой). Социал-демократическое движение в Сибири в эпоху революции 1905 г.—Сев. Азия, 1926, кн. 5-6, с. 78.

⁴ Абов А. (Ансон А. А.). 1905 год в Красноярске.—Сиб. огни, 1923, № 4-6, 1924, № 1; Воден. 1905 год в Сибири.—Мол. гвардия, 1925, № 12, с. 129-141; Надельштейн Д. О товарище Игренке, 1905 году и прекрасной девушке Марусе. М., 1930, 35 с. и др.

⁵ Гольдберг И. То, что вспомнилось.—Сиб. огни, 1925, № 4-5, с. 201-227; Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири.—Каторга и ссылка, 1928, № 11, с. 94-106; Пирогова А. Подкоп под Читинское казначейство. М., 1928, 30 с. и др. (Из названных выше публикаций к исследовательским работам относится лишь статья Ансона, к популярно-краеведческим изданиям — брошюры Надель-

Таким образом, в первый период советской историографии шло первоначальное накопление фактов по рассматриваемой проблеме. В литературе были поставлены вопросы о борьбе большевиков за гегемонию пролетариата, о различных сторонах взаимоотношений социал-демократов и эсеров, участии последних в революционном и рабочем движении 1905—1907 гг.

Во второй период советской историографии (середина 30 — конец 50-х гг.), по заключению Н. В. Блинова, историки российского пролетариата концентрировали свое внимание на изучении политических выступлений рабочих, истории большевистских организаций. Абсолютизация этих актуальных задач «сопровождалась отходом от изучения других сторон и форм рабочего и революционного движения в стране»⁶. В связи с отмеченной тенденцией, закрепленной и углубленной в кратком курсе «Истории ВКП(б)»⁷ прекратилось и изучение истории ПСР.

История сибирских эсеров 1905—1907 гг. в этот период специально не изучалась. В исследовательской и краеведческой литературе получили освещение отдельные неизвестные ранее эпизоды истории эсеров в связи с показом борьбы социал-демократов против их колебаний и авантюризма⁸. Выводы историков, как и прежде, были значительно шире конкретного материала. В литературе установилась по сути дела единая оценка эсеров, тождественная или очень близкая к той, которую ранее давал Н. Н. Баранский и др.

В условиях начавшегося в середине 50-х гг. изменения идеологической атмосферы в исторической науке осмысление ленинских работ, посвященных революции 1905—1907 гг., и конкретно-исторического материала привело отдельных историков к попыткам преодолеть эту одностороннюю оценку. В. И. Дулов, впервые осветивший отдель-

штейна и Пироговой, остальные являются мемуарами. Баранский, Воден, Мучник, Шумяцкий в период революции 1905—1907 гг. были членами сибирских организаций РСДРП; Гольдберг, Надельштейн, Пирогова, Швецов являлись эсерами).

⁶ Блинов Н. В. К историографии рабочего движения в Сибири (исследования 1935—1959 гг.). — В кн.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980, с. 232-233.

⁷ Там же, с. 233.

⁸ Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске. — Тр./Москов. гос. историко-архивн. ин-т, 1954, т. 6, с. 75-195. Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск, 1955, 192 с. и др.

ные эпизоды борьбы социал-демократов с эсерами за руководство крестьянским движением в Восточной Сибири, деятельности эсеров в деревне (в основном на примере Верхленского крестьянского союза Иркутской губернии, организованного эсерами и сочувствующими), впервые поставил вопрос о совместных действиях социал-демократов и социалистов-революционеров в деревне. По его мнению, «живущие по селам и деревням одиночки-партийцы (социал-демократы либо эсеры) или им сочувствующие действовали иногда совместно и помогали друг другу», например, в распространении литературы РСДРП и ПСР⁹. Социальной базой эсеров автор считал городскую мелкую буржуазию и кулачество¹⁰. Работу эсеров среди крестьян В. И. Дулов оценивал непоследовательно. В одних случаях он не делал различия между ней и деятельностью либералов, в других — относил социалистов-революционеров к мелкобуржуазным демократам¹¹.

В середине 50-х гг. в связи с 50-летним юбилеем первой российской революции был опубликован ряд сборников документов и материалов. Как отмечает Н. В. Блинов, «документальные публикации убедительно показывали последовательно революционную тактику большевиков в руководстве рабочим и революционным движением в Сибири» в 1905—1907 гг.¹² В частности, было опубликовано немало изданий местных комитетов РСДРП, в которых критиковалась программа и тактика эсеров. В то же время за пределами сборников остались документы, характеризующие большевистскую тактику революционных компромиссов и соглашений, издания мелкобуржуазных революционных организаций. Стремление редакторов и составителей показать картину движения более зрелой и идеологически, и политически, чем она была в действительности, в отдельных случаях приводило к нарушениям правил публикации исторических документов. Так, например, в сборнике по Иркутской губернии составители произвольно предпослали тексту листовки Иннокентьевского Совета рабочих от 30 декабря 1905 г. девиз РСДРП «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹³, отсутствующий в подлиннике издания¹⁴.

⁹ Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956, с. 139.

¹⁰ Там же, с. 137.

¹¹ Там же, с. 139, 171, 182, 240-241.

¹² Блинов Н. В. К историографии рабочего движения..., с. 238.

Известно, что на ст. Иннокентьевской в период высшего подъема революции социал-демократической группы не существовало (она была разгромлена полицией), а преобладающим влиянием в местных рабочих организациях пользовались эсеры.

Таким образом, во второй период советской историографии продолжалось медленное накопление исторических фактов о деятельности сибирских эсеров, однако, в осмыслении ее сколько-нибудь заметного движения вперед не произошло.

Третий период советской историографии начался в начале 60-х годов в условиях изменившейся после XX съезда КПСС идеологической атмосферы в исторической науке и продолжается по настоящее время. В это время стала появляться исследовательская литература о тактике большевиков по отношению к эсерам (главы о революции 1905—1907 гг. 2-го тома шеститомной «Истории КПСС», работы Н. П. Бабаевой, Б. В. Леванова и др.), по истории ПСР (работы К. В. Гусева, В. Н. Гинева, М. И. Леонова, З. З. Мифтахова и др.). Интерес к подобной проблематике был вызван специальным изучением и осмыслением ленинской концепции буржуазно-демократической революции в России, необходимостью показа исторического опыта нашей страны в современных условиях, когда усилилась идеологическая борьба (в ходе ее часть буржуазных историков пытаются фальсифицировать историю эсеров, тактику по отношению к ним большевиков), а в ряде зарубежных стран появились идейные течения народнического типа. В настоящее время достигнуты успехи в изучении истории ПСР в 1917—1922 гг., однако специальное ее исследование в период революции 1905—1907 гг. еще только начато.

В Сибири в 50—70-е гг. значительно расширилась сеть научных учреждений и вузов, увеличились их издательские возможности, что наряду с факторами, общими для всей советской исторической науки, повлияло на расширение проблематики исследований, совершенствование методики работы местных историков¹⁵. Полученные результаты позво-

¹³ Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции. Иркутск, 1955, с. 117.

¹⁴ Библиотека ГАИО, коллекция листовок, № 1.

¹⁵ См. об этом подробнее: Блинов Н. В. Историография рабочего класса дореволюционной Сибири. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Томск, 1975, с. 24-49.

лили более аргументированно решать вопросы истории революционного и рабочего движения. В частности, вывод историков рабочего класса о незавершенности формирования большинства отрядов рабочих Сибири к 1917 г. подтверждает наличие объективной основы для влияния эсеров не только среди непролетарских слоев населения, но и среди части рабочих.

В 60-е гг. в исторической литературе продолжали освещаться эпизоды борьбы большевиков Сибири против эсеров в 1905—1907 гг.¹⁶ Слабая изученность истории эсеров нашла свое отражение в главе о революции 1905—1907 гг. «Истории Сибири»¹⁷. Приведенные в ней отдельные факты тактики социал-демократов по отношению к социалистам-революционерам, упоминания о деятельности последних как партии революционно-демократического лагеря (в основном в 1905 г.) не позволяют составить сколько-нибудь достаточного представления об участии сибирских организаций ПСР в революции.

В 70-е гг. стали появляться первые специальные исследования. Часть историков (Н. Н. Федотов и др.) в целом сохраняет господствовавшие в 30—50-е гг. оценки и методы изучения деятельности эсеров, тактики по отношению к ним большевиков. Другая группа исследователей (М. И. Казанцев, В. В. Кучер, М. В. Шиловский и др.) показывает эсеров как революционных мелкобуржуазных демократов, взаимоотношения которых с большевиками во многом определялись тактикой «левого блока». Эти авторы стремятся опереться в качестве методологической основы на совокупность ленинских работ, посвященных трудовическим организациям, применяют при изучении конкретного материала как традиционный иллюстративный метод, так и комплексный анализ источников.

М. И. Казанцев впервые предпринял попытку специального изучения деятельности сибирских эсеров в деревне, их участия в выборах во II Думу, взаимоотношений с социал-демократами¹⁸. Автором введены в научный оборот

¹⁶ Терюшков Г. А. Большевики во главе профсоюзного движения Восточной Сибири в период первой русской революции. Улан-Удэ, 1960, 123 с. и др.

¹⁷ История Сибири. Л., 1968, т. 3, с. 251-291.

¹⁸ Казанцев М. И. Революционная агитация и пропаганда среди крестьянства Кузбасса в годы первой русской революции (1905—1907 гг.). — В кн.: Краевед Кузбасса. Новокузнецк, 1970, вып. III, с. 184-198; Он же. Революционно-демократический лагерь и выборы во вторую Государ-

важные документы организаций ПСР: материалы 2 и 3-го сибирских областных съездов ПСР, газета Красноярского комитета «Голос революции», ряд листовок. По заключению М. И. Казанцева эсеры способствовали втягиванию крестьян в борьбу с царизмом; в своей тактике они постоянно колебались между боевым буржуазным демократизмом и подчинением гегемонии либералов; для взаимоотношений большевиков и эсеров были характерны как идейная борьба, так и «широкие соглашения о совместных действиях»¹⁹.

Поставленные М. И. Казанцевым вопросы нуждаются в дальнейшем обосновании, поскольку выводы автора шире использованного конкретного исторического материала. Некоторые положения исследователя требуют уточнения. Так, степень последовательности организаций ПСР в революционной борьбе он ставит главным образом в зависимость от того, насколько по-большевистски выдержанными были тактика организации РСДРП, критика ими эсеров, т. е. от внешнего по отношению к ПСР фактора. Более обоснованным представляется учет комплекса обстоятельств, в котором наиболее значимыми были прежде всего «внутренние» факторы (политические настроения слоев, являющихся классовой базой ПСР, социальный состав эсеровских организаций, позиции их лидеров), а затем уже — и «внешние».

М. И. Казанцев считает недопустимыми для революционеров отдельные приемы агитации и пропаганды эсеров среди крестьян. Он пишет, что в листовке «Письмо от русских крестьян царю Николаю II» (издана ЦК ПСР, переиздавалась сибирскими комитетами) эсеры «вели критику императора столь нерешительно, что «вместо подрыва веры в царя по существу укрепляли ее»²⁰. На деле в прокламации крестьяне исподволь, учитывая их монархические иллюзии, убедительно подводились к мысли о том, что в совершаемых в стране злодеяниях виновата не только царская администрация, но и сам царь²¹. М. И. Казанцев осуждает

ственную думу в Сибири. — Там же, 1972, вып. V, с. 61-74; Он же. Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905—1907 гг. — В кн.: Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976, с. 3-26.

¹⁹ Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация..., с. 26.

²⁰ Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация..., с. 15-16.

²¹ Об этом, в частности, свидетельствует следующая фраза заключения листовки: «За то, что ты изменил народу и отечеству, мы сведем тебя с престола, и будет наша новая присяга Российскому отечеству и всему

эсеров (за использование в отдельных листовках в качестве аргументов в пользу необходимости борьбы с самодержавием некоторых положений и сюжетов христианства²²). Но факты показывают, что подобный прием облегчал усвоение революционных идей крестьянами, подавляющее большинство которых были верующими²³. Отметим, что подобные приемы практически не применялись эсерами в работе среди более развитых городских слоев населения.

М. И. Казанцев полагает, что организации ПСР объединяли самые разнородные элементы, вплоть до «коммунистов-анархистов»²⁴. В действительности анархисты значительно отличались от эсеров в программе и тактике и не состояли с ними в единых организациях.

М. В. Шиловский впервые показал на примере Томска, что эсеры активно поддерживали создание и деятельность Сибирского областного союза²⁵. Исследователь полагает, что на короткое время, в сентябре-октябре 1905 г., в Сибири образовался блок буржуазных и мелкобуржуазных партий (кадеты, «чистые» областники, эсеры), «объединенных лозунгом создания областной думы»²⁶. Последний вывод нуждается в дополнительной аргументации, поскольку в литературе не известны факты поддержки названной идеи другими эсеровскими организациями Сибири, помимо Томской.

В. В. Кучер, опираясь на данные литературы, опубликованные и неопубликованные источники, осветил ряд фактов деятельности эсеров в крестьянских союзах Сибири. Он пришел к справедливому заключению о том, что большин-

русскому народу». (ЦГАОР, ф. ДП, ОО, 1907, д. 9, ч. 16, л. 20, типогр. оттиск).

²² Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация..., с. 16-17.

²³ Так, например, в декабре 1905 г. на народных чтениях в г. Верхотурье, предшествовавших образованию местного Крестьянского союза, агитаторы—учитель эсер И. Х. Петелин и дьякон В. Конопатский, рассказывая крестьянам и интеллигентам о «кровавом воскресенье», сравнивал Николая II с царем Иродом, избившим невинных младенцев. (ГАИО, ф. 242, оп. 1, д. 130, л. 6-7, представление товарища прокурора прокурору Иркутского окружного суда от марта 1906 г.).

²⁴ Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация..., с. 18.

²⁵ Шиловский М. В. Взаимоотношения сибирских областников с эсерами и кадетами в годы первой русской революции. — В кн.: Некоторые вопросы истории древней и современной Сибири. Новосибирск, 1976, с. 50-59; Он же. Эсеры и сибирские областники в начале XX века. — Изв. Сиб. отделения АН СССР, 1980, № 1, сер. общест. наук, вып. 1, с. 77-82.

²⁶ Шиловский М. В. Эсеры и сибирские областники..., с. 81.

ство союзов «организовывалось и возглавлялось эсерами»²⁷. Вместе с тем автор отмечает, что крестьянские союзы являлись беспартийными организациями. При обосновании этого верного положения допускаются неточности. В. В. Кучер пишет, что «ни в одном из известных программных документов сибирских крестьянских союзов нет ни слова о социализации земли, краеугольном камне аграрной программы ПСР; речь всегда идет о переходе земли в общенародную собственность, а не в собственность местных союзов или общин»²⁸. Но, с одной стороны, эсеровская социализация как раз и предполагала переход земли в общенародное достояние без выкупа (и в распоряжение органов самоуправления, уравнительное пользование трудящимся—крестьянам)²⁹. С другой — влияние аграрной программы ПСР чувствуется в программе крупнейшего крестьянского союза Сибири — Минусинского, в которой содержатся требования передачи всей земли без выкупа в общенародную собственность и в уравнительное пользование тем, кто обрабатывает ее собственным трудом³⁰. (Первое требование отсутствовало в программе Всероссийского крестьянского союза, предусматривавшей выкуп части земель, второе, как сеящее мелкобуржуазные иллюзии, отсутствовало в программных документах РСДРП; но, как отмечалось выше, эти требования были составной частью аграрной программы ПСР).

В. В. Кучер также впервые специально изучил в сравнении факты распространения в сибирской деревне в 1905—1907 гг. нелегальных неперіодических изданий комитетов РСДРП, ПСР, других трудовических организаций³¹.

А. А. Каминским освещена история эсеровской группы уездного города Марининска³². Отсутствие показа деятель-

²⁷ Кучер В. В. Крестьянские союзы в Сибири в 1905—1907 гг. — Изв. Сиб. отделения АН СССР, 1980, № 1, сер. обществ. наук, вып. 1, с. 75.

²⁸ Там же, с. 75-76.

²⁹ Социализация земли. — В кн.: БСЭ. 3-е изд. 1976, т. 24, кн. 1, с. 221-222; Памятная книжка социалиста-революционера. Б. м., 1911, вып. 1, с. 8—9.

³⁰ Второй период революции. 1906—1907 гг. Док. и материалы. М., 1963, ч. 3, с. 329. (Подчеркнуто нами. — А. А.)

³¹ Кучер В. В. Революционные издания в сибирской деревне в 1905—1907 гг. — В кн.: Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1982, с. 109-130.

³² Каминский А. А. Из истории Марининской группы партии социалистов-революционеров в период первой русской революции (1905—

ности маринских эсеров как части Сибирского союза ПСР и партии эсеров, недочеты в работе с источниками (последние, особенно документы карательных органов царизма, используются лишь как носители достоверной, объективной и полной информации) затруднили автора сделать сколь-нибудь широкие и доказательные обобщения и выводы.

Н. Н. Федотов предпринял попытку исследовать тактику большевиков в Восточной Сибири по отношению к эсерам. Этот опыт нельзя признать удачным по следующим причинам. Во-первых, историк делает обобщения и выводы на основании не комплекса источников, а лишь тех из них, которые укладываются в авторскую схему взаимоотношений большевиков и ПСР. Во-вторых, автор в ряде случаев произвольно интерпретирует исторические факты. Так, он указывает, что большевики выступали в газетах «Забайкальский рабочий» и «Красноярский рабочий» с критикой террора и экспроприаций эсеров³³. Однако в тексте этих изданий подобные выступления отсутствуют. В других случаях автор критикует эсеров за то, что они якобы призывали крестьян участвовать в выборах в I Государственную думу и бойкотировали II Думу³⁴. В действительности эсеры, как и большевики, бойкотировали выборы в I Думу и участвовали во II.

Вопросы истории эсеров Сибири (в основном на примере восточносибирского региона) рассматривались также в работах автора настоящей статьи³⁵.

1907 гг.). — В кн.: Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980, с. 22-35.

³³ Федотов Н. Борьба большевиков против тактики террора эсеров. — Пропагандист. Иркутск, 1975, № 21, с. 28.

³⁴ См. соответственно: Федотов Н. Н. Борьба большевиков Восточной Сибири с эсерами за революционное воспитание крестьянских масс в период первой русской революции. — Учен. зап./Иркутский ин-т нар. хоз-ва, 1974, вып. 32, с. 46; Он же. Тактика большевиков по отношению к эсерам в Восточной Сибири в период революции 1905—1907 гг. — В кн.: Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981, с. 60.

³⁵ Афанасьев А. Л. О деятельности социалистов-революционеров среди рабочих Иркутской губернии в 1905—1907 гг. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 14, с. 100-121; Он же. Деятельность эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905—1907. — В кн.: Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977, с. 181—193; Он же. Эсеровские организации и рабочие Сибири в период отступления революции 1905—1907 гг. — В кн.: Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981, вып. 1, с. 137-140; Он же. Военная работа эсеров в Восточной Сибири в период отступления революции 1905—1907 гг. — В кн.: Проблемы истории револю-

Достижения и нерешенные задачи в изучении проблемы отразились в обобщающих изданиях последних лет. Авторы «Истории рабочего класса Сибири», показывая эсеров как часть сил революционно-демократического лагеря 1905—1907 гг., кратко характеризуют социальный состав, тактику, динамику развития сибирских организаций ПСР³⁶. В книге справедливо отмечено, что (последние развивались, испытывая влияние рабочего движения и, в свою очередь, оказывали на него определенное воздействие.) Вместе с тем авторы без достаточных оснований считают, что, хотя во второй период революции и продолжалась агитационно-пропагандистская работа эсеров, «но основными направлениями их деятельности стали экспроприации и террор»³⁷. Последнее положение не находит подтверждения в литературе и источниках. Так, в материалах съездов сибирских эсеров, известных отчетах их комитетов 1905—1907 гг. на первый план неизменно ставилась работа в массах³⁸.

Авторы «Истории крестьянства Сибири в эпоху капитализма» в главе, посвященной революции 1905—1907 гг., уделили основное внимание показу деятельности организаций РСДРП в деревне, крестьянским выступлениям, происходившим под влиянием рабочего движения. В книге показано несколько случаев критики программы эсеров в изданиях комитетов РСДРП, однако многообразная деятельность эсеров, крестьянских союзов, трудовиков в деревне не рассматривается. Это неизбежно привело к тому, что картина крестьянского движения получилась менее сложной, чем она была в действительности, а оценка деятельности эсеров, не подкрепленная фактическим материалом, сместилась до негативной. Авторы, например, пишут, что «эсеры стремились оторвать крестьянское движение от рабочего»³⁹. В действительности такого стремления у социа-

ционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1983, с. 80-88.

³⁶ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, с. 247—248, 265, 274—275.

³⁷ Там же, с. 274.

³⁸ См например: Из извещения о съезде представителей сибирских организаций ПСР 10 июля 1906 г. — Партийные известия. Изд. ЦК ПСР, 1907, 5 янв., с. 10-12; Отчет о работе Красноярского комитета ПСР за 1906 г. — Там же, 15 фев., с. 5; 3-й Сибирский областной съезд (ПСР). — Знамя труда. Центр. орган ПСР, 1907, 1 июля, с. 22-23.

³⁹ История крестьянства Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 224.

листов-революционеров не прослеживалось⁴⁰. Другое дело, и на это не раз обращал внимание В. И. Ленин, что эсеры не видели принципиальной разницы между пролетариями и мелкими хозяйчиками⁴¹ и, как следствие этого, не считали необходимой гегемонию пролетарита в революционном движении.

Итак, в современный период советской историографии изучением деятельности сибирских эсеров в 1905—1907 гг. занимается небольшая группа исследователей. В научный оборот введен ряд важных источников, совершенствуются методы работы с ними. Вместе с тем в некоторых исследованиях сохраняются приемы работы с историческими источниками, локально-краеведческий подход, характерные для предшествующего периода историографии. Несмотря на первые достигнутые результаты, можно говорить лишь о начальной стадии изучения проблемы. Сохраняются разные оценки как по принципиальным, так и по менее важным вопросам (роль и место эсеров в революционном движении, их социальный состав, ведущие направления работы; преобладающие тенденции во взаимоотношениях организаций РСДРП и ПСР). Наименее исследована история эсеров в Западной Сибири. Не изучена история эсеровской ссылки. Всестороннее изучение социальной базы и деятельности эсеров необходимо для воссоздания полной картины общественного, в том числе и рабочего движения в Сибири.

⁴⁰ Напротив, во многих случаях наблюдалась агитация эсеров среди крестьян за совместную с «горожанами», «городскими рабочими» борьбу против царизма. Так, в листовке Красноярской группы ПСР «К крестьянам» от 10 декабря 1905 г. разъяснялся справедливый характер революционной демонстрации рабочих и солдат в Красноярске 9 декабря. В заключении ее эсеры обращались к крестьянам со следующим призывом: «Много у вас нужд, много вы испытали горя и поэтому всей душой должны примкнуть к городскому народу». — ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 63, л. За, типогр. оттиск.

⁴¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 44.

С. В. ПЕРЕДЕРИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В СИБИРИ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

Наступление в конце XIX — начале XX вв. нового — пролетарского этапа в освободительном движении в России привело к тому, что борьба рабочих масс стала его главным содержанием и приобрела небывалый размах. В стремлении сломить волю своих политических противников к борьбе, изолировать от основных очагов революционного движения царизм широко использовал ссылку в Сибирь. Накануне февральской революции численность политических ссыльных в Сибири возросла до 8389 чел¹. Практически в Сибири не было ни одного сколько-нибудь значительного населенного пункта, где бы не находились политические ссыльные². Они оказали большое влияние на развитие революционного самосознания в среде сибирского населения, способствовали росту культуры и просвещения.

В советской историографии теме политической ссылки в Сибири на пролетарском этапе освободительного движения уделяется значительное внимание³. Изучаются вопросы чис-

¹ Щербаков Н. Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907—1917 гг.). — В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.— февраль 1917 г.). Иркутск, 1973, вып. 1, с. 213.

² См.: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, с. 383—384.

³ Хазиахметов Э. Ш. Ленин и ссыльные большевики Сибири. Новосибирск, 1917; Мещерский А. Я., Щербаков Н. Н. В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в.— 1917 год). Иркутск, 1973; Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.— 1917 г.). Иркутск, вып. 1, 1973; Ссылка и каторга в Сибири (XVIII—начало XX вв.). Новосибирск, 1975; Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905—1917 гг. (Облик, организации, революционные связи). Томск, 1978; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII—начало XX вв.). Новосибирск, 1978; Политические ссыльные в Сибири (XVIII—начало XX вв.). Новосибирск, 1983; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.

ленности и состава политических ссыльных. Исследуются взаимосвязь ссылки с событиями общественно-политической жизни сибирского региона, влияние ссыльных революционеров на рабочее движение, при этом отмечается определяющее воздействие политической ссылки на процессы создания и деятельности групп РСДРП, других рабочих организаций, рабочего движения в целом.

В современной американской и английской историографии число работ о ссылке в Сибири насчитывается единицами. Так, специально рассмотрению ссылки посвящена статья английского историка А. Вуда⁴. Вопросы численности политических ссыльных Сибири затрагиваются Дж. Стефаном и Р. Пайпсом⁵. Некоторые важные стороны положения ссыльных получили оценку в работе Н. Поппе⁶. Ряд оценочных суждений о ссылке в Сибирь, в основном ограничивающихся признанием использования ее царским правительством в широком масштабе для избавления от нежелательных элементов и тяжелого положения этой категории лиц, содержится и в некоторых других исследованиях зарубежных авторов⁷.

В советской историографии — освещение современными англо-американскими историками вопросов политической ссылки в Сибири не получило оценки, поэтому есть необходимость рассмотреть данный аспект буржуазной историографии. Книга Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» — единственное за рубежом специальное исследование, раскрывшее состояние политической ссылки в Сибири в конце XIX в.⁸ Сопоставляя последующие работы зарубежных авторов о политической ссылке в Сибири с книгой Дж. Кеннана, можно проследить ту эволюцию, которую совершила англо-американская историография в данном вопросе.

⁴ Wood A. Siberian exile in tsarist Russia.—History today, 1980, vol. 30, September, p. 19—24.

⁵ Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971; Пайпс Р. Россия при старом режиме. Кембридж, Массачусетс, 1980.

⁶ Poppe N. The Economic and Cultural Development of Siberia. — In: Russia enters the twentieth century, 1894—1917. London, 1971, p. 138—151.

⁷ Dibb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and trade prospects. New York—London, 1972, p. 11; Mote V. The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian batter industry.—Slavic Review, 1976, vol. 35, N 2, p. 315; Cubitt H. Russia under the last tsar. London, 1980, p. 43—45.

⁸ В русском переводе она появилась в 1906 г.

Как известно, Дж. Кеннан посетил Сибирь в 1885—1886 гг. Объясняя мотивы, побудившие его совершить это далекое путешествие, он писал: «Для среднего американца того времени Сибирь была почти такая же terra incognita, как центральная Африка или Тибет. Происшедшее в 1881 г. убийство Александра II и последовавшая затем ссылка значительного числа русских революционеров в рудники Забайкалья еще более усилили мой интерес к Сибири и мое желание не только изучить на месте условия ссылки, но и ознакомиться также с русским революционным движением в той именно части государства, где такое ознакомление, казалось мне, могло быть наиболее успешным, — именно на месте ссылки революционеров»⁹.

Возвратившись в Америку, Дж. Кеннан в упомянутом труде, а также в серии статей, в многочисленных лекциях, прочитанных в американских и английских городах, в целом правдиво изобразил невыносимые условия, в которых находились политические ссылки в Сибири¹⁰. Труд американского журналиста вызвал огромный интерес во всем мире. Ф. Энгельс в письме к В. Засулич от 3 апреля 1890 г. высоко оценил книгу Дж. Кеннана, указывая на ее вклад в развенчание веры либералов в освободительный пыл царя¹¹.

Книга Дж. Кеннана была переведена на ряд европейских языков и оказала определенное влияние на общественное мнение Америки и Европы. Под воздействием книги Дж. Кеннана, а также его лекций, в 1890 г. в Лондоне возникло «Общество друзей русской свободы», в состав которого, кроме проживающих в Англии видных русских революционных деятелей вошли некоторые члены парламента, ученые, священники и другие видные общественные деятели. Агитационная деятельность Дж. Кеннана вызывала глубокое недовольство правящих кругов России¹². Большое впечатление книга произвела в России, где стала известна по нелегальным изданиям в 90-е годы.

Обращает на себя внимание, что поднятые Дж. Кеннаном вопросы о крайне тяжелом положении высланных в

⁹ Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка, т. 1—2. СПб., 1906, т. 1, с. 3.

¹⁰ Более подробно об этом см.: Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981.

¹¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, с. 315.

¹² Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма, с. 85.

Сибирь лиц, единственным преступлением которых было то, что они осмелились поднять голос в защиту прав угнетенного царизмом народа, в той или иной степени были затронуты в работах зарубежных авторов конца XIX — начала XX вв. Практически каждый из авторов, побывавших в Сибири, считал своим долгом написать о впечатлениях от посещения тюрем и знакомства с их узниками. Причем, этот вопрос вышел за рамки только описания их положения и по существу превратился в обсуждение исправительной политики царизма, ее приемов и методов. Но голос Дж. Кеннана, выступившего с ее обличением, потонул в дружном хоре зарубежных авторов, вставших на защиту политики царского правительства по отношению к ссыльным в Сибири. И зачастую выводом Дж. Кеннана противопоставлялись поверхностные впечатления и оценки, свидетельствующие о недостаточном знании их авторами предмета дискуссии. Так, Ф. Кларк только после единственного посещения парохода, на котором везли осужденных, посчитал, однако, возможным заявить: «Мое представление о строгости, с которой в России обращаются со ссыльными в Сибирь, также изменилось, когда я увидел чистые и сравнительно удобные помещения для узников»¹³.

Поскольку в американской и английской историографии нет других исследований о политической ссылке в Сибирь такого же плана, как книга Дж. Кеннана, обращение к ним является характерным и для современных зарубежных авторов. Так, например, английский историк А. Вуд признает, что «...фактически за пределами России написано очень немного о революционной ссылке со времени Дж. Кеннана в 1891 г.»¹⁴ Говоря о Сахалине в 1888 г., другой английский историк Дж. Стефан приводит слова Дж. Кеннана, называвшего этот остров «крупнейшим и наиболее значимым исправительным учреждением в Сибири»¹⁵.

Отсутствие собственных исследований по рассматриваемой проблематике побуждает зарубежных историков прибегать к использованию фактического материала из работ советских авторов. Так, Дж. Стефан и Р. Пайпс¹⁶ оперируют данным о численности политических ссыльных в Си-

¹³ Clark F. The Great Siberian Railway. What I saw on my journey. London, 1904, p. 110.

¹⁴ Wood A. Siberian exile in tsarist Russia, p. 19.

¹⁵ Stephan J. Sakhalin. A. History, p. 68.

¹⁶ Ibid., p. 72; Пайпс Р. Россия при старом режиме, 416—417.

бири, заимствованными у советских историков И. А. Сенченко и П. А. Зайончковского¹⁷. Но использования в работах буржуазных исследователей оценочных суждений советской историографии не наблюдается, за исключением статьи А. Вуда, в которой приводится ленинская оценка закона от 12 июня 1900 г. об отмене общеуголовной ссылки в Сибирь¹⁸. Как известно, В. И. Ленин ставил его в один ряд с такими крупными явлениями сибирской жизни конца XIX в., как проведение железной дороги и рост переселенческого движения¹⁹.

Статья А. Вуда «Сибирская ссылка в царской России» опубликована в научно-популярном журнале «Истори Тудей» и не носит строго исследовательского характера. Автор не выделяет определенные периоды в истории сибирской ссылки и кратко, в общей форме знакомит зарубежного читателя с этим явлением русской жизни в целом. Английский историк совершенно не ссылается на работы советских авторов по рассматриваемому вопросу. Помимо уже упоминавшегося труда Дж. Кеннана им привлекается для иллюстрации мрачных сторон жизни ссылных книга Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома». Описывая тяжелые условия, в которых ссылные партиями добирались до отведенных мест, А. Вуд признает, что «...злоупотребления такой системы (ссылки. — С. П.) очевидны...»²⁰ Вместе с тем зарубежный историк воздерживается от оценок исправительной политики царизма и не задается вопросом, кто же виноват в ужасных условиях жизни ссылных в Сибири. Видимо, описательность А. Вуда в освещении сибирской ссылки может быть объяснена не столько позицией автора, сколько направлением публикаций самого журнала, отдаю-

¹⁷ Сенченко И. А. Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск, 1957; Он же. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963; Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80—начала 90-х годов). М., 1970.

¹⁸ Wood A. Siberian exile in tsarist Russia, p. 24.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 399. Более подробно о значении закона от 12 июня 1900 г. для системы сибирской ссылки см. Марголис А. Д. Система сибирской ссылки и закон от 12 июня 1900 г.— В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII—начало XX вв.), с. 126—140.

²⁰ Wood A. Siberian exile in tsarist Russia, p. 22.

шего предпочтение экзотическому материалу в стремлении расширить круг своих читателей²¹.

Необходимо заметить, что некоторые выводы А. Вуда о политической ссылке в Сибирь вообще во многом близки положениям, выдвигаемым в советской историографии. Например, он пишет о «ценном вкладе» многих ссыльных в общественную, культурную и научную жизнь этого региона России²², что является общепризнанным фактом²³. Утверждение А. Вудом того, что несмотря на масштабы ссылки основным фактором роста русского населения Сибири было все же свободное переселение и естественный прирост²⁴, тоже является несомненным для советских исследователей²⁵.

Наряду с тенденцией более объективного освещения истории ссылки в Сибирь, представленной статьей А. Вуда, и в современной англо-американской историографии преобладает достаточно старая позиция, направленная на оправдание карательной политики царизма. Так, Н. Поппе в стремлении создать картину радикальных перемен в жизни Сибири в конце XIX—начале XX вв. и обелить политику царизма теряет чувство меры, ссылаясь лишь на одного реакционно настроенного английского путешественника Де Виндта, который пишет о «преувеличенных слухах об ужасных лишениях» узников тюрем в Сибири, о том, что обычное обращение с ними было «сдержанным», а их пища «достаточной». Более того, он приводит и разделяет впечатления Де Виндта от посещения тюрем в Томске, заявившего, что они «сделали бы честь любой европейской стране»²⁶.

²¹ О характере публикаций журнала «Истори Тудей» (History today—История сегодня), выходящего тиражом в 25 тыс. экз., см. статью: А. Д. Колпаков. История в розницу (английский журнал «History today», 1963—1964 гг.).—Новая и новейшая история, 1965, № 1.

²² Wood A. Siberian exile in tsarist Russia, p. 23.

²³ См.: Андреев В. М. Просветительная деятельность ссыльных народников Сибири (70—90-е годы XIX в.).—В кн.: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.—февраль 1917 г.), вып. 1, с. 26—44; Шостакович Б. С. Поляки—политические ссыльные конца 70—начала 90-х годов XIX века в Сибири. Там же, с. 105—123; Шейнфельд М. Б. К изучению истории Сибири политическими ссыльными в начале XX века (Н. А. Рожков). Там же, с. 158—178 и др.

²⁴ Wood A. Siberian exile in tsarist Russia, p. 24.

²⁵ См.: Колесников А. Д. Ссылка и заселение Сибири.—В кн.: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII—начало XX вв.), с. 57—58; Соловьева Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в.—В кн.: Политические ссыльные в Сибири (XVIII—начало XX вв.), с. 224, 226 и др.

²⁶ Poppe N. The Economic and Cultural Development of Siberia.

Американский историк прошел мимо целого ряда работ, в том числе и зарубежных авторов, на которых состояние тюрем в Сибири и положение их узников, в отличие от Де Виндта, произвели самое удручающее впечатление²⁷.

В связи с этим заметим, что замалчивание Н. Поппе фактов бесчеловечного обращения в царских тюрьмах напоминает попытку начальника главного тюремного управления России Хрулева на международном тюремном съезде в Вашингтоне доказать, что якобы заключенным в русских тюрьмах живется «не хуже, чем средней руки обывателю или крестьянину — на свободе». Разоблачая эту попытку, «Рабочая газета» в статье «Тюремный рай» писала: «Действительно, в России миллионы рабочих и крестьян живут как в тюрьме. И если в тюрьме рай, отчего же заключенные сходят с ума, кончают самоубийством и гибнут от болезней». Здесь же приводятся цифры, наглядно показывающие рост тюремного населения: «с 85 тыс. заключенных в 1905 г. до 220 тыс. в 1909 г.»²⁸

Обращает на себя внимание стремление Р. Пайпса при рассмотрении политики царизма к своим политическим противникам ограничиться 80 годами XIX в. и уйти от периода начала XX в., когда масштабы жестоких репрессий полицейского аппарата достигли неслыханных размеров. «В свете обширности России и огромных размеров созданной для борьбы с крамолой полицейской машины, — заключает Р. Пайпс, — эти цифры (17 чел., казненных за покушение либо за попытку покушения на царя и 4 тыс. чел. задержанных. — С. П.) кажутся весьма незначительными»²⁹. Такой вывод получившего известность своими антисоветскими выпадами американского «советолога» нельзя квалифицировать иначе как попытку сознательно фальсифицировать важнейший период русского освободительного движения, принижая степень репрессий царского деспотизма и тем самым обеляя его. И как бы ни пытался Р. Пайпс в предисловии к русскому изданию своей книги отрицать враждебность к России и русским людям, проявление ее несомненно и в апологии карательной политики антинародного царского правительства.

²⁷ См., например: Кеннан Дж. Сибирь и ссылка.

²⁸ Цит. по: Хазиахметов Э. Ш. Ленин и сыльные большевики Сибири; с. 85—86.

²⁹ Пайпс Р. Россия при старом режиме, с. 423.

Уничижающая критика деспотическому режиму, обрекающему своих узников на вырождение и вымирание, была дана еще современниками. Так, А. П. Чехов, готовясь к поездке через Сибирь на о. Сахалин, в письме к Суворину от 9 марта 1890 г. писал: «...Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гнали людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст..., развращали, размножали преступность...»³⁰

В работах советских исследователей политическая ссылка в Сибири изучается в тесной связи с революционным движением в стране. Как известно, несмотря на стремление царизма изолировать активных участников революционного движения от масс трудящихся, борьба продолжалась и в местах поселения. Ссылка как одна из форм карательных мер царизма в борьбе со своими политическими противниками не достигла целей, что было одним из проявлений глубочайшего кризиса самодержавия в рассматриваемую эпоху³¹.

Давая в целом оценку суждения англо-американских историков о ссылке в Сибири, необходимо подчеркнуть, что она рассматривается буржуазными авторами вне связи с классовой борьбой и общественно-политической жизнью страны предреволюционного периода. Как следствие такого подхода в зарубежной историографии совершенно не выражается отношение к политическому характеру ссылки на разных ее этапах, не говорится о качественных изменениях в партийном и социальном составе ссыльных в начале XX в., проявляющихся в усилении роли социал-демократов и возрастании процента рабочих и крестьян. Порочность исходных методологических установок буржуазной «россии» в освещении ссылки в Сибири неизбежно ведет к непониманию направленности социально-политического развития края как составной части России по пути буржуазно-демократических и социалистической революций.

³⁰ Цит. по: Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в.— февраль 1917 г.). Вып. 1, с. 126—127.

³¹ См.: Х а з и а х м е т о в Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905—1917 гг. (Облик, организации и революционные связи), с. 181—182.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Г. Х. РАБИНОВИЧА

1. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX — начала XX вв. Красноярск, 1962, с. 27—77.
2. К истории промышленности Енисейской губернии конца XIX — начала XX вв. (Публикация документов и комментарий. В соавторстве с З. Ф. Незнаевой). — Там же, с. 155—201.
3. Численность и состав рабочих золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX — начала XX вв. — В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной истории рабочего класса России в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1963, с. 152—155.
4. Положение рабочих золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX — начала XX вв. — В кн.: Доклады научной конференции НГУ. Новосибирск, 1963, с. 15—17.
5. Динамика численности и состав рабочих золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: Из истории рабочего класса Сибири. Енисейск, 1964, с. 69—87.
6. Рабочее движение на золотых промыслах Енисейской губернии накануне и в период Первой русской революции. — Там же, с. 89—107 (В соавторстве с Н. А. Свешниковым).
7. Из истории золотопромышленности Енисейской губернии конца XIX в. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1964, вып. 1, с. 66—79.
8. Об особенностях развития капитализма в Сибири (1861 г. — середина 90-х гг. XIX в.). — Вопросы истории Сибири, вып. 2. Томск, 1965, с. 3—19. (В соавторстве с А. П. Бородавкиным и Л. Г. Сухотиной).
9. Хроника стачечного рабочего движения на золотых приисках Енисейской губернии в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967, вып. IV, с. 51—64.
10. Рабочее движение на золотых приисках Енисейской губернии в годы первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1967, вып. 3, с. 117—125.
11. Очерки истории Томской области (с древнейших времен до конца XIX в.). Томск, 1968. 184 с. (В соавторстве с А. П. Бородавкиным, Л. И. Боженко, З. Я. Бояршиновой, А. Г. Жеравиной, В. И. Матющенко).
12. Фонды личного происхождения как источник для изучения истории буржуазии в Сибири. — В кн.: Доклады и сообщения научной конференции, посвященной 50-летию ленинского декрета по архивному строительству. Томск, 1968, с. 41—43.
13. Об экономическом развитии Забайкальской области в пореформенный период (1861—1895 гг.). — Забайкальский краеведческий ежегодник, 1969, № 3, с. 69—83. (В соавторстве с Л. А. Солопий).

14. К вопросу о многоукладности экономики Сибири в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: Научная сессия по проблемам многоукладности российской экономики в период империализма (Тезисы сообщений). Свердловск, 1969, с. 170—179.

15. Буржуазия г. Барнаула (1861 — середина 90-х годов) — Из истории Сибири, Томск, 1970, вып. 1, с. 70—107. (В соавторстве с В. А. Скубневским).

16. Обрабатывающая промышленность Сибири и Дальнего Востока накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1970, вып. 5, с. 96—114.

17. Городская недвижимость как сфера приложения капиталов буржуазии Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Из истории Сибири. Томск, 1971, вып. 3, с. 107—126.

18. Буржуазия города Барнаула (середина 90-х годов XIX в. — 1914 г.). — Там же, с. 143—167. (В соавторстве с В. А. Скубневским).

19. Малоизученные источники по истории буржуазии в России (некоторые вопросы методологии и методики исследования). — Методологические и исторические вопросы исторической науки, вып. 7—8. Томск, 1972, с. 192—218.

20. Архивные источники по проблеме генезиса буржуазии в Сибири. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972, вып. 3, с. 77—79.

21. Из истории торгового капитала в Сибири (А. Ф. и Н. А. Второвы). — Из истории Сибири. Томск, 1972, вып. 4, с. 253—268.

22. «Представительные» организации буржуазии в Сибири (конец XIX в. — 1914 г.). — Вопросы истории Сибири. Томск, 1972, вып. 6, с. 26—40. (В соавторстве с А. А. Говорковым и И. Г. Мосиной).

23. Из истории буржуазии города Томска (конец XIX в. — 1914 г.). — Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 6, с. 133—166.

24. О методах капиталистической эксплуатации промышленных рабочих Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 8, с. 106—116.

25. Монополизация речного судоходства в Сибири и на Дальнем Востоке (конец XIX в. — 1917 г.). — Исторические записки, 1973, т. 91, с. 113—149.

26. В. И. Ленин о формировании и особенностях буржуазии в России. — В кн.: Вопросы методологии истории и историографии. Томск, 1974, вып. 2, с. 11—16.

27. Из истории буржуазии в Сибири (Л. А. Михельсон). — Вопросы истории Сибири. Томск, 1974, вып. 8, с. 39—55.

28. Томская губерния в XIX в. — В кн.: Родной край. Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск, 1974, с. 131—142. (В соавторстве с А. П. Бородавкиным).

29. Буржуазия в обрабатывающей промышленности Сибири (конец XIX в. — 1917 г.). — Из истории Сибири. Томск, 1975, вып. 17, с. 94—146. (В соавторстве с В. А. Скубневским).

30. Крупная буржуазия Забайкалья (1895—1914 гг.). — Там же, с. 192—214. (В соавторстве с Л. А. Солопий).

31. Источники формирования и состав городской буржуазии Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. — В кн.: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск, 1975, с. 117—124.

32. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975, 328 с.

33. Крупная буржуазия Забайкалья в конце XIX — начале XX вв.— В кн.: Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976, с. 137—170. (В соавторстве с Л. А. Солопий).
34. Из истории кредита в дореволюционной Сибири. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1976, вып. 9, с. 46—62.
35. Крупная буржуазия Новониколаевска (Новосибирска) в период капитализма. — В кн.: Из истории Алтая. Томск, 1978, с. 68—94.
36. Томская губерния в период разложения феодального строя и роста капиталистических отношений в России (1-я половина XIX в.). Предисловие. — В кн.: Из истории земли Томской. 1604—1917. Сборник документов и материалов. Томск, 1978, вып. 1, с. 85—87.
37. Томская губерния в период развития домонополистического капитализма в России (2-я половина XIX в.). Предисловие. — Там же, с. 118—121.
38. Финансовая олигархия России и корниловский заговор. — В кн.: 60 лет Великого Октября и Сибирь. Томск, 1979, с. 33—37.
39. В. В. Берви-Флеровский в Томске. — В кн.: Томску 375 лет. Томск, 1979, с. 68—78.
40. Рецензия на книгу: Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. — Известия СО АН СССР, серия общественных наук, 1979, № 11, вып. 3, с. 175—176.
41. Корреспондент К. Маркса.—Красное знамя (Томск), 1979, 29 апреля.
42. Акционерные коммерческие банки на Алтае в период империализма. — В кн.: Барнаулу 250 лет. Барнаул, 1980, с. 115—118.
43. Уставы акционерных коммерческих банков как источник для изучения состава финансовой олигархии России периода империализма. — В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980, с. 94—97.
44. Пролетариат и буржуазия Сибири в период империализма. — В кн.: Рабочий класс центра страны в Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1981, с. 105—130. (В соавторстве с Н. В. Блиновым).
45. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982, гл. 3 (В соавторстве с Б. К. Андрущенко и А. Мухиным).
46. Буржуазия Сибири в 1907—1914 гг. — В кн.: Из истории буржуазии в России. Томск, 1982, с. 109—125. (В соавторстве с И. Г. Мосиной).
47. Сибирское крестьянство 60-х гг. XIX в. в трудах В. В. Берви-Флеровского. — Вопросы истории Сибири. Томск, 1982, вып. 11, с. 65—71.

Список составлен О. Н. Разумовым.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АТОКМ — Архив Томского областного краеведческого музея
- ГААК — Государственный архив Алтайского края
- ГАИО — Государственный архив Иркутской области
- ГАКК — Государственный архив Красноярского края
- ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
- ГАОО — Государственный архив Омской области
- ГАТО — Государственный архив Томской области
- ТФ ГАТО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
- ЦГИА — Центральный государственный архив СССР
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

I. Историографические и источниковедческие аспекты социально-экономической истории Сибири периода капитализма

Рабинович Г. Х. В. В. Берви-Флеровский о сибирских рабочих 60-х гг. XIX в.	5
Адрющенко Б. К. Дореволюционная историография обрабатывающей промышленности Сибири и ее кадров (1861—1895 гг.)	13
Коновалов П. С. Строительные рабочие Сибири эпохи капитализма (К историографии вопроса)	22
Большаков В. Н., Цепенникова Е. П. Материалы санитарных обследований судовых команд как источник по истории рабочих речного транспорта России (на примере данных по бассейну Енисея за 1913—1916 гг.)	31
Бойко В. П. Сибирская периодическая печать как источник по изучению крупной буржуазии Западной Сибири второй половины XIX в.	53
Старцев А. В. [✓] Об источниках по истории пушного дела в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.	64
Троицкая Н. А. Вопросы формирования и развития дальневосточной буржуазии в современной советской историографии	75
Скубневский В. А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии	84
Дмитриенко Н. М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма	98
Соболева Т. Н. Управление Кольвано-Воскресенским (Алтайским) горным округом в XIX — начале XX вв. К историографии вопроса	110
Бузанова В. А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи как источник по изучению численности сельскохозяйственных рабочих Сибири	124
Никулин П. Ф. К уровню развития аграрного капитализма Западной Сибири в начале XX в. (опыт корреляционного анализа)	135 *

II. Вопросы историографии и источниковедения классовой борьбы в Сибири в период капитализма

- Блинов Н. В., Зиновьев В. П. Методика составления хроники рабочего движения в Сибири 150
- Толочко А. П. К характеристике архивных источников по истории рабочего движения в Сибири в годы реакции и нового революционного подъема (1907—1914 гг.) 169
- Зиновьева В. И. Хроника создания рабочих организаций Западной Сибири (1876—1907 гг.) 176
- Афанасьев А. Л. Советская историография деятельности эсеров в Сибири в период революции 1905—1907 гг. 191
- Передерий С. В. Политическая ссылка в Сибири в оценке современных англо-американских буржуазных историков 203

III. Библиография

- Список научных трудов Г. Х. Рабиновича (сост. О. Н. Разумов) 211
- Список принятых сокращений 214

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СИБИРИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Редактор М. И. Сваровская
Технический редактор Г. Н. Гридина
Корректор Г. В. Астапенко

Сдано в набор 29/XI-84 г. Подписано к печати 9/XII-85 г. КЗ09046.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3.

Литературная гарнитура. Высокая печать. П. л. 13,5; уч-изд. л. 11,2;
усл. п. л. 10,4. Тираж 500 экз. Заказ 6711. Цена 1 р. 70 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Типография издательства «Красное знамя» 634050, ГСП,
Томск, пр. Фрунзе, 113.